

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 11 (август 2011)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации г. Тамбова*

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 11. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ООП «Литфонд России», 2011. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

ПРОЗА

Мария ЗНОБИЩЕВА. Танька. Рассказ	3
Марина ФАДЕЕВА. Грустные истории	18
Зинаида КОРОЛЁВА. Судьбы сплетая нить. Приключенческая повесть	40
Ирина МАШЕНКОВА. Рассказы	84

ПОЭЗИЯ

Марина КУДИМОВА. Поселение. Сценарий	92
Лидия ПЕРЦЕВА. Христианские притчи	116
Валерий МАРКОВ. Стихи	122
Вячеслав ВОРОНИН. Стихи	129
Людмила СЕРГЕЕВА. Стихи для детей	133

ДРАМАТУРГИЯ

Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ. Автостоп. Драма в 2-х действиях	138
--	-----

ЮНОСТЬ

Роман БАГРЕЦОВ. Времена года. Венок сонетов	192
--	-----

КРИТИКА

Светлана ДЕМЧЕНКО	
Философия “выживания” в творчестве Виктора Герасина	201
Мария ЗНОБИЩЕВА. Вперёд по дороге жизни	
<i>Заметки о новой книге В. Дорожкиной “Дорога жизни”</i>	211

ТАМБОВУ – 375

Валентина ДОРОЖКИНА. Поэтическое признание в любви	216
Стихи о родном городе	221
Владимир СЕРЕДА. “Гордо носи своё горькое время...”	228
Иван ПОТАПОВ. Стихи	238

ВЗГЛЯД

Людмила КОТОВА. Предательство или миссия?	247
Николай НАСЕДКИН. “Ундервуд” с дискетой	250

ЛИТЖИЗНЬ

Будни и праздники.....	251
Новые книги.....	255

Мария ЗНОБИЩЕВА

ТАНЬКА

Рассказ

Глаза у неё голубые и весёлые, будто водичка в карельских озёрах летним праздничным днём. А волосы – золотые и мягкие, как у девочки из северной сказки.

Мы подружились, когда было нам по восемь лет. Я гостила летом у бабушки, в лесном станционном посёлке, куда можно попасть, если сесть в электричку на Финском вокзале и два часа смотреть, как мелькают за окнами сосновые перелески, жёлтые песчаные овражки, волшебная вода, к которой никак нельзя привыкнуть, да округло-забавные в своей важности названия станций: Мюллюпельто, Петяярве, Капесалми.

Таких посёлков по России много. Их строили воры и убийцы, а жили в них потом – ровно пополам: пьяницы и интеллигенты из ссыльных. Последние ассимилировали в первых часто, первые в последних – почти никогда. Сейчас к основному населению прибавились ещё воркутинские шахтёры, распределённые сюда на жительство. В основном, пенсионеры, и среди них – моя бабушка.

---

*Мария Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году.
Аспирантка ТГУ им. Г. Р. Державина.
Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Российский колокол», «Наша молодёжь», «Детская литература» и др.
Автор семи книг. В «Тамбовском альманахе» печатались стихи, рассказы, критические статьи Марии.
Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.
Член Союза писателей России с 2006 года.*

Таких посёлков по России много, но таких мест, думаю, нет. Раньше была здесь финская деревня Саккола, славная свиноводством, были и мельница, и кирха, и всё, что положено. Была, наверное, тягучая и светлая как белая ночь, любовь, были песни на берегах у костров, были запахи жареной рыбы и шутки косарей на привольных, розовых от Иван-да-Марьи лугах.

Обходя посёлок лесными и полевыми тропами, долго-долго бредя вдоль прозрачной воды, где сосны вскидывали под свинцовым в ненастье небом ветвистую тоску своих рук, я потом, уже взрослая, услышала всё это. А пока в нём была только Танька.

Мы подружились просто. Она протянула мне загорелую худую руку, чуть прищурилась синими и узкими, как лодки, глазами; «пфф», – сдула, не разжимая губ, набежавшую на лоб жёлто-русую волну, представилась:

– Таня.

На вопрос: «Где ты живёшь?» показала пальцем в сторону соседней пятиэтажки, даже окно назвала:

– Третий этаж, квартира тридцать пять. Выйдешь гулять – заходи, буди. Я сплю до одиннадцати.

– Так долго?

– У нас все так спят на посёлке.

И мы с сестрой заходили за Таней. Танькой. Она была местная и всё знала. Всё – это двадцать панельных домов, да ещё хутор за дворами, магазин, почта, станция, водонапорная башня, заросший сорняками фундамент непостроенного дома, который казался нам критским лабиринтом, дорога через поле и, конечно, река!

Мы с сестрой никогда не видели таких рек.

Родная нам смуглая мордвиночка Цна, всё что-то скрывавшая по зарослям да извивам, всё что-то шептавшая на древнем своём языке, любила казаться меньше, чем есть, притворяясь то ручейком, то змейкой, то просто влажной тишиной вокруг города. Звук её имени тоже был тайной, похожей на тёплую, пронизанную сверчковым стрёкотом, южную ночь.

А эту реку и звали привольно, сказочно: Вуокса – почти как Волга, только по-фински. Вода в ней всегда была холодна, и лишь в самые редкие, зенитные дни лета на песчаных гладких отмелях, у берега, становилась она кроткой, неподвижной и ласковой до первого ливня, первого ветра. И в такие утра нельзя было быть где-то, кроме реки. Она вся сияла мелкой рябью почти невидимых кро-

шечных волн, таких лёгких, как будто это дышал ребёнок на парное молоко. Перевитые обнажёнными золотисто-огненными корнями сосен, подмытые весенними разливами, берега рассыпались уютным горячим песком.

У самой кромки воды песок почему-то был розовым, потом лиловым, фиолетовым и – синим. Он был пропитан влажным, солёным и умным запахом. А самое главное, из него получались розовые песчаные замки! Когда река выбрасывала нам для игры пахучие скользкие водоросли, осколки перламутровых раковин, мелкую нежно-розовую и голубую гальку, отсыревшие сосновые шишки, мы с жадностью подбирали всё это, чтобы украсить высокие башни своих бастионов. Каждое утро мы знали, что следующим утром берег вновь будет гол, что вот сейчас какой-нибудь мальчишка уже поджидает, следя из-за кустов, когда мы пойдём купаться, чтобы разрушить замок ногами, – мы всё это знали и всё-таки строили.

Но самой прекрасной оставалась вода. И мы там резвились так, как только можно в восемь моих и пять сестриных лет. Танька предостерегала:

– Здесь до середины – по колено, а потом сразу обрыв. Бездонный.

– Откуда знаешь?

– Пацаны говорили, и отец с лодки мерил.

– А сама туда не ходила?

– Не... Вы что? И вы не ходите – утя-а-а-анет. Если от косы идти, дак там обрыв совсем близко, потому там и не купаются.

Действительно, можно было идти по воде долго-долго, совсем не боясь глубины. Дно везде было чистым и ровным, вода – прозрачной, сквозь неё виднелся золотой песок, снующие сизыми стайками мальки, гладкие, то тут, то там, будто горстью брошенные камешки. Я нигде не видела потом такой воды.

Весело было с Танькой; как эта река, открыта она была для дружбы, счастьем лучилась и хохотала весь солнечный день, а в пасмурный ходила «надувшись», обижалась и хмурилась, прожигая колючим синим холодом глаз.

Она говорила «клёво», «понтово», «на фиг», а я поучала: «не клёво – а хорошо, здорово», и Танька показывала язык моему заудству.

– Вот не зайду за тобой завтра, если будешь коверкать слова! – говорила я.

А Танька насмешливо и с ехидцей шурилась, размазывая под носом пыльную соплю. И я не заходила за ней. В воспитательных целях.

А потом, уже к вечеру, она выходила сама, делала вид, что не замечает, и после дней пять, до изнеможения «дулась». До неё вдруг доходил слух, что нам до отъезда остаётся неделя и, забыв гордость, утром Танька сама забегала за нами, изумляя выходящую на звонок бабушку внешним видом: надетыми под халат спортивными штанами и туфлями на высоком каблуке.

Мы радостно бежали гулять: взахлёб есть чернику прямо с кустов – даже не есть её, а пить, превращаясь ртом, щеками и ладонями в синих лесных людей. Людей одного племени и одной, черничной, крови. А потом мы снова шли на реку, перебирая дни, говорили:

- Вы вчера в мяч играли у валунов, я вас видела.
- А что же не подошла?
- Дык!.. А вы что не подошли?
- А мы тебя не видели!
- И позавчера не видели?
- Позавчера – нет, а вот поза-позавчера точно видели!
- Не могли вы меня видеть поза-позавчера!
- Почему?

– А мы с отцом в четыре утра на рыбалку поехали. До Приозерска, а там – на остров... Я с ним в лодке была, на Ладогу ходили.

И, гордая произведённым впечатлением (мол, и я не скучала без вас), Танька тут же забывала обиду.

Отец её был финн. Ездил в Питер на заработки. Рыбачил. Чаще он бывал пьяным и добрым, трепал Танькину голову тяжёлой тёмной рукой. По трезвому – бил, наверное. Так говорили про их семью, а мы видели только один раз.

За домом, где жила Танька, был двор – не двор даже, а просто кусок леса, подзамусоренный людьми и отделённый от настоящего леса шоссейной лентой. Там мы втроём, да ещё несколько девчонок, наших с Таней одногодок, устроили летний театр. Протянули меж деревьями старую штору, расчистили на полянке песок, смахнув с него иголки и шишечный сор, расставили рядками деревянные ящики и старые коробки для зрительских мест. Инсценировали для поселковых малышей «Красную Шапочку».

Танька была Красной Шапочкой. Очень хорошенькой. И алый

берет ей кто-то принёс, и белый фартучек поверх голубого платья. И пока матери дома не было, Танька до густой красноты нарумянила щёки, подсинила веки, наредила губы – «должна ж я, как актриса, загримироваться!».

Всё было бы чудесно, если б на балкон не вышел с сигаретой Танькин отец. Через минуту стоял он на «сцене» и, жестоко хлеща по щекам воплящую дочку, ругал её страшными словами:

– Будешь знать, как кривляться, ... размалёванная! – тумаклами, чуть не за волосы, погнал он Таньку домой. – Быстро смывай с себя эту заразу. Так недолго знаешь до чего, ..., довертеться? Перед парнями – хвостом вилять?!

Мы опешили, малыши пораскрыли рты. Не знали, что и придумать, как вызвать Таньку, как защитить, какое слово потом сказать при встрече. Но через четверть часа она вернулась. Лохматая, зарёванная и с торжеством в глазах. Следы косметики на её лице исчезли:

– Что смотрите? Давно не виделись? Какой у нас следующий номер программы?

* * *

Мы с сестрой вообще виновато чувствовали себя рядом с ней. У нас были самые лучшие родители, а у неё – не было. Хотя зачем я так говорю? Она, их поздний ребёнок, любила ведь их, вечно кричащих, пьяных, состаренных нищетой и алкоголем. Любила отца, потому что он был в ласке так же щедр, как в битье. Любила большую, с рыжей гривой волос, маму, с велосипеда упавшую в бурьян и сломавшую себе что-то. Любила таких, какие были, – других-то ведь не предполагалось.

Ходили однажды на реку вчетвером: Танька, мы с сестрой и мама. Играли в мяч, стоя в дурашливых маленьких волнах, ныряли и ловили друг друга под водой. Мама то сидела на песке, то присоединялась к нам. Жадным ожиданием полны были глаза Таньки, когда мама думала, кому из нас бросить мяч, за кем вдогонку поплыть. Ей хотелось бы и себе такого летнего дня – я знаю. И чтобы он не кончался ни сейчас, ни с нашим отъездом, никогда... Но она возвращалась домой, и там было другое.

– А у вас... желудок загорел! – сказала она, указывая на мамин живот.

Мы прыснули:

– Почему – желудок?

– Ну, я же не могу сказать про вашу маму, что у неё живот. Она обидится. Живот – это у толстых!..

Мы загорели за это лето так, как не загорали под родным лесостепным небом, выгорели и вылиняли насквозь, вместе с желудком и сердцем. Наши волосы и глаза обесцветились, и осталось в них только одно – счастливый блеск, похожий на речные волны.

* * *

Потом мы писали письма – немножко ревнивые друг к другу: не появилось ли у нас или у неё новых друзей. Почерк у Таньки был круглый, хвостики букв торчали задорно, писала она цветными гелевыми ручками:

Здравствуйте, мои подружки! Как вы там? Всё получаете свои пятёрки, или умудряетесь четвёрки тоже получать? Как ваш кот и как собака?

Фигово, началась школа... Училка по матике очень плохая, я ничего не понимаю. Зато у нас в классе новый мальчик Женька. Как раз в моём вкусе! Но не спешите меня им дразнить. За мной тут ещё двое ухаживают, и ещё один пока просто смотрит. А у вас там не появились женишки?

Спасибо, что поздравили с днём рождением. Да, вот мне уже и десять лет. Встретила его нормально. Подарили платье и свитер, а потом ещё игрушечного щенка. Я назвала его Лапа, он как настоящий. Приезжала в гости Поля, и мы смотрели мультики.

Скоро осенний бал, я хочу танцевать с Женькой, но вряд ли он меня пригласит. У нас пацаны уже курят, а у вас? Маша, не возмущайся, я не курю!

Ну вот, пока всё. Целую, пишите!

Таня.

Я спрашивала у неё: «Как там река? Есть ли в лесу брусника? Холодно ли?», а она никогда ничего такого не спрашивала: мир, из которого мы приезжали, её не интересовал и даже почему-то, как название нашего города, смешил. Но зато вопросы и мысли о мальчишках были всегда. Через три года Танька писала уже примерно вот так:

Привет-привет!

Это снова я! Поздравьте меня! Кажется, с Жекой всё кончено.

Вчера мы с Настей и Костяном ходили к Жеке в гараж чинить мотоцикл. Сначала прикалывались, курили и всё такое, потом подошли двое пацанов, Анатолий и Колян, им по 19 лет. Колян такой тёмненький.

Началась гроза. Мы стали на спор выбегать из гаража под дождь. Потом один из них говорит: «А голышом – слабо?». Мы стали ржать, ну я, понятно, отказалась, а Настя выскочила, и потом к ней все приставали как ненормальные. Жека хотел меня увести, но я сказала: «Интересно, чё ты! Тем более гроза, холодно выходить». И молния попала куда-то. В проводку, наверно. А уже было темно, и мы, короче, остались без света... Тогда меня кто-то начал лапать и целовать. Я поняла, что это не Жека, но было прикольно. Наверно, это был Колян. Он в последнее время часто за мной заходил в школу и покупал чупа-чупсы, а один раз даже «Вагон Виллз». Но потом меня Жека рванул за руку и повёл на улицу, под дождь. И он на меня не смотрел вообще, а просто довёл до подъезда, развернулся и ушёл. С тех пор он вообще со мной не разговаривает, а Колян наоборот. Конечно, Колян старше и интересней, но с Жекой-то мы три года.

Наверно, я бы спросила у вас совета, но, во-первых, вы в этом ничего не понимаете, а во-вторых, пока придёт ваш ответ, я уже замуж выйду и разведусь.

Как-то фигово мне... Ну ладно, пока.

Таня.

Её новые письма пестрили всё более откровенными подробностями и постепенно так разошлись с моими интересами, что я совсем перестала на них отвечать, а показывать их младшей сестре просто стеснялась.

Взять и приехать в Петербург для нашей семьи вскоре стало совсем не просто, встречи, обещанные нами Таньке, всё откладывались, и, казалось, она обиделась навек.

* * *

И вот мы всё-таки встретились с ней через десять лет.

В дождливый день с полинявшим зонтиком в руке она шла по улице посёлка: в свои двадцать лет – большая, крепко сбитая и рав-

нодушная ко всему. Я бы, наверное, не узнала её в толпе. На ней было чёрное платье в белый горох и шерстяная кофта внакидку, веки подсинены, губы ярко покрашены, глаза подведены.

– Машка? – она улыбнулась. Двух передних зубов не было. Сощурила на меня ещё чуть более узкие, чем раньше, глаза. На широком, чуть расплывшемся лице обозначились ямочки.

– Я-а... Таня?!

Мы обнялись. Она придирчиво окинула меня взглядом.

– Ты совсем не изменилась. Не рожала?

– Не-ет... Я...

– В институте учишься? Доучишься, а уж потом семья, дети? Правильно. Ты такая... Такая, как надо.

– А ты?

– Колледж закончила, сейчас работаю.

– Да? Здорово! А где?

– Продавцом.

– Здесь или в городе? Что продаёшь?

– Здесь, на станции, в продуктовом... – Она с минуту посмотрела на меня, будто отыскивая что-то в моих глазах. – Я аборт сделала.

– ?..

– Бывший парень, Сурен, не хотел детей. Но мне всё равно было, хотела для себя родить. А я уже то-о-олстая ходила, ещё же в шубе, зимой – все стали замечать, хотела уже коляску покупать для малого. А Сурен, собака, стал крутить со всеми, с подругами моими и со всеми. Считай ведь, это я его бросила. Но так мне плохо было, когда мне подруги стали про него рассказывать, и... Не выносила я ребёночка. Это, считай, выкидыш. А аборт – это Гришка, сволочь, виноват. Он ведь молдованин, на стройке работает, переезжает с объекта на объект. Я его редко вижу. Ну, на 14 февраля взяла и сказала ему, что на Новый год хорошо мы с ним отдохнули. Он так перепугался: «Что ты, что ты, зай! Сейчас не надо! Вот переедем в Питер, на хорошую работу устроимся, тогда хоть десять!» Дал мне денег, короче, и я от испуга ничё не поняла – пошла и сделала. Плакала так потом. Вот уж полгода прошло, а я пощас вспоминаю...

– А родители как же?

– Нету никого. Мама умерла, когда мне пятнадцать было, а папа – когда семнадцать.

– И ты теперь одна?

– Считай, одна. Гришка иногда приезжает.
 – Как? Ты – с ним?
 – Да, он хороший, Гришка. Замуж зовёт, осенью, может, в Молдавию вместе поедем.

Она рассказывала и курила, курила и смотрела мне прямо в глаза – совсем без вызова и без зависти, даже без боли – спокойно. Неслись голубые лодочки-глаза по бесконечной и мутной реке и говорили как будто: «Река, она такая, течёт себе... Всякая, но течёт».

Мы постояли рядом под дождём и разошлись.

* * *

А потом – ходили гулять. Танька всё говорила, говорила... Говорила такое, что нельзя, невозможно, нечестно было бы молчать в ответ. Но и откровенничать не хотелось. Во мне жила тогда особенная тоскливая теплота послегрозья, когда душа, примирённая с тем, что по-земному и по-глупому её не полюбят, радостно благодарила мир за то, что он стоит и цветёт лучше прежнего.

Но как было объяснить всё это? И на вопросы Таньки я отвечала коротко: Да, любила... А он?.. Он – нет... Да, казалось... Нет – оказалось.

И, наверное, она ощущала себя счастливой:

– А Гришка меня любит. И он мне первый признался. Розы дарил, шоколадки, шампанское. Кофточку подарил. Он мне каждый день эсэмэски пишет. А тебе – пишет?

– Нет.

– И не звонит?

– Звонит иногда.

– И чё говорит?

– Разное. Разные мысли... о жизни.

– А как называет?

– По имени.

– А меня Засей называет!

И мне становилось радостно, что всё у них правда будет, и Танька согреется молдавским солнцем, и потом они вернутся в Питер, родят много мальчиков и девочек. А может, не вернутся совсем, останутся там, в большой Гришкиной семье, и Таньку будут звать красиво, с выдумкой: Татьяна Кудряно.

Мы ходили с ней купаться в тихое и прохладное лесное озеро.

Берег был весь в тени, на суше дул ветер, и 20 градусов северной жары совсем не согревали меня. Но Танька то и дело вздыхала: «Уф! Жарко...» По дороге она включала молдавские мелодии на своём мобильном и рассказывала мне, о чём поётся в молдавских песнях.

– Ну, типа, она его ждёт и ночью, и днём, а он в далёкой стране, у него там, наверно, другая жена. А она под сердцем носит сына. Но если он даже приедет и станет её искать, она спрячется в доме отца и не покажет свой живот. Круто, да?

– Красивая мелодия.

– Мелодия вообще обалденная!

– Соскучилась ты?

– У-у-у-у! Спрашиваешь! Я бы его так и съела, сразу! Попадись он мне только! «Я, – пишет, – заболел». Сыпь у него какая-то. А я ему: «Да хоть чума, ты от меня не отделаешься! Приедь только!»

И она погружалась в свои мелодии. А вокруг, вдоль шоссе, пирамидками стояли нарядные сосны, под ними, как положено, дремали раскидистые кусты рябин, кое-где виднелась малина. А совсем у земли, крупная в ярко-зелёной траве, пряталась земляника.

Зоркие глаза Таньки быстро высматривали её в лесной зелени, и она то и дело склонялась к земле:

– Чего не собираешь?

– А где?

– Да везде! – Танькины губы алели соком, и на пальцах выступала, как от укола иголкой, ягодная кровь.

К концу июля, когда и я научилась собирать ягоды скорее ощущаю, чем на взгляд, земляничная пора прошла, и мы стали ходить за черникой.

Мы ходили недалеко.

– Лень мне, – признавалась Танька. – Так только, баночку варенья сделаю к Гришиному приезду... Вот раньше ходили с матерью надолго. Литра по три, по четыре на рожу приносили. Она продавала у дороги. Потом, она когда заболела, я тоже ходила продавать. Летом хорошо берут. Покупала матери лекарство, две «Балтики» – ей и себе, ну там, жвачки разной, и ещё на сотовый положить хватало.

– А сейчас не продаёшь?

– Мне много не надо. Зарплаты хватает. Да и надоело торговать. Хочу осенью в институт поступать.

- Вот это хорошо! А на кого?
- Может, на юриста. Только у меня аттестат плохой, и вообще запоминаю плохо, боюсь экзаменов. А если платно, то я ещё мало скопила.
- Может, Гриша поможет?
- Он? Да ты что! Пока только я ему помогаю... Блин, комары достали... Уф... Вон валун, пойдём сядем-посидим. Что-то спину не разогну.
- Мы, как на плюшевом диване, с ногами устроились на мшистом валуне. Танька легла, закинув за голову руки, глядя на свет в вершинах сосен.
- Надоело всё, Машка. Гришка не звонит. Дружки его сказали, он в Молдавию уехал.
- Как?! Без тебя?
- По ходу...
- И давно?
- Вроде неделю назад, а мне сказал, что ещё месяц на объекте в Лосево будет. – Губы у Таньки задрожали.
- Подожди-подожди, но ведь как-то можно проверить?
- Он сотовый вырубил. Машка, блин, я ведь вчера на почту ходила, заказывала междугородку. Прикинь, до чего докатилась: звонила его родителям в Молдавию! Он с моего сотового разговаривал один раз, а я их номер взяла и сохранила...
- И что?
- Что-о-о! Подошёл мужик, отец, наверно... Я говорю: «Здравствуйте! А Гришу можно?». А он: «А вы кто?». Я такая: «Таня, его жена». И слышу, он зовёт: «Гриша, тебя кралечка из России». Понятно, да? Ну, я жду, жду – там шум какой-то. И потом отец говорит: «Таня, его нет дома». «Ну вы же звали его», – ору. – «Нет, вам послышалось». И трубку бросил... Такие дела.
- Подожди, может, вернётся...
- Ну, на фиг! Я что, маленькая? Не в первый раз. Они все такие. Таня лежала и смотрела в небо – тёмно-серое, с синевой, как глаза у неё в ту минуту, а по щекам, вдоль крутых загорелых скул, стекали, одна за другой, слёзы.
- Один Жека меня любил. Жека... я тебе рассказывала?
- Я кивнула, вспомнив её письма.
- Только мы тогда мелкие были... Смешны-ы-е... Всю школу за мной таскался. Помнишь ель такую большую, у дороги, как идти в

Суходолье, за хутором? Ну... Это наша с ним ель! Нам тогда одиннадцать лет было. Снег падал, так вообще всё красиво было. И он меня привёл к этой ели и сказал: «Таня, я дарю её тебе». Странный такой. Росла она тут и росла, я скоко живу, вообще её никогда не замечала. Но он так это сказал... Мне понравилось. С тех пор мы стали типа встречаться. Он меня первый поцеловал. Вообще он у меня был первый. Мне тогда четырнадцать исполнилось...

– Подожди, ты же мне писала, что вы в тринадцать лет расстались.

– Чё, правда, писала? Ну дак мы постоянно расставались и мирились. Цапались с заразой...

Короче, в сентябре мне четырнадцать исполнилось, а в октябре мать евоная, тётя Катя, нас за брусникой отправила. Ну, мы пошли. Уже холодно было, в лесу так пасмурно, её ж по первому морозу собирают. Короче, мы заблудились, и я на болоте ноги промочила. Прикольнo было, если так всё вспомнить!.. Короче, орали сначала, я редела, он утешал, потом стал уже на меня орать: типа, я сею панику. Походили туда-сюда, стали слушать, откуда шум. Самолёты ж где-то рядом должны быть. Жека в одну сторону показывает, а я – в другую. Ну, ты ж знаешь, у меня глюк такой – кажется, как будто звук совсем из противоположной стороны. Поцапались из-за этого. Хорошо пошли всё-таки, как он сказал, а то б в лесу ночевать пришлось. Но мы и так там, считай, целый день провели. Брусники я тогда объелась конкретно... Вот, а когда вышли, он меня к себе привёл. У меня уже температура под сорок. Тётя Катя всяким тряпьем меня завалила, чай там с вареньем, всё такое, спиртом руки-ноги протирала. А Жека всю ночь у постели дежурил... Машка, на меня так никто не смотрел, хотя пацанов потом было... – моря!..

Чё у нас ещё-то хорошего было? А! Вот... Один раз он мне такой подарок сделал. Вечером позвонил, попросил утром встать пораньше и белое платье надеть. «В загс что ли поведёшь?» – я ему. А он: «Нет, лучше!» Ну, я ночью, понятно, не спала. А утром в шесть часов он за мной зашёл. Пошли на вокзал, сели в электричку. Он говорит: «Сейчас я тебе глаза завяжу, а потом развяжу». Я: «Ну, ладно». Сама еду, слушаю. Станции объявляют – как в сторону Приозерска ехать. Через какое-то время выходить надо. Он такой меня взял на руки, вынес и понёс куда-то. Мне кажется, мы очень долго шли. А я уже тогда немаленькая была, не знаю, как он меня пёр. Один раз, считай, упали. Ну, я ж его ещё пытала всю дорогу:

куда несёшь, типа. И щекотала. Приходим, он меня ставит на чё-то деревянное и глаза развязывает. Смотрю, а вокруг – вода. Туман ещё такой лёгкий, прохладно. И мы на катере. Вдвоём. А вокруг куча всяких лодок, яхт, катеров. Флаги, музыка. И я в лёгкой кофточке и в белом платье. Как в кино! Оказалось, был смотр в честь Дня военно-морского флота. Красиво...

– Таня, а почему вы расстались?

– Ну как? Мы ж ровесники. Я уже себя взрослой считала, а у него всё пацанское: и мысли, и привычки, и тело, и душа. Надоело мне, я ему стала как мать, а мне оно не интересно... Нет, я его вообще любила. Но там Санёк появился, потом Витала, потом Сурен. А как родителей не стало, ко мне часто мужики начали шастать. Я дверь запираю, а они на балкон. Прикинь? Третий этаж! И Жека тоже ходил. Пьяный. Хотя у нас на ту пору уже всё, ничего не было. Приходил, сидел на кухне, чё-то про жизнь рассказывал. Ну мы просто как друзья были. Я его братиком звала, а он меня сестрёнкой. Один раз пришёл особо пьяный, стал орать, что меня одну всегда любил и любит. Разбуянился, всю квартиру мне изгадил. Я хотела выгнать, а потом думаю: пусть проспится. Так и спал у меня у прихожке на полу...

– Может, и правду он говорил. Зря ты с ним так. Поженились бы, зажили бы нормально.

– Мне тогда казалось, нормальной некуда. Всё нравилось, и семью я не хотела. Это теперь вроде как пора. А Жека – да... Пошас жалко его иногда.

– А сейчас он где?

– Посадили.

– За что?

– Обвиняют в убийстве. Там плохая история случилась. На лесопилке разборки были, Жека просто вместе с пацанами пришёл друга поддержать. А там такой друг, блин. Вован. Не знаешь? Ну его все знают! Он с детства на учёте стоит. Сначала камешки клал на рельсы, потом леса жёг, потом в воинской части чё-то стырил, я уже не помню. Ну, в общем, нарвался на такого же, стали разбираться. Я когда к Жеке в тюрьму ездила, он мне рассказывал, как дело было. Сначала в рукопашную дрались, а потом из ихних кто-то ножик, короче, достал. Вован стал орать на своих: «Дайте мне чё-нибудь!» А у Жеки всегда с собой ножичек был, такой маленький, с красной рукояткой. Он ему и отдал. Одно, другое. Ну, одного

пацана убили. Жека знает, кто. Не Вован. Один парень питерский. Но там такой парень, что его не тронь, за него весь Питер будет горой! Потом по ходу следствия стали разбираться: «Чей ножик?» – «Жекин». Они его схватили, особо разговаривать не стали, хотя все ребята показали против того пацана из Питера. За Жеку-то некому заступиться... Тётя Катя хлопотала как-то, но надо денег много. У неё нет, там ещё Жекину сестру учить надо... Так что сидит мой братик...

Она говорила это и как будто даже не удивлялась. Как филину положил Бог долю – сидеть на дубу, а зверю – в норе, так суждено было Женьке сидеть в тюрьме... А Танька уже не плакала, доедала из стаканчика последнюю горсть собранной черники.

* * *

Напоследок я попросила её сходить со мной на реку.

– На какую реку? – удивилась Танька.

– Как на какую? На Вуоксу!

– Река дальше, за Суходолье и на север, а это озеро. Оно тоже Вуокса называется.

– Как же? Ведь там течение!

– Ну, не знаю. Мы тоже в детстве думали, что река. А сейчас говорят, озеро. Проточное просто.

Мы шли к Вуоксе, и мне было до слёз обидно, что она оказалась не рекой, а озером. И если бы ещё просто озером – замкнутым в своей тишине, в своей красоте, таким самодостаточным, заигравшимся в гляделки с небом. Но оно было проточным.

Шли молча, потому что лето заканчивалось, и мы уже рассказали друг другу всё, что можно и нельзя. Низко над скошенным лугом ползли серебристые облака, издали наблюдали за нами хуторская корова Яна, у дорожной колеи стояли, поникнув в пыли, большеголовые ромашки.

Едва войдя в сосновый перелесок, коридором прохлады и зелёной с золотом тишины предварявший парадную залу водного простора, я почувствовала знакомое с детства предчувствие счастья. И, не сговариваясь, резво как когда-то, мы наперегонки побежали с Танькой к голубеющей за деревьями воде.

Вуокса – красавица! Совсем ребячески заколотилось при встрече с ней сердце, и так захотелось броситься в её распахнутые объятия! Едва-едва, тонкой потусторонней линией виднелся где-то в

дали, такой далёкой, что глядя в неё, слезами туманились глаза, другой берег. Тёмно-лиловые в середине, словно прижатые к спине плавники гигантской рыбы, гулко и ровно двигались волны, становясь чуть светлее у кромки воды. На обрыве стояла осина; ветер, рождённый, чтобы дуть в паруса, пригибал осину к земле, и каждый лист её был как отдельный. Но всё-таки вместе сквозили они каким-то неистовым, неземным светом, и больно становилось смотреть.

Танька быстро стряхнула с ног туфли, скинула платье, бросила на осиновый куст тонкие, как паутинка, колготки, на прибрежный, излизанный волнами валун положила красную нитку бус. Не приглашая меня, совсем свободная и один на один с водой, постояла, раскинув руки. Ветер трепал разметавшиеся колечками желто-русые её волосы. Она шагнула, шагнула опять, потом побежала. И там, дальше, где вода доходила ей уже до подбородка, поплыла, покачиваясь, в свинцовых и страшных волнах.

Она была похожа на морскую птицу. Низко над водой провисало небо. Казалось, небо сомневается, где оно – настоящее: там, у себя наверху, или в чередѣ отражений? А волны становились всё выше и были суровы своей похожестью друг на друга. Мне стало тревожно: как там она. Но Танька торжествовала – ветер доносил до меня её смех.

Она смеялась легко.

Она смеялась свободно.

Она смеялась красиво.

И было неважно, озеро перед нами или река.

Марина ФАДЕЕВА

ГРУСТНЫЕ ИСТОРИИ

Гороскопы

Она сидела напротив помятого жизнью мужичка и вела с ним неравный бой. Чем более просящим, умоляющим становилось её лицо, тем более неувлимым был его взгляд за толстыми стёклами очков.

– Пожалуйста, дайте мне адрес N. N.! Ведь я специально ехала из Заречья, автобус оттуда только два раза в день идёт, я с работы отпросилась...

– И где же вы работаете? – лениво полубопытствовал он.

– В музее, экскурсоводом.

– Ну вот – грамотная, неглупая девушка, и о чём вы меня просите?!

– Мне очень нужно, очень!

– Не даём мы адресов наших авторов, не даём! Да и зачем вам нужен её адрес? – он начинал раздражаться.

– Я хочу написать N. N. письмо или встретиться с ней! – продолжала она упорствовать.

Марина Борисовна Фадеева родилась в Тамбове.

Окончила факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работала редактором газет «Город на Цне» и «Наедине». В настоящее время – в администрации Тамбовского района.

Рассказы и повести Марины печатались в областных газетах, коллективных сборниках.

– А вы представляете, что будет, если все наши читатели – а их у нас почти... почти четыре тысячи, – для большей убедительности он поднял вверх указательный палец, и она тоже подняла голову вверх, будто ожидая увидеть на потолке заявленный тираж, – а если ещё и с членами семей, так это вообще – как минимум на три умножьте...

Он замолчал, как бы прикидывая, продолжать ли ему столь рекламную кампанию для столь малочисленной аудитории.

Она решила сменить тактику:

– А если вы мне не дадите её адрес, со следующего полугодия я подпишусь на «Вечерние новости».

От возмущения он чуть не подпрыгнул на стуле:

– Да вы просто шантажистка какая-то! Ну что ж, подписывайтесь себе на здоровье! Кстати, там гороскопы сочиняет сам Великий Магистр Белой Магии! Вот так, не больше, и не меньше! Чушь, рассчитанная на тупых и недалёких баб!

– Значит, в «Вечерних новостях» чушь, а у вас – не чушь! Значит, «Вечерние новости» читают тупые и недалёкие бабы! А помоему, в вас просто говорит ревность, вы завидуете своим конкурентам!

– Вы хотите меня разозлить, но выбираете какие-то наивные методы...

– Вот-вот, скажите ещё, что я тупая и недалёкая!

– Да нет, вы просто наивная девочка, и мне кажется, у вас всё разложено по полочкам, для вас и гороскопы эти – тоже полочки, вам так удобнее жить, вы не хотите сами думать, принимать решения: протянул руку и взял с полочки готовенькое. «Сегодня вам не следует ехать в командировку, завтра – одалживать деньги...» Каждый шаг расписан.

– Вы ничего обо мне не знаете. Нет у меня никаких полочек. Мне иногда просто не с кем посоветоваться, понимаете... чувствуешь себя порой такой одинокой... N. N. для меня – лучшая советчица. Может быть, это мистика, но у меня сбывается всё, о чем она пишет в гороскопах. У мужа и дочки – только изредка, а у меня – всегда.

– А вам не казалось, что вы сами себя программируете... На удачу или неуспех... Это трудно объяснить... Хотите, я вам принесу специальную литературу, почитаете, поймёте, что к чему, и уже по-другому будете относиться ко всем этим прогнозам и предсказаниям.

– Да не нужна мне ваша литература. Мне нужен адрес.

– Ну, ладно... Вас как зовут? Лена? А я – Вадим. Так вот, милая Лена, мне, конечно, очень жаль вас разочаровывать, но... сами этого добились. Должен вам признаться, что никакой N. N. нет. Видите ли, все эти гороскопы пишу я, за неимением в нашем городе астролога. Ну, знаете, чтобы привлечь читателя... У нас народ без гороскопов никуда... Причем, дикость жуткая. Недавно бабка одна полчаса меня мучила – вынь ей да положи, что там гороскоп говорит о том, какое ей лекарство принимать.

– Так вы обманываете своих читателей?

– Ай, оставьте этот пафос! Редактор настаивает, а я-то во всю эту астрологию мало верю. Людям хочется, вот я и стараюсь. Рынок, знаете ли, нужно как-то выживать.

– А как же... Великий Магистр? Он что – тоже?

– Да что там у вас, в вашем Заречье, крыши, что ли, у всех поносило? Вы воображаете, что тут центр Вселенной? Какой, к чёрту, Великий Магистр?! Это какой-нибудь Сидоров Иван Иванович сочиняет на досуге гороскопы. И читателю приятно, и Иван Иванович рад заработать на пару бутылок пива.

Вадим пошуршал ворохом газет у себя на столе, извлёк «Вечерние новости», раскрыл их на странице с гороскопом.

– Вы, Леночка, кто? Овен?

Вполголоса заметил: «Ага, вот понятно, откуда такое упрямство...»

– Ну-ка, вчитайтесь-ка в этот бред!

Вадим торжествующе помахал перед носом у Леночки газетой и с неподражаемым сарказмом зачитал:

– «На этой неделе вам следует носить фиолетовый цвет...» А если вам не идёт фиолетовый?! Если у вас нет ничего фиолетового?! Если, в конце концов, вы терпеть не можете фиолетовый?! Что – из-за этого ваша жизнь не сложится? Дальше читаем: «Ваш идеальный партнёр в апреле – Телец». А в мае, что же – побоку Тельца?

Вадим отбросил газету.

– Нет, Леночка, профессионализм должен быть во всём. Магистру надо меньше пить пива. Вот я – стараюсь писать более деликатно, расплывчато. Например: «Возможны разлады в семье, особенно если супруги не сумеют договориться о том, как потратить деньги». Разлады в семье всегда возможны, не так ли?

Вадим вдруг стал рассеянным, закурил, поглядывая на часы. Леночка поняла, что пора прощаться. Она хотела что-то спросить у Вадима, но не решилась, будто ещё не додумала какую-то свою то ли просьбу, то ли вопрос. Она вышла на улицу. Теперь предстояло самое главное – позвонить Игорю. Сердце билось так, что пришлось прислониться к стене. Леночка постояла, вбирая её холод, казалось, так легче будет справиться с бившей её дрожью. Стена не помогла. Трясущимися руками Леночка набрала номер, единственный телефонный номер, который помнила наизусть, чтобы сказать всего лишь: «Привет, я приехала!».

Нужно было ещё подождать, пока он придет за ней, добежать до его машины, шепча на бегу: «Господи, прости мне мой грех, прости мне...», перевести дух, сесть рядом с ним и, не смея ни обнять, ни поцеловать, просто коснуться его руки, торопясь скорей наглядеться на него, надышаться его запахом, запомнить все звуки, краски, свет и тень этого мгновения. И, досадуя на себя, что не смогла скрыть всё это от него, услышала отрезвляющее: «Леночка, ну нельзя же так любить, нельзя, не надо!»

А потом, как всегда после этих встреч, ей хотелось плакать, и она долго бродила по светлому апрельскому городу, пока вновь не очутилась возле редакции. В окнах четвёртого этажа уже зажгётся свет. Она поднялась, постучалась, приоткрыла дверь кабинетика. Вадим удивлённо поднял на неё глаза.

– Вы только не подумайте, я не сумасшедшая. Просто я где-то однажды прочитала, что можно выстроить судьбу. Ты её сначала выстраиваешь на бумаге, а потом это становится реальностью. Стоит только захотеть...

– Вот вы и захотите! Бумага-то тут при чём? Судьбу выстраивает сам человек.

– Вы прямо... Максим Горький какой-то.

– Максим Горький, кстати, не какой-то, а талантливый... Испорчен, конечно, был своим временем... Ну да не нам судить. И не вам! Вы вообще... Средневековая поселенка какая-то. И какого вам рожна, скажите, нужно? Молодая, симпатичная, хорошо одетая дамочка... Муж, дочка... Куча времени, чтобы ехать в город по каким-то пустыкам.

– Я не по пустыкам...

И она неожиданно заплакала, прикрыв глаза ладонью.

– Вы, мужики, такие бессердечные...

– Да что с вами?! Вы что – опять объявились здесь, чтобы меня оскорблять? Что вам нужно?

– Мне нужно, чтобы вы написали для меня гороскоп.

Он взглянул на неё: розовые, какие-то совсем детские щеки, измазанные тушью пальцы, которыми она прикрывала глаза, избегая его взгляда. Невольно он сжалился над ней:

– Ну, не плачьте, не плачьте... Расскажите лучше о себе.

– Ну, вы уже знаете... Я замужем, дочке четыре года, мне – двадцать четыре. Знаете, как в таких случаях говорят: мой муж хороший человек, но я его не люблю. Я люблю другого. Уже два года с ним встречаюсь. Я так устала, знаете... Мне уже всё равно, что будет – бросит он меня или останется со мной. Ему удобно... так... И мужу удобно... А я вся измучилась. А вы говорите – у меня все по полочкам. Запуталась я окончательно, и как дальше жить, просто не знаю.

– Леночка, мне жаль вас, очень жаль... но я вам завидую! Доживёте до моих лет – поймёте, почему. Но я ведь не золотая рыбка! Я старше вас почти на четверть века, у меня больной желудок, маленькая зарплата, я живу у тёщи... Да вы представляете, какой бы гороскоп я себе сотворил, если бы хоть чуть-чуть был уверен в том, что он сбудется! Я бы очень хотел вам помочь... Но как-то иначе. Хотите, поговорю с этим вашим другом?

– Что вы, он рассердится! О нас никто не знает. Я даже подругам ничего не могу рассказать... Вот поэтому-то и хотела с N. N. посоветоваться...

– Ну да ладно, добрые дела я делаю редко, сделаю хотя бы одно за последние лет десять. Хотя – какое доброе? Я что же получается – должен разрушить вашу семью? Или лишить вас любви? И в том, и в другом случае я поступаю как-то неблагородно. Да ещё, пожалуй, Высшие Силы накажут меня за то, что я беру на себя их функции.

– Да что вы, ведь это моя, только моя вина!

– Ну-у. тогда что же – выбирайте! Муж или этот... ваш...

– Игорь. Это не муж, это – Игорь.

– И вы говорите это, не дрогнув! Нет, это вы, женщины, бессердечные создания. Одним махом готовы всё разрушить!

– Всё уже разрушено, и я не хочу клеивать. Мне надоело всё время врать. Вы, мужчины, можете жить всю жизнь во лжи...

– Да-а, а вы прямо Солженицын... Ну, вот что, давайте не будем

начинать всё сначала и препираться. К делу! Кто ваш Игорь по гороскопу?

– Стрелец.

– Ну, вы и вляпались! Знаю по себе – моя первая жена... Ну, да ладно. Бегите вы от него, пока не поздно! Муж-то у вас кто?

– Рыбы.

– Да, для вас это – тоже не подарок.

– Вы же не верите в гороскопы?

– Не верю, конечно, но что-то, в какой-то степени... Есть какая-то предопределённость. Но – не надо заикливаться! Поезжайте-ка, вы, Леночка, домой, а я уж состряпаю вам гороскоп.

Он проводил её до остановки, посадил в автобус, а потом и сам отправился домой, перебирая по дороге все события этого долгого дня...

Вадим всё сделал так, как просила Лена. Гороскоп писал вдохновенно, будто стихи. Для себя – и то лучше не смог бы. Наобещал Леночке взаимную любовь, которой никакие преграды помешать не в силах. Предполагал почувствовать из-за этого угрызения совести, но не почувствовал, и своему предположению даже удивился: «Да что это я, в самом-то деле... Леночка на меня, что ли, так подействовала?»

Дни бежали, он всё реже вспоминал о ней, гороскопы под псевдонимом N. N. составлял уже без прежнего пыла, да и массу других своих обязанностей, куда более важных, нежели гороскопы, выполнял без особого усердия, изредка, впрочем, напоминая себе, что этак он скоро скатится до уровня Великого Магистра, а там, глядишь, и злоупотреблять спиртным начнёт.

Прошло три месяца, жара обрушилась на город, даже небо стало серым, потеряв свою голубую свежесть, и о той нежной апрельской прохладе, которая для Вадима была связана с появлением Леночки, вспоминалось лишь под утро, когда начинало тянуть ветерком из растворённого окна. И вдруг Леночка сама напомнила о себе телефонным звонком:

– Здравствуйте, Вадим! Это я, Лена, помните, я приезжала к вам из-за гороскопа. Знаете, а ведь он мне помог, я ведь говорила, что поможет! Я вам так благодарна, так благодарна! Но вот сейчас снова как-то всё разладилось. Может быть, можно ещё разок, ещё один разочек, а? Я тут внизу, в холле. Можно к вам подняться?

Леночка похудела и повзрослела. Вадиму она улыбнулась, будто старому знакомому, и протянула пакет:

– Это вам, Вадим.

Он заглянул в пакет: бутылка хорошего коньяка и апельсины.

– Это что ещё за глупости!

– Вадим, пожалуйста, возьмите!

– Ну, хорошо, возьму, но только при условии, что мы это сейчас вместе и выпьем.

Он разлил по толстостенным мутноватым стаканам коньяк, нарубил, будто колбасу, апельсины, и приготовился выслушать очередную драматическую историю, которых он за свою многолетнюю работу в газете выслушал не один десяток. Однако Леночкина история всё же волновала его, он сочувствовал ей, хотя и раздражало его её упрямое желание подстегнуть любовь, то ли стремящуюся прочь, то ли топчущуюся на месте.

Леночка вдруг спросила:

– Вадим, а вы когда-нибудь чувствовали себя несчастным из-за любви?

– Да.

– Вас оставляла любимая женщина? Ой. Простите, что я спрашиваю. Просто я пьяная, вот и спрашиваю...

– Меня оставляли, я оставлял. Всякое бывало. Но дело не в этом. Хотите, я стихотворение вам прочитаю? Я тоже пьян, так что...

Леночка испугалась, что он будет читать стихи с подвыванием, как обычно это получается у поэтов, и тем испортит вечер, но Вадим читал хорошо, как-то очень бережно и сдержанно:

*О, трепет ласк людских!
Как жалок твой удел,
Беспомощной любви
Бесплодная попытка
Достичь смятенья душ
В сплетенье наших тел...*

– Это Сюлли Прюдом. Но неважно. Просто, когда я прочитал это, я бросил писать стихи. А когда я слушаю вас, я понимаю, что уже не могу почувствовать любовь так, как переживаете её вы. Несчастен из-за отсутствия любви, вот так. Господи, мне скоро полтинник. А чем я занимаюсь, чем я занимаюсь! Да я бы всё отдал,

Лена, понимаете – всё... Хотя, а что у меня есть? Да ничего у меня нет!.. Всё бы отдал, чтобы снова влюбляться, мучиться, переживать, надеяться...

– Вадим, зачем нужна любовь, если она уходит?

– А зачем нужна жизнь, если есть смерть?

Синие сумерки вползали в кабинетик, сизый дым сигарет перемешивался с острым сладким запахом золотистых апельсиновых корок.

Вадим допивал коньяк и цитировал великих поэтов.

Леночка волновалась, что опоздает к последнему автобусу.

Жена Вадима, вместе с матерью, его тещей, на тёщиной же кухне сокрушались по поводу дефицита их семейного бюджета.

Леночкин муж укладывал дочку спать, а дочка капризничала и требовала маму.

Игорь несся на своем авто навстречу новым приключениям.

А планеты продолжали свой ход среди созвездий, спеша начертать каждому его гороскоп.

Новый год

...Она взяла взаймы у знакомых деньги накануне праздника и отправилась на базар. Оголтелая толпа несла её мимо прилавков, полных прилавков, но, казалось, все опасались, что не успеют наестись в этом году, и приходилось продирается сквозь плотные ряды внезапно оголодавших горожан, чтобы купить хоть что-то к новогоднему столу. Её это не раздражало сегодня, она уже предвкушала, как, выпросив в магазине у знакомой продавщицы кусок нарядной бумаги, завернёт в неё свои скромные подарки: дочке – медвежонка, свекрови – халат, мужу – рубашку. Она сама давно уже утратила ощущение праздника, но ей нравилось радостное волнение окружающих – может быть, она надеялась, что это чувство передастся и ей, может быть, он хотя бы прикоснётся к нему.

Стол она накрывала вместе с дочкой. Ей казалось, что тихие ангелы летают над их столом, и она боялась хотя бы мыслью спугнуть это благословенное спокойствие, но не удержалась, и подумала о том, что когда всё более или менее утрясается, она боится даже говорить самой себе: всё хорошо. Ей страшно, что придёт кто-то злой, и всё это отнимет.

И вот, мысль, став беспокойной, нарушила равновесие, и, цепляясь одно за другое, заползла змеинными кольцами в сердце тревога...

Сначала в доме погас свет. Мужа ещё не было, он задерживался, а свекровь, прилегшая вздремнуть перед бессонной новогодней ночью, пробудилась от наступившей кромешной темноты, которую почуяла сквозь сон, и теперь ворочалась на кровати, не спеша на помощь....

Наташа отправилась в чулан за керосиновой лампой, ещё не оставляя попытки и темноту, и лампу сделать частью праздника, и дочка уже радовалась, что всё складывается так необычно, таким замечательным образом.

А тут и муж пришёл с работы. Он уже с кем-то выпил, был благодушен, и оттого решил, что раз электричества нет – значит, так оно задумано. Он тоже, как и дочка, был готов принять новые правила проведения праздника, и уселся поудобнее у батареи погреться, но тут же зябко передёрнул плечами – выяснилось, что и с отоплением тоже что-то случилось.

Наташа укоризненно обратилась к ангелам, вообразив, что это именно они не дают катаклизмам происходить по отдельности, а притаскивают их в связке, и затаилась, стала ждать. Что там ещё?

Муж вызвался пойти на разведку к соседям – вдруг и у них случилось нечто подобное?

– Даже наверняка случилось! – радостно предположил он.

Чем не повод для визита в тот момент, когда соседи уже присаживаются к праздничному столу? Тут и вскрики, и сегования, и разговоры, и тосты – за то, чтобы, в конце концов, всё плохое осталось в уходящем...

Здорово, подумала Наташа, что мы не разрушили в свое время старую печку. (Живя в пригороде, семья научилась быть готовой ко всем неожиданностям и городской, и деревенской жизни). И отправилась в сарай за топкой. Ещё не зная, почему, Наташа постояла там мгновение, прислушиваясь к своим предчувствиям... и поторопилась в стынущий дом.

Вместе с дочкой она растопила печку, и теперь они сидели, как зачарованные, глядя на языки пламени. Жизнь снова казалась уютной.

А тут и муж вернулся от соседей, сбивчиво пересказывая услышанные новости о произошедшей где-то аварии.

И только все уселись к столу, как часы пробили двенадцать. У Наташи защипало глаза, но грусти, как обычно в новогоднюю ночь, не было. Она чувствовала лишь напряжение, что-то медленно проворачивалось внутри, будто тяжёлый механизм осторожно настраивался на что-то новое, а она и ждала этого, и сопротивлялась...

Связующее звено участников семейных застолий – телевизор – молчал. Свекровь, пожевав губами, ушла спать, не в силах скрыть сожаление, что её надежды на веселье не оправдались. Муж, расстроганный подарком (ой, а я тебе тоже куплю, с полочки, ну, чего тебе хочется?), взял гитару. Когда он выпьет, его тянет почему-то на лагерную тематику: «Новый год, порядки новые, колочей проволокой наш лагерь обнесён...»

Наташа чуть отрешённо смотрела на мужа и дочку, которая отказывалась идти спать, и теперь отчаянно боролась со сном, терзая плюшевый подарок.

В юности Наташа любила сидеть в какой-нибудь полужнакомой компании, где никому не было до неё дела, где она была сама по себе, да и ей, в общем-то, тоже никто не был нужен. Тем более что думала она только об одном человеке – неотвязно, неотступно. Пусть его и не было рядом – но, возможно, она скоро встретится с ним. И она лелеет эту мечту. А что может быть лучше этого ожидания? И всё вокруг было испорчено, если кто-то начинал читать стихи. В стихах есть что-то очень интимное. Читать их в компании – всё равно что устраивать стриптиз. Только душу обнажать для многих – сложнее, чем тело. Наташа это знала – она писала стихи. Но никогда не читала их вслух.

А потом стихи были забыты.

Всегда найдётся кто-то злой, кто может придти и всё отнять. Подтолкнуть кого-то к разрушению. Этот кто-то, она чувствовала, всё ещё стоял у неё за плечом.

Муж начал просить денег на выпивку: сбегаю, мол, на остановку, там киоск всю ночь работает. Видно, они с соседом туда уже бегали сегодня. Вернее, уже вчера. А денег у Наташи и вправду не было. Потратила всё то, что взяла займы. Только разве ему объяснишь? В эту бытовуху, как он выражается, он и вникать не будет. Обиделся, хлопнул входной дверью.

– Мама, – сказала дочка, – папа, наверное, вешаться пошёл.

Что же это за жизнь, если ребёнок так буднично произносит такие слова, которых и знать не должен. Но как не знать, когда папа

всегда бегаешь вешаться в сарай, когда денег нет, а когда перепьёт – на летнюю кухню.

Наташа отправилась за мужем. Он сидел, набросив на плечи старый тулупчик, на перевернутом корыте. От холода его колотило.

– Чего сидишь? – поинтересовалась Наташа. – Вешаться ведь собирался...

– Меня просто ни одна верёвка не выдерживает. Я уже пробовал, честно, не выдерживает, – он говорил тоном обиженного ребенка. – Больше тут, в сарае, верёвок нет.

– Ну ладно, пойдём в дом, я найду тебе верёвку.

Всё это было частью их спектакля, который они уже не в первый раз разыгрывали друг с другом.

Муж обречённо побрёл за Наташей в дом.

А она вспомнила, что в стиральной машине у неё запрятана записка – бутылка вина, и достала её, оправдывая себя тем, что воспитательный момент был уже пережит, но нужного эффекта всё равно не дал. Муж с благодарностью выпил, и дошёл до нужной стадии. Теперь он уже не хотел в сарай, но и не рвался на летнюю кухню.

Он уснул тут же, возле стола, на диване. Спал, как ребёнок, на боку, вытянув к стене руку с оттопыренным указательным пальцем – будто намереваясь расковырять стену. Дочка расковыривала её так же. Как только научилась перемещаться в своей кровати, нашла себе увлекательное занятие.

Наташа вспоминала, как познакомилась с мужем. В одной из тех шумных компаний, где научилась наслаждаться одиночеством. Это он сказал ей о стихах. О том, что читать их на людях – всё равно что устраивать стриптиз. Она взглянула – высокий симпатичный парень. Одет проще простого, как человек, которому ничего и никому не надо доказывать – и так ясно, что представляет он собой нечто замечательное. Да ведь так и было! Но с годами этой замечательности поубавилось, и она научилась не только любить, но и жалеть его. Она считала, что должна снять с него всю боль, причинённую ему жизнью. Без всякой надежды на то, что кто-то снимет и её боль тоже...

Дочка спала в кресле, свернувшись в калачик. Наташа осторожно подняла дочку и уложила в кровать. Ну а потом, наконец, наступило и её время. Каждую новогоднюю ночь она совершала этот ритуал: подходила к окну, отодвигала штору и смотрела на яркую

звезду, такую яркую в морозном небе. Она знала, что никогда ничего не изменится в её жизни. Когда-то она боялась этого больше всего на свете. Но потом научилась не ждать перемен, хоть и было это не так-то просто. Только в новогоднюю ночь она позволяла себе заглянуть – не в будущее, нет, в своё прошлое. Она пыталась воссоздать ощущение детства, когда ей было столько же лет, сколько дочке.

Наташа вспомнила, как сияла ей та самая звезда, как льдинка хрустела на зубах, как кололся шерстяной свитер, как пахли связанные бабушкой варежки, когда, мокрые от снега, они сушились у печки – этот их возбуждающий запах, слаще запаха мандариновых корок и подтаявших шоколадных конфет, забытых, а потом найденных в кармане шубки. Запах того чудесного времени, когда вещи еще не имели для неё никакой ценности – гораздо ценнее были её мечты и надежды. Почему мы, взрослея, расстаемся с ними?

В том её, прежнем доме, было темно и тихо. В печке горел огонь. Сейчас её позовут ужинать. Все живы. Все рядом. Ну, чего же я плачу, чего же я плачу... Всё хорошо. Новый год на дворе.

Последнее стихотворение

У Николая Ивановича было изрядное собрание книг. Несмотря на то, что жить ему всё время приходилось в тесноте (наши вожди недаром выдвигали лозунги о сплочении народа, утрамбовывая его повсюду, где только можно – в транспорте, в магазинах, в квартирах, – ведь пространство вокруг человека даёт ему возможность мыслить, заселять его духовными образами, неподвластными государственным законам), он как-то ухитрялся размещать книги так, что любимые постоянно оказывались под рукой. А вот серовато-бежевый томик Жемчужникова обнаружил Николай Иванович недавно, удивляясь, но и оправдывая неожиданное его появление на свет мудростью: мол, каждая книга приходит к человеку в своё время. Издание было старое, дореволюционное – «Санкт-Петербург, 1900». Стихотворение, которое отметил Николай Иванович, ни в советские, ни в постсоветские времена ему не встречалось.

Прочитал его Николай Иванович и несколько ночей не спал. Выходил на крылечко, всматривался в тёмное, беззвёздное небо,

сокрушался о том, чему надо бы радоваться – что так и не приобрёл привычки к курению, а как хорошо было бы сейчас прожечь эту темень огоньком папиросы, сразу бы стало уютнее, опять же и оправдание какое-то – а Николай Иванович всегда нуждался в оправданиях – что вот, мол, не просто так сижу, а – курю.

*Сколько мне жить?..
Впереди – неизвестность.
Жизненный пламень ещё не потух;
Бодрую силу теряет телесность,
Но, пробудясь, окрыляется дух...*

«Старость» – так называлось стихотворение, и Николай Иванович, повторяя его строки, думал о том, что немногие поэты сумели с такой пронзительной ясностью написать о закате жизни, да и немудрено – большинство из них умерли совсем ещё молодыми, исполнив на земле всё то, что было им суждено судьбой.

*Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мне бытиё,
Эти картины родимой природы –
Всё это словно уже не моё.*

Николай Иванович сидел на крылечке, пока ночная августовская прохлада не загоняла в дом, крепко пропахший яблоками – они хранились повсюду: на буфете, на комодке, в корзине под столом... О многом Николай Иванович мечтал в юности, как и все смертные, – о любви, о славе, о яркой, необычной жизни, и ничего не сбылось, но вот одно утешение ему судьба на старости лет послала – это крылечко. Когда жил с женой, часто видел сон, что свою двухкомнатную квартиру они меняют на небольшой домик, и Николай Иванович так рад ему, его изолированности от окружающего мира – он отгорожен садиком со всех сторон, будто средневековый замок рвом... Николай Иванович очень устал от людей, и не хотел впускать их ни в свою жизнь, ни в свой дом.

Во сне домик порой вырастал до размеров приличного особняка, и старик с радостью и тревогой узнавал его – он родился в нём и жил с родителями. Особняк ещё сохранился в центре города, зажатый многоэтажками. Шагнёшь внутрь, во двор, и – вот он, удивив-

тельнейший мир: стены, покрытые внизу, у затенённой кустарником земли, мхом, высокие стрельчатые окна, затянутые диким виноградом, крылечко, и колокольчик у дверей... Ах, да нет, теперь какие-то люди, живущие там, всё перестроили, переделали, и колокольчик выдрали с корнем, и виноград весь давным-давно вырубил, кому-то, видно, показалось темно, вот и вырубил, и ёлочки вырубил у крыльца, а летом закрывали окна от солнца газетами.

«Плебеи, холуи», – думал негодуяще Николай Иванович каждый раз одно и то же, перебирая все знакомые ему ругательства. Пожаловался однажды Вале, а она ему ответила: мол, тому, кто родился в подвале, всю жизнь потом солнца не хватает. И Николай Иванович больше уж не жаловался ей на нынешних обитателей дома, продолжая жить, как и раньше, со сложным чувством вины и обиды.

Именно Валя намывала-начищала ему это крылечко, которое он обрёл на старости лет. Трудно представить, что желания человека становятся с годами столь скудными. Впрочем, Николай Иванович привык довольствоваться малым, и видел в этом несомненную пользу – так ведь легче выжить в тяжёлые времена, а времена у нас всегда были тяжёлые.

Жена, конечно же, была против того, чтобы менять их квартиру на домик, однако, когда пришлось им расстаться, квартиру поделили. Жене – однокомнатную хрущёвку, Николаю Ивановичу – четвертушку деревянного, довоенной ещё постройки дома с садиком, огороженным, как и виделось во сне, от всего мира, куда теперь он пускал с охотой только Валю. И рад был такому повороту в своей жизни – казалось, судьба всё обставила с заботливостью старорежимной свахи, жаждущей получить свой законный отрез на платье.

По вечерам Николай Иванович садился на крылечко и обозревал своё маленькое царство. Ему казалось, что нет в мире ничего величественнее заходящего солнца, отблески которого ложились на кроны деревьев. И надо было прожить целую жизнь, путаться, лгать, что-то кому-то доказывать (а больше – самому себе), чтобы придти к тому, с чего всё и начиналось.

Самое раннее воспоминание из детства – он заснул днём, а, проснувшись, будто прозрев, разглядел в распахнутом в августовский сад окне, как солнечные пятна подрагивают на широких листьях и стволах яблонь, и впервые почувствовал и восторг, и умиление от

дивной этой картины, и такую тоску... И почему это: чем прекраснее мир, тем больше тоскует человек, то ли томясь своим несовершенством, то ли осознавая, что всей красоты мира ему всё равно не постичь?

Николай Иванович то и дело погружался в воспоминания, и выбирался из них, гонимый законами природы, в своё сегодня, обдирая в кровь душу...

Валя снисходительно относилась к стариковским чудачествам и потакала им, простая душа. Порожек помыть – пожалуйста. Яблоки собрать в саду – сколько хотите, это за удовольствие. Работа у неё была такая, а работала она в центре социального обслуживания населения. Ухаживала за одинокими стариками, приносила им продукты и лекарства, сдавала в прачечную бельё, убиралась в их квартирах. Терпела их капризы, их запах – затхлый запах в комнатах, которые проветривались с годами всё реже, запах от одежды и тел старых людей, терпела безнадёжность, которую ощущала в их взглядах и движениях. Терпела, хотя и боялась заразиться ею, потому что не было в её жизни никакого противоядия, а молодость стремительно уходила, даже не потрудившись хоть что-нибудь пообещать взамен.

Но Николай Иванович был другим. В нём не было безнадёжности. Валя уже два года опекала Николая Ивановича. А до этого он за Антониной Петровной числился, пока она на пенсию не ушла. Так Антонина Петровна рассказывала, что Николай Иванович до 90 лет занимался на тренажёре, сделанном из велосипеда, какой-то довоенной ещё, наверное, марки. Сейчас Николаю Ивановичу было 94, и уникальный велосипед пылился, как подозревала Валя, в сарайчике. Но, хоть и не было уже тренировок на чудо-велосипеде, всё же Николай Иванович держал форму. По праздникам он доставал из старинного комода рубашку – когда-то она была белой, а теперь приобрела цвет топлёного молока. За месяцы лежания в комоде рубашка получалась плиссированной. Эти неровные складки травмировали Валю, она предлагала и постирать, и погладить, да и не только рубашку – но Николай Иванович не разрешал:

– Не хватало ещё того, чтобы вы, молодая женщина, кальсоны мои стариковские стирали!

– Так я же в прачечную отнесу...

Нет, и всё тут, упирался Николай Иванович.

Иногда к рубашке прилагалась чёрная бархатная бабочка – это по особому торжественным случаям. Когда, например, Николай Иванович отправлялся с Валею на прогулку. Да, Валя иногда предлагала Николаю Ивановичу прогуляться – брала его с собой на стихийный базарчик у автобусной остановки, в борьбе с которым участковые милиционеры потерпели сокрушительное поражение, и Николай Иванович благодарно опирался на её руку своей дрожащей рукой, созерцая стремительно меняющуюся вокруг жизнь.

– А вот дрожжи покупаем, дрожжи на самогон! – голосила на базарчике торговка.

Валя шла на голос, чтобы укоризненно заметить:

– Ну что вы такое кричите, безобразия какое-то! Какой ещё самогон?! Вы дрожжи на маски предлагайте, очень хорошо для лица, или на пироги... А можно на пиццу. Хотите, я вам завтра рецепты принесу? Вы их перепишите, и будете раздавать всем покупателям, в качестве сюрприза.

Бабка немела, но, однако же, кивками выражала и согласие, и готовность к дальнейшему сотрудничеству. А когда немота отходила, начинала выкрикивать новое:

– А вот кому дрожжи – на пироги, на маски! На эту, как её... пиччу!

А Валя делала замечания и знойным кавказским юношам, и петрушечно-укропным бабулькам, стремясь навести порядок в любом пространстве, которое её окружало – по своему разумению. Ей ни к чему было населять его какими-то образами, вполне хватало реального мира.

«Умница, – думал Николай Иванович, – знает, как жить, чтобы было всё ладно и правильно. Жить вот так – делать добро, помогать людям, и не мудрствовать лукаво...»

А Николай Иванович не знал. Он никогда не говорил: «Я уверен». Ему – казалось. И так – всю жизнь. А теперь ему казалось, что он не боится смерти, потому что уже сотни раз переживал свой собственный конец света. Да, Николай Иванович не боялся умереть. Жизнь истончилась до такой степени, будто он давно уже существовал на грани, разделяющей мира видимый и невидимый. Но он боялся, что однажды Валя придёт утром, ведь она чаще других бывает у него, и увидит его – мёртвого...

Он смотрел на Валею с беспокойной нежностью. Нет-нет, чувство это не было сродни мужскому восхищению. «Я уже давно сред-

него рода», – говорил о себе Николай Иванович. А ещё он говорил, что ему просто интересно наблюдать за перипетиями чужой судьбы. А Валя невольно давала ему такую возможность. И всё же даже самому себе Николай Иванович не признавался в том, как дорога ему Валя.

Захаживал к Николаю Ивановичу время от времени приёмный сын бывшей жены Елены Ильиничны – Юрий. Елена вышла во второй раз за вдовца, у которого был сын. Сын этот, теперь уже мужчина под пятьдесят, рассудив, что, чем больше родственников, тем вероятней наследство, проявлял усиленное внимание к Николаю Ивановичу. Собственно, внимание всё заключалось в том, что Юрий навещал Николая Ивановича в день пенсии, треть которой Николай Иванович Юрию и отдавал. А состояния, которое можно было бы завещать в наследство, Николай Иванович, как ему казалось, не нажил. Всё, что было у него – это книги, которые он собирал всю жизнь, и они были для него всей жизнью. Николай Иванович не придавал особого значения тому, что в его библиотеке было немало раритетов. Хотя только за пару изданий, доставшихся ему от отца, и чудом сохранившихся, несмотря на все катаклизмы минувшего века, ещё в шестидесятые ему предлагали столько, что можно было бы безбедно жить всё отпущенное Богом время. Да и нашедшийся томик Жемчужникова с автографом самого автора – они с его бабюшкой были знакомы, и даже какими-то дальними родственниками приходились друг другу – имел для Николая Ивановича ценность совсем иную, не материальную...

А вот Юра каким-то звериным чутьем чувствовал, что это – деньги (а, может, когда-то о чём-то Елена по своей наивности проговорила в новой семье), и каждый раз его взгляд подолгу задерживался на корешках книг, чуть поблёскивающих благородно потёртой позолотой.

Между делом он иногда заигрывал с Валею – она была одинока, и оттого воспринимала его заигрывания всерьёз.

– Чё ты замуж-то не выходишь? – приобняв её, интересовался Юрий.

– Не берут, – она пыталась отвечать ему в тон.

– Ну, так ты, наверное, невеста разборчивая...

Он переходил на шёпот, подмигивания, похохатывания, словом, вёл обычную в таких случаях пошловатую игру, а Валя, казалось

Николаю Ивановичу, ждала какого-то развития темы, волновалась. Но Юрий вдруг переводил разговор на другое:

– А мы с женой позавчера холодильник купили. Моя-то рада...

И Николай Иванович чувствовал, как Валя съёживается, и ему было и обидно за неё, и стыдно, и хотелось прикрикнуть: «Да протри же ты глаза, глупая ты баба! Ведь плебей он, тупой и бесчувственный плебей!».

Нет, аристократом сам себя Николай Иванович не считал. Когда пошла мода на дворянство, и к нему стали заглядывать самые разные люди, он всем им терпеливо объяснял: да нет же, никакой он не дворянин, его папа был адвокатом, да, известным адвокатом, но никаких там графов и князей в роду у них не было... И вообще... Все эти графья Сидоркины из местного дворянского собрания просто смешны и жалки... Но о семье Николая Ивановича всё же написали в одном из выпусков альманаха местного дворянства, и он потом ещё некоторое время отбивался от назойливых журналистов, подозревая, – хотя и газет давно не читал, и телевизора у него не было – что напишут они, скорее всего, какую-нибудь гадость.

А ведь и сам, выйдя на пенсию, начал было пописывать. Ещё когда жил с женой, набрасывал свои заметки по вечерам на кухне. Было тесно, но он научился превращать тесноту в уют, и ему даже нравилось, что всё рядом: протянул руку – достал чайник с плиты, протянул другую – чашку из буфета. Вот так сиди, да и попивай чаёк, занимайся беллетристикой. Дело это его поначалу очень увлекло, но потом он будто обо что-то споткнулся. Не получалось у него никакой лёгкой беллетристики, оказалось, что каждый раз ему приходилось становиться перед Господом на беседу. До этого-то Николай Иванович и не задумывался – может быть, только в детстве, – а есть ли Бог, и верит ли он в него. А когда он стал взрослым, все вокруг говорили о «мировом разуме», «инопланетянах», о том, что наука должна открыть что-то такое, что ответило бы разом на все вопросы. А Бога как бы и не было. Николай Иванович, как и многие его современники, долго принимал неверие за свободу, ещё не зная, что только вера и дает её.

Несколько раз случалось – он начинал внутренний диалог с собой (или всё-таки с Богом?), пытаясь найти ту правду, на поиски которой ему была подарена эта долгая жизнь – подарена, потому что были тюрьма, война, гибель близких... Они ушли, а он остал-

ся. И – Бог? – отвечал ему, согревал его, поддерживал. А однажды, во время такого вот диалога, Николай Иванович ощутил: с небес идёт на него такая мощь, такая сила, что он уже не чувствует своей телесной оболочки. С той поры он завидовал монахам и святым, потому что сам пережил эти мгновения восторга, о которых непосвящённым не расскажешь. Так вот, вроде бы – само собой получилось, начал Николай Иванович на этих листочках писать исповедь.

Перебирая свои грехи, коих накоплено было за долгую жизнь множество, Николай Иванович не сразу вычленил самый большой грех. А заключался он в том, что Николай Иванович убежал от жизни, не чувствуя в себе сил повернуться к ней лицом и, может быть, восстать против неё. Он забивался в свою норку, укрывался пледом, читал книжки – и никого не хотел пускать в свой рай. Вот и получалось, что во всей мерзости, творящейся вокруг, был виноват и он сам.

Иногда Николай Иванович начинал слабо оправдывался: он старался жить честно. Никого не предавал, не брал чужого, не желал никому зла... А если в чем-то и кривил душой, так потому что обычный человек. Жил ради своей семьи. Ради жены и ребёнка. Возлагал на сына такие надежды...

Теперь Николай Иванович уже знал, что нельзя возлагать на детей слишком большие надежды. Это эгоистично. Почему они должны добиваться того, чего не добился ты? Их жизнь – это их жизнь, а у тебя есть своя, и ты должен сделать всё, что предназначено тебе, не перекладывая это на плечи детей, и не ища себе оправданий, что ты всё отдал им, что жил для них.

Мальчик погиб, он утонул, купаясь в реке. Он мог бы стать талантливый пианистом, он учился, старался, подавал эти самые возложенные на него надежды. А Николай Иванович никем не стал. У него была самая обычная служба, он, репрессированный, из неблагонадежных, мог устроиться лишь туда, где рисковали его брать. Когда сына не стало, жена от него ушла. Николай Иванович с горечью думал: их умный, тонкий мальчик погиб, а она заботится об этом Юрии, мужлане с грубой душой – так, будто не видит разницы между ними. Но время научило быть снисходительным, теперь он понимал, что ей просто необходимо было заботиться о ком-то, а сам он в её заботе не нуждался.

Человек может долго поддерживать в себе чувство любви к другому человеку. Даже когда становится ясно, что этого чувства оста-

лось чуть-чуть. Это – как беречь огонь, не давая ему погаснуть. Но любовь греет не всегда. И ты порой не видишь больше смысла стараться... Вот и ушла Елена. Царствие ей небесное...

Для счастья – теперь Николай Иванович это знал точно – нужна любовь. Хотя бы совсем немного любви. Много, может, и не нужно – не каждому под силу вынести этот груз, потому что любовь это ещё и мука, и наказание, и испытание. Но жить, чувствовать, страдать, надеяться – что может быть прекраснее! Как жаль, что поздно понимаешь это, и уже нет времени ничего исправить...

Валя – последний лучик света в его жизни. Хотя и внушал себе: чеховское ружье не на стене висит, оно в руках каждого человека, и этот каждый, разыгрывая с тобой маленькую пьесу, вольно или невольно может выстрелить тебе прямо в сердце. Но всё-таки искушение было велико. Валя приблизилась к нему так, как Николай Иванович давно уже никого не подпускал, наслаждаясь своим вольным одиночеством и тяготясь людьми. Но он тосковал по родной душе, по душе, настроенной с ним на одну волну. И он прочёл Вале стихотворение:

*Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода в обитель теней;
С милой землёй расторгаются узы,
Дух возлетает всё выше над ней.*

Подумать только – Жемчужников написал это стихотворение, когда ему было 77, и прожил потом ещё десять лет. А он, Николай Иванович, пережил и его, и батюшку... А чего ради? Оставить бы после себя такие вот строчки...

– Замечательное стихотворение, – прервала его мысли Валя. – Очень хорошее стихотворение, – горячо сказала она. – Я вас понимаю, понимаю, почему оно вам так нравится.

Николаю Ивановичу показалось, будто что-то изменилось в её лице – сначала тень печали пробежала по нему, потом оно вздрогнуло, осветилось... И он долго потом лелеял это новое, сладкое ощущение соприкосновения душ. Ему казалось...

И когда Валя ушла в поликлинику за какой-то очередной справкой, нужной Николаю Ивановичу для получения лекарств, он, хоть и с трудом, но принял решение – подарить ей и Жемчужникова, и

свои самые ценные книги, которые и составляли главную гордость его библиотеки, а уж остальное ... остальное пусть отойдёт Юрию. И листочки свои, на которых исповедался, вложил в один из томов. Она поймёт, поймёт...

– Вот, Валечка, это... Это вам на память.

Он протянул ей книжки, одна из которых заинтересовала Валю тем, что была в кожаном переплёте, закрывающемся на замочек, и Валя с ребяческим восхищением принялась его открывать-закрывать, и Николай Иванович умилился ещё раз.

А вот вечер у Николая Ивановича был испорчен: он с досадой увидел, как на крылечко поднимается – теперь натопчет! – Юрий, каждый визит которого носил обычно сугубо практический характер. И спрятаться-то, укрыться-то от него было некуда... Начнутся сейчас его натужные похихатывания, заходы-подходы насчет библиотеки. Николай Иванович не ошибся, Юрий с места в карьер занянул:

– Дед, ну зачем тебе такая библиотека, а? Подарил бы ты её мне, а? У меня пацаны растут. А мы б тебе – мешок картошки, а?

– Я эту библиотеку всю жизнь собирал, порой в куске хлеба себе отказывал. Что ж, я её теперь на картошку буду менять? Да и зачем вам книги? У вас же теперь эти... компьютеры... Вот умру когда... Теперь уж недолго ждать... Всё ваше будет...

– А ты, дед, может, этой кобылке решил всё оставить? – осенила Юрия внезапная мысль. – Седина в бороду, а? Она бабёшка-то ничего... Завидую, завидую!

И, заметив, как изменился в лице Николай Иванович, ухмыльнулся:

– Да чё ты, дед... Ревнуешь её ко мне, что ли? Да не нужна она мне – трахайся ты с ней, сколько пожелаешь... «Виагру», поди, пьёшь, а, дед? Ох, дед, ты смотри, не помри на ней! – и издевательски подмигнул Николаю Ивановичу.

А Николай Иванович почувствовал какую-то тянущую пустоту внутри, будто этим подмигиванием окончательно был уничтожен хрупкий мир, который он старательно взлелеивал в своей душе много лет...

Бить друг друга по лицу давно стало привычным делом. Однако Николай Иванович не мог ударить человека, и дело было не в его смирении перед злом. Он прочитал однажды: каждый человек по

образу и подобию Божиему сотворён, и, значит, ударив человека, ты ударишь Бога. И, не размышляя над тем, а так ли это, а правильно ли это – принял безоговорочно, всем сердцем. Он замахнулся, но и только, замахнулся не для удара, а чтобы отогнать Юрино безобразие.

– Отогнать, отогнать... – прошептал он.

Рука его скользнула вниз и, задержавшись на мгновение у трепещущего сердца, бессильно повисла. А вот Юрий его ударил. Николай Иванович упал и расшиб голову об угол книжного шкафа...

Валя пришла в тот день чуть позже – надо было ещё к одной старушке забежать. Нервы у неё были крепкие, поэтому кричать и звать на помощь она не стала. Да и не новое это было для неё дело – не однажды, приходя по утрам к своим подопечным, она заставляла их уснувшими навсегда, перешедшими в иной мир с надеждой или отчаяньем. Лицо у Николая Ивановича было... светлое какое-то очень лицо, вот как подумала Валя, и строгое. Николай Иванович, должно быть, споткнулся, что неудивительно в его возрасте и с какой-то странной в последнее время рассеянностью... Николая Ивановича было очень жалко, чудил дед на старости лет. Стихи читал, книжки вот подарил ей – какие-то жалкие обтрёпанные томики. Валя поставила их на книжную полку во второй ряд, прикрыв нарядными любовными романами...

Подумала: «Юре, наверное, надо позвонить, всё-таки он ему самый близкий. А то что же получается – умер человек, и чужая ему глаза закрывает...»

И она вздохнула, принимаясь за хлопоты со всем рвением прилежной ученицы, которая привыкла располагать к себе учителей не только внимательным взглядом, но даже мимикой напряжённо-сопереживающего лица – до морщинки на переносице. Вот и сейчас у неё было такое лицо...

*Чужд беспокойному страсти недугу,
Ведая тихую радость одну, –
Словно хожу по цветистому лугу,
Но ни цветов, ни травы уж не мну!..*

Зинаида КОРОЛЁВА

СУДЬБЫ СПЛЕТАЯ НИТЬ*

Приключенческая повесть

Пролог

В Интернете в блоке новостей прошло сообщение о том, что в Атлантическом океане возле берегов небольшого городка N выбросило на берег трёх больших акул. Они были ещё живы, но минут через пять погибли. Прибывшие представители Общества живой среды и животных из Гринписа обследовали их и зафиксировали, что смерть наступила в результате взрывов мобильных телефонов. В это время мимо проходил русский сухогруз «Спокойный». С берега пришла радиограмма с просьбой прислать представителей для подтверждения необычного факта гибели акул. Капитан собрал своих помощников и задал вопрос

– Откуда эти господа знают позывные нашей рации и фамилию капитана? Кто эти люди и что им надо? Наш ответ таков: «Мы не можем менять маршрут, так как впереди трудные воды, и нам надо пройти их по графику».

---

* Журнальный вариант

Зинаида Алексеевна Королёва родилась на Урале. Окончила Московский кооперативный институт. Работала на тамбовском заводе «Электроприбор».

Публиковалась в областных газетах, центральной газете для инвалидов «Надежда», в альманахах и коллективных сборниках. Автор более десяти книг прозы и стихов, вышедших в издательствах Тамбова.

Член Союза писателей России.

– Капитан, может быть, не надо о трудных водах? – старпом говорил, а сам смотрел на часы. Сейчас было время связи с домом, а связь отсутствовала.

– Почему же не надо? Наоборот, пусть знают, что нам известно о пиратах. Вот возьми текст и отправь. Понял? Там Петрович приготовил тебе сюрприз.

Капитан окинул взглядом всех собравшихся:

– Ну что, друзья, за дело? Объявляю боевую готовность номер один!

Глава 1. Зяблик

Даша уезжала из Энска в большом смятении.

За пять лет работы в областной газете исколесила всю область. Порой казалось, что нет ни одного уголка, где бы она не была. Сначала, когда пришла после МГУ, молодая, энергичная, не обременённая семьёй, она была палочкой-выручалочкой: самые отдалённые поездки, в жару и слякоть взваливали на её плечи. А ей всё было интересно, она лезла во все дырки, изучала дело до мелочей. И выступала не только обличителем недостатков, но и показывала пути выхода из тупиковых ситуаций. Были и нарекания, упрёки, но ценнее всего были слова благодарности, когда дело сдвигалось с мёртвой точки. Неожиданно заводделом обратил на неё внимание: между поездками приглашал в кино, в театр. А в последнее время после предложения руки и сердца стал учащённо и настойчиво говорить о переходе на работу в штат администрации города. Даша понимала, что если она выйдет замуж, а выходить уже пора, возраст давно перекочевал в разряд «засиделок», то надо переходить на оседлый образ жизни.

Внезапно приехала мать Игоря. Похоже, что на смотрины. И Даша почему-то испугалась этой встречи. Может быть, сработало шестое чувство, или как говорят – предчувствие. И как оказалось, не напрасно боялась: встреча прошла с холодком. Но задумываться об этом было некогда – на второй день её отослали в самый дальний район, где возник конфликт в одной из школ с администрацией района. Закрывали школу и по сути дела ликвидировали село. И вот тут учителя школы подняли бунт. Даша написала статью и в обход начальства отправила в Москву. Когда прибыла в редакцию,

увидела объявление о собрании с повесткой: «Персональное дело Зябловой Д. Г.» Чтобы узнать подробности, зашла к Игорю, но в его взгляде встретила отчуждение и даже какую-то враждебность. Даша растерялась.

– Я совершила какое-то преступление?

– А ты не знаешь, какое? Умнее всех хочешь быть? Выскочила перед московской комиссией, оклеветала начальство, – зло кричал Игорь.

Даша была потрясена: грубость, которую не изложишь на бумаге, слетала с его губ, как шелуха от жареных семечек. Единственное, что порадовало Дашу, это то, что он ничего не знал о статье, отправленной в Москву. А она-то первым делом хотела рассказать обо всём ему! И это с таким злым лицом она хотела связать свою судьбу?! Даша буквально выскочила из его кабинета и направилась на почту, откуда можно было позвонить в московскую редакцию газеты. На собрание она не собиралась идти, так как уже знала, чем закончится оно. Хорошо, что она неделю назад подала заявление на увольнение (по рекомендации Игоря). А сегодня перед заходом в его кабинет в отделе кадров забрала трудовую книжку – чистую, без всех выговоров и замечаний. На почте она быстро связалась с редактором, и он пригласил её на работу – она даже не успела и слова произнести.

– Статью вашу получили, она уже в номере. Немедленно приезжайте, я вас зачисляю в штат. Но только с одним условием: вам придётся ездить по всей стране...

Его голос звучал также бодро, как и десять лет назад, когда она была у них на первой практике. А затем ежегодно перед летними каникулами в деканате журфака МГУ получали письма с просьбой – направить Дарью Зяблову на практику в газету «Сельская жизнь». И так она моталась по сёлам целых четыре года. Уставала очень, приобрела опыт работы. После защиты диплома, Даша рассчитывала остаться в газете, но редактор внезапно заболел и Дашу распределили в Энск. И вот она впервые отправила свой материал на имя главного редактора.

С почты она поспешила домой в общежитие собирать вещи для отъезда.

* * *

Даша вошла в купе, где уже сидели две женщины средних лет и молодой морской офицер. На женщин она взглянула мельком, но

неожиданно для себя заглянула в глаза моряка и вздрогнула – они были такие же зелёные, как и у Сашки! И мысленно упрекнула себя; «Ну, сколько можно сравнивать всех мужчин с Сашкой?! Тем более, что ты не знаешь, какой он сейчас и где, в какой стороне находится? Не пора ли забыть его?!»

Она поздоровалась и тихо села в уголок у двери. Раздали постель, чай. Соседки улеглись спать, а моряк куда-то исчез. А Даша продолжала неподвижно сидеть. Вошел моряк. И вдруг она почувствовала прикосновение сильной мужской руки. Но оно было такое нежное, заботливое, как и его голос:

– Что случилось, Зяблик?

– Зяблик?! – Даша вздрогнула и неожиданно для себя разрыдалась..

Моряк сел рядом, прижал её к груди и стал успокаивать:

– Тихо, тихо. Сейчас всё пройдёт. А тебя кто-то называл Зябликом?

– Да. Мой Сашка...

Моряк резко отстранил её, посмотрел внимательно:

– А я тоже Сашка.

– Мой из Нефёдовки. Мы в десять лет расстались.

– Так я тоже оттуда! – вскрикнул моряк и притянул её лицо к себе. – А ты – Даша...

– Да, я Даша. Но так не бывает...

– Бывает, Зяблик, бывает. В море налетит смерч, и думаешь – всё, конец. А встречный ветерок развернёт его и продолжится жизнь. Вот и между нами был смерч.

Он губами убрал слезинки с её лица, тихо, тревожно спросил:

– У тебя большая семья?

Даша отрицательно покачала головой:

– Нет, я одна.

Сашка порывисто прижал её к себе:

– Я тебя никуда не отпущу. Куда ты едешь?

– В Москву. Предложили работу в газете. Я – журналист

– О, этой работы в Дивном хватит. Поедешь в Дивный?

– Ну-у, кто же откажется побывать в Дивном? – рассмеялась

Даша, вспомнив их совместные детские мечты.

– А ты забияка.

– А я после тебя стала такой. А ты помнишь Дика? Он все годы защищал меня.

– А ты долго там жила?

До окончания школы.

– Как?! А почему на письма не отвечала?

– Не правда! Не было никаких писем. Хотя... Ну да, это проделки Пашки-пакостника. У него мать на почте работала. А он помогал ей разбирать почту. Её потом уволили после жалоб. А я даже адреса твоего не знала.

– Теперь я понял, кто мне такие пошлые письма писал. И я правильно делал, что не верил им. Зяблик, ложись, поспи, а я посижу рядом.

Он быстро застелил постель, уложил Дашу, а сам сел рядом.

Даша моментально уснула. И только под утро услышала сквозь сон слова соседки:

– А ты что не спишь, соколик?

– Счастье своё караулю...

– Ну, ну, смотри не прозевай, с ней ты счастливым будешь.

Даша улыбнулась, повернулась на бок и опять уснула. А утром открыла глаза – в купе никого не было. Но тут дверь открылась, и вошёл улыбающийся Сашка

– Проснулась, соня? И чего это тебя Дашкой назвали? Всю жизнь как сурок спишь.

– А ты помнишь? – Даша весело рассмеялась.

– Помню, помню, как ты даже на уроках засыпала. Давай побыстрому прихорашивайся, нам в темпе на другой вокзал надо, чтобы успеть к поезду.

Даша даже не запомнила, как они добирались до Дивного. Помнит, как уже на месте взяли такси у вокзала, доехали до дома, вошли в комнату. Даша удивлённо осматривала её, Увидев женское платье, она от неожиданности вскрикнула.

– Что случилось, Дашуня? – выглянул из кухни Александр.

– Саша, ты говорил, что один живёшь, а здесь вещи женские....

– Да ты что?! Откуда они взялись? – Он вышел из кухни и обнял Дашу. – Мы одни с тобой, Зяблик. – Сашка хотел поцеловать Дашу, но она вырвалась и подошла к стулу, где висело платье.

– Вот, вот, смотри!

В это время дверь распахнулась и вошла ярко окрашенная женщина. А за её спиной виднелись две мужские фигуры.

– Санёк! Ты приехал?! А почему не предупредил? Я бы тебя на вокзале встретила.

Мужчины куда-то испарились. Сашка подошёл к женщине.

– Ты где взяла ключ? Я же тогда отобрал его.

– А я что, помешала тебе с этой выдрой... – Она не успела закончить фразу, как Сашка схватил её за плечо и вытолкнул на площадку, бросив следом чемодан, платье, пальто. А с площадки неся хриплый визг:

– Да она же бросит тебя! Ты же неудачник!

Сашка захлопнул дверь, сел на стул и обхватил голову руками.

– Ты прости меня. С чистого листа не получилось начать... Два года её не было и опять гулянки. Не может она по-нормальному жить.

– Что ты, Сашок, это ты прости меня, что я как вихрь влетела в твою жизнь.

Сашка встал весь расстроенный, какой-то потерянный.

– Я схожу в пароходство...

– Иди, иди, — Даша подтолкнула его к двери.

Сашка вышел, а через минуту вслед за ним вышла Даша. Ей хотелось увидеть, где находится пароходство, чтобы оттуда начать поиски работы. А тут ещё всплыла давняя мечта – попасть на настоящий корабль. Эта мечта была с детства, когда Сашка упоённо читал книги о море, о морских путешествиях, а потом, захлёбываясь, рассказывал всё Даше. А сейчас она осторожно кралась за Сашкой. Вдруг перед самым её носом запахнулась дверь, скрыв от неё Сашку. А когда она закрылась, то Сашки нигде не было. Даша смотрела по сторонам, рассматривала здание. У себя над головой на здании увидела вывеску: «Дивненское пароходство. Отдел кадров».

Даша посчитала это провидением, и смело вошла в здание. Моряк, сидевший у двери, встал, поправил форму. Даша решительно произнесла:

– Мне к начальнику отдела кадров.

– Пожалуйста. По коридору направо первая дверь.

Даша, подойдя к двери, постучала и вошла. За столом у стены сидел мужчина лет пятидесяти, привлекательной внешности. Особый шарм придавала морская форма. Он пригласил Дашу к столу и сам сел напротив.

– Я вас слушаю.

Даша поспешно достала паспорт, трудовую книжку, диплом МГУ и положила на стол перед мужчиной.

– Я хочу работать у вас. Я журналист. Надеюсь, какая-нибудь

должность найдётся для меня в таком большом пароходстве?

– О, у нас в газете не хватает работников. Газетчики жалуются, что материалов мало. Можете прямо сейчас приступать к работе.

– Чтобы материал получился интересным и злободневным, надо изучить работу моряков, а на берегу этого не сделаешь, надо видеть их в деле. Пошлите меня на корабль, который уходит в море. Со здоровьем у меня всё в норме.

– А вы давно в Дивном? Что-то я раньше вас не встречал.

– Сегодня приехала.

– Если не секрет, то к кому?

– Вернее сказать – с кем. Меня Саша Звонарёв из поезда украл и привёз сюда.

– Вы в надёжные руки попали. Я слышал, что вернулась Эвелина. Так вы не обращайтесь на неё внимание. Александр через неделю уходит в море, вот с ним и согласуйте. Если разрешит – пойдёте в море. На другой корабль он не отпустит, а против его воли я не пойду: моряк в море должен быть спокойным, а тыл – надёжным. Идите в отдел кадров, он рядом. Оформляйтесь в газету. Да, а вы зарегистрированы с Александром?

– Нет, ещё не успели.

– Поспешите. Для вас так надёжнее будет. Успеха вам и до встречи.

Выйдя из отдела кадров, Даша почти бежала, стремясь вернуться раньше Александра. Купила продукты, в квартире свой чемодан поставила в шкаф и бегом на кухню готовить праздничный обед. Почти всё было готово, когда вспомнила, что нет хлеба. Вот так хозяйка! И опять бегом в магазин. Вернулась, нарезала хлеб, сервировала стол, а Сашки всё не было. Даша подошла к окну и засмотрелась на город. И вдруг почувствовала чьё-то присутствие за спиной. Она резко обернулась – в дверях стоял её Сашка и с недоумением смотрел на неё.

– Ты где была?

– Я? В пароходстве, в отделе кадров.

– Это я знаю. А после этого?

– В магазине, а затем на кухне.

Даша с улыбкой смотрела на Сашку, готовая в любую минуту рассмеяться над его растерянностью.

– Я заходил, но тебя не было. И чемодана тоже. И на вокзале тебя не было.

– А ты на кухню заглядывал?

– Заглядывал...
 – И ничего не заметил на столе? Никаких предметов? – Даше было очень спокойно и весело.

– Я искал более крупный предмет.

Сашка наконец перевёл взгляд на стол и мысленно ахнул: стол был красиво сервирован с нежным букетом цветов в середине стола. Он шагнул к Даше, но она отступила в сторону и возмущённо произнесла:

– Это я для тебя – предмет?!

– И очень дорогой, и самый любимый!

Сашка обнял её и впился в губы. Даша била его кулаками по бокам, по спине, но поцелуй становился крепче, страстней, и она сдалась.

Сашка жарко шептал:

– Малявка моя суженая... Богом данная ты мне... Дашутка, солнышко моё... Самая желанная моя...

И уже перед утром, засыпая, прошептал:

– Любушка ты моя...

Даша опьянела от жарких слов, от ласки сильных мужских рук. Она мечтала об этом всё время, когда была близка с Игорем, но с его стороны встречала холодность и безразличие. Она поняла тогда, что её любовь не нужна ему. И она замыкалась.

И вдруг этот пожар чувств, ласки... Она была счастлива и взамен отдавала всю свою нерастраченную любовь.

Утром они с жадностью уничтожили всё приготовленное Дашей накануне и поспешили в загс. И вот они уже законные муж и жена.

– Я тебя не оставлю на берегу, пойдёшь со мной в рейс, – Сашка нежно держал её руку в своей.

– А ты помнишь, как мы мечтали об этом? – Даша прижалась к крепкому плечу мужа и счастливо улыбалась. – А когда в море?

– Через неделю.

– Это хорошо-о-о, – нараспев, протяжно произнесла Даша.

– Почему, Зяблик?

– Повольничаем. На корабле этого не будет. Пойдём в ресторан, посидим. Я только один раз была в таком заведении с девочками, когда обмывали дипломы.

– Да ты что, Дашута?! Неужели тебя никто не приглашал в ресторан? – удивился Сашка.

– Почему, приглашали, но я отказывала.
– Ой, какой ты Зяблик... Я тебя сейчас расцелую....
– Да ты что?! Люди же ходят!
– Понял, всё понял. Пошли в ресторан. Домой не будем заходить?

– Зачем? Мы прилично одеты.

Сашка рассмеялся весело:

– Зяблик ты мой ненаглядный.

Они пробыли в ресторане до позднего вечера и вернулись домой переполненные впечатлениями от музыки, танцев, встречи с друзьями Саши, которые устроили им настоящую свадьбу.

Неделя пролетела быстро. И вот их корабль отчалил от причала. Бывший военный корабль после списания попал в пароходство, был отремонтирован и переоборудован под сухогруз.

Даша разместилась в каюте с врачом, молодой женщиной, женой старпома, на вид которой было лет тридцать. У них с Дашей были схожи характеры, и они быстро подружились.

– Даша, будь осторожна с матросами, – поучала Анна. – Знаешь какие есть балагуры – за одну минуту разыграют и выставят на смех.

– Да это мы ещё посмотрим, кто посмеет подшутить. Газета всех отпугивает.

– А ты газету будешь выпускать? – удивилась Анна.

– А как же, непременно. Надо посмотреть, где вывешивать. Сейчас напишу объявление, пусть заметки подадут. Покажи мне библиотеку, я там буду работать.

– А кэп разрешит?

– А почему не разрешит?

– Не знаю. Но на корабле всё делается с разрешения капитана или его помощников.

– Аня, а ты у него не спросишь? А то я его не увижу, а идти в каюту не могу: качает, голова кружится.

– И давно она у тебя кружится – Анна подозрительно рассматривала Дашу.

– Последнюю неделю сильнее стала кружиться.

– Так, пойдём, – она взяла какую-то полосочку из пакета, баночку, завела Дашу в санитарную комнату. После определённых манипуляций, посмотрев на полоску, она спросила у Даши:

– А ты как к детям относишься?

– Я очень хочу ребёнка.

– А муж?
 – Мы не говорили об этом, не знаю. Но вообще-то, он в детстве любил малышню.

– Ну, тебя-то я поздравляю с двойнёй.
 – Ты чего?! Я точно знаю, что по такому методу анализа нельзя узнать, сколько будет детей, – Даша недоверчиво и смущённо смотрела на Анну.

– Да я пошутила, не волнуйся.
 – Над кем шутите, девицы-красавицы? – в дверях каюты стоял старпом Смирных, муж Анны.

– Вот вы-то нам и нужны, – Даша улыбнулась. – Ещё бы одного заполучить. Аня, я пойду в библиотеку. Ой!

Она показала рукой на потолок в углу, где торчал один окуляр бинокля, и он поворачивался из стороны в сторону. Старпом, как кошка, подпрыгнул и ухватился за крутящийся окуляр, потащил на себя – за ним открылась дыра и чей-то глаз. Старпом выскочил из каюты – за перегородкой послышалась возня, крики. Анна метнулась вслед за мужем, крикнув:

– Сиди на месте! Вызывай капитана!

Даша нажала кнопку на мобильнике и, услышав родной голос, быстро проговорила:

– Сашок, рядом в каюте драка, там старпом. Быстрее сюда!

Она метнулась к двери и защёлкнула замок, мысленно поблагодарив боцмана, который собственноручно поставил этот замок. И как оказалось, она это сделала вовремя: в дверь кто-то постучал тихо, или вернее – поскрёбся и шепотом произнёс:

– Киса, открой, это я.

«Киса?!» – Даша была в недоумении. Сашок так её никогда не называл. К Анне муж тоже так не обращался. Да ещё она высказалась, что терпеть не может этих сюсюканий. Значит именно к ней это обращение... Кто и зачем хочет её выманить? Сразу вспомнилось её наблюдение за двумя моряками в библиотеке, когда один моряк подходил к стеллажу и быстро уходил, а с другой стороны подходил другой к тому же месту и тоже быстро уходил. На другое утро она пришла раньше и проверила: там была закладка-треугольник, где можно было легко оставлять записки. «Стоп! – одёрнула в тот момент себя Даша. – Так можно дофантазироваться до “шпиёнов”». Но в библиотеку кто-то вошёл. Даша быстро взяла какой-то справочник с противоположного стеллажа, открыла его посереде-

не и стала медленно продвигаться к боковому проходу. И вдруг за спиной раздался приторно-сладкавый голос:

– Мы что-то потеряли? Могу помочь.

Даша полуобернулась и увидела совсем незнакомого моряка с лычками. Он смотрел на неё колючим взглядом с масляной улыбкой. Даша равнодушно ответила:

– Занимайтесь своим делом и не мешайте другим.

– Не сердитесь, я уже ушёл, – моряк прикоснулся на секунду к её спине и быстро ушёл.

А Даше показалось, что она обо что-то укололась. Она передёрнула плечами и быстро прошла к своему столу.

И вот сейчас в этом шепоте она узнала тот противный голос. Так кто же он?

Странный «кораблик»... В прошлом году при загадочных невыясненных обстоятельствах пропала дочь боцмана, фельдшер по должности. Был обследован каждый сантиметр судна, и никакой зацепки. Кроме иллюминатора: он был открыт снаружи.

И ещё одну странность обнаружила Даша: она стала слышать или как бы читать мысли некоторых членов экипажа. А кого именно? Надо ближе знакомиться со всем экипажем.

«Думай, писака, думай, анализируй... Получается, что именно у тех, кто имеет тесный контакт со всеми членами экипажа. А кто будет у меня забирать эти данные и каким образом? Как у дочери боцмана? Не смогли взять здесь, так принудительно выгрузили за пределы судна? Значит, всё, о чём ты сейчас думаешь, кто-то считывает? А эти чипы, они одинаковые или разные по свойствам? Нужен совет... Помощь? А кто её предлагал? Кто, кроме того типа?» – Даша произвольно улыбнулась, вспомнив на вид неуклюжего, а в действиях ловкого боцмана. По всем этим трапам, реям, канатам он двигался как молодой циркач

И вдруг она услышала его голос (или мысли?!): «Я рядом, дочка, не волнуйся. И не занимай голову пустяками. Капитан ждёт новый номер газеты. Он пошёл к тебе».

Даша подошла к двери и услышала родные шаги мужа. Она распахнула дверь... Перед ней стоял тот самый моряк из библиотеки со своей победной ухмылкой.

Но как же так?! Она же слышала шаги мужа?! А где же старпом, боцман? Почему все бросили её? Мысли разрывали голову. Она увидела тянущуюся к ней руку чужака и уже в полубморочном

состоянии увидела, как кто-то схватил эту руку...

Очнулась Даша от голоса соседки Анны:

– Ты что это, подруга? Тебе на берег срочно надо. Потихоньку вставай, переодевайся в дорожное. Капитан списал нас обоих. Вот так-то... Голова сейчас не болит?

– Нет. Только какая-то пустота там.

– Ясно... А когда это ты успела газету сделать?

– Не знаю... Ты как ушла, я работала над ней...

– Отлично... Про посторонние шумы не говори никому, а то замучают опытами, а тебе, вернее вам это совсем не нужно. Если на берегу кто будет спрашивать обо мне, то я сопровождаю тебя.

Через пять минут, когда Даша взяла сумку с вещами, Анна предложила присесть – на благополучную дорогу.

– А теперь к капитану – попрощаться, – она скатала лист стенгазеты, перекинула сумку через плечо и вышла вслед за Дашей.

В каюте капитана был и муж Анны. Александр обнял Дашу:

– Ты как, Зяблик? Береги себя. Я буду очень скучать. И ничего не бойся, Анна будет рядом и всегда поможет.

Анна подошла к Александру, обняла его, шепнула:

– Вы тут берегите друг друга.

За разговором в вертолёт не заметили, как оказались на военном аэродроме в Дивном. Вертолёт приземлился рядом с санитарной машиной. Анна помогла Даше перейти в машину, потому что её качало как при сильном шторме на корабле.

В приёмном покое госпиталя, куда их привезли, долго ждали дежурного хирурга – шла внеплановая операция. А Дашу мучило уже сильно. Она выглядывала туалет, куда побежать, если начнётся рвота.

С улицы вошёл мужчина лет тридцати пяти, на лицо очень привлекательный. Он направился к приёмному покою. Анна метнулась к нему:

– Егоров! Ты что тут делаешь?!

Мужчина остановился, присмотрелся к Анне, и вдруг удивлённо воскликнул:

– Маслова?! Тебя каким штормом сюда забросило?

– Подожди. Ты здесь работаешь? Где?

– В хирургии...

– Отлично! Забирай больную и быстро вверх! Вместе со мной.

Мы не можем медлить.

– Ну, Маслова, ты такой же авантюристкой осталась....

– Хватит болтать! Ты видишь, больную сейчас вывернет наизнанку. Полотенце найди.

– Какое полотенце?! – Он подхватил Дашу на руки, поднёс к умывальнику.

– Давай, милая, не сдерживайся, освобождай желудок. А ты позови сестру.

Из приёмной комнаты выбежала молоденькая сестричка.

– Возьмите в банку на анализ и быстро в лабораторию. Маслова, как её фамилия?

– Это моя сестра... Зяблова Даша.

Егоров удивлённо посмотрел на Анну, но ничего не сказал. Он положил Дашу на каталку, Анна приспособила рядом сумки. Они, почти бегом, неслись к лифту. На третьем этаже хирургического отделения выкатили каталку, пробежали с ней по коридору, и оказались в перевязочной.

– Егорыч, ты сможешь один осмотреть больную?

– О чём базар? – Егоров усмехнулся. – А ты вспомнила Егорыча... А как от меня хвостом круганула, помнишь? Что с сестрёнкой-то? Давай руки размывать, ассистировать будешь. Так что молчишь?

Анна быстро что-то написала на листке и показала Егорову. Тот присвистнул, подошёл к Даше, которая рукой тянулась к спине.

– Быстрее, Егорыч! – Анна показала рукой, что надо резать.

На спине Даши у самой шеи была не очень большая ранка, как расчёс.

Егоров сделал надрез скальпелем, присвистнул и пинцетом вытащил небольшой цилиндрок, похожий на тонкий кусочек проволоки, который изнутри светился.

Анна зажала пинцет и перехватила его из руки Егорова, быстро подошла к кушетке, положила предмет на салфетку под подушку, прижала тяжёлой мраморной статуэткой.

Раздалось шипение, хлопок. Ножка кушетки осела, сама она накренилась, а из подушки вырвался клубок дыма.

– Дай стакан воды, — попросила Анна.

Она осторожно перевернула подушку, залила водой образовавшуюся вмятину в поролоне, и вновь положила также, как она и лежала.

– Надо рану обработать до конца. А ты на мою спину глянь, что там мне мешает?

Егоров обнажил спину Анны и рассмеялся:

– Весёлый у меня денёк сегодня. Тоже на фурункул похоже. Я вскрою остороженько.

Он сделал надрез, вытащил такой же цилиндрик, даже ещё тоньше, светящийся внутри, показал Анне:

– Тебе это на память отдать или в ту коллекцию положить? – он показал на кушетку

– Ни то, ни другое. Дай десятиграммовый шприц и ваты с бинтом.

Она упаковала всё и положила в сумочку. Затем набрала номер по городскому телефону.

– Здравствуйте, Алексей! Вы помните день рождения... Вы узнали?! — Удивилась она. – Да, всё нормально. Мы в госпитале в хирургии. Да, ждём.

Она осторожно положила трубку, вновь посмотрела на Дашу, которая сидела в кресле с полуоткрытыми глазами, затем перевела взгляд на Егорова.

– Понимаете, нас уже час ищут по всему городу. Но ищут не только друзья. Нам надо ехать, искать где-то пристанище.

– Ну, это не вопрос. Раны ваши я обработал, но за твоей сестрёнкой необходимо наблюдение. Я возьму на неделю отпуск, только оформлю всё. Вы посидите тут.

Он открыл дверь и тут же быстро захлопнул её.

– Вот продажная тварь! Медсестра впустила постороннего мужчину, и он ей что-то передал. Наверное деньги... Где твой друг, почему не едет?

Анна вновь набрала номер:

– Лёша, где ты есть? У нас тут друзья объявились...

– Да ты не волнуйся, я сейчас сделаю перевязку у хирурга и поедем домой.

Анна облегчённо вздохнула:

– Они уже здесь...

В коридоре послышались быстрые шаги, голоса, возня, а через минуту раздался стук в дверь. И вот в комнату ворвался вихрь эмоций и озарение от улыбки.

– Что случилось, Аннуш? Муж звонит, чтобы я встретил, и я мчусь в аэропорт, а Аннуш уже уехала на «скорой». Как можно садиться в незнакомую машину? Или тебя встречал этот красавец-джигит?! У тебя нет друзей, да?! Я всех твоих знакомых поднял на

ноги, а ты тут любезничаешь с этим красавцем. Ты забыла мужа, да?!

Эмоции южного человека вырвались бурным потоком слов и дополнялись жестикующей рук и гневным сверканием глаз.

– Егорыча не тронь, он у нас незыблемая скала, монумент. Вы друг друга стоите, оба не окольцованные. Ты лучше скажи, что знаешь о чипах, которые взрываются?

– Что?! Где ты их видела?! – Алексей сразу посерьёзnel, весь сгруппировался, как будто готовился к прыжку.

Анна подвела его к кушетке, приподняла подушку. Алексей молниеносно тихо, но властно скомандовал:

– Открыть окна и всем покинуть помещение!

Анна же, наоборот, спокойно вынула свёрток из сумочки и подала Алексею:

– Это вам для изучения. Вот здесь было, – она показала на заклеенную ранку – А то было у... Лены.

Анна немного замешкалась с произнесением имени Даши. И подумала, что может быть так её и называть теперь... От греха подальше.

– Хорошо, всё изучим, только быстренько уходите. И вас это тоже касается, доктор.

Он отошёл в другой угол и уже шумел в трубку:

– Экспертную группу в госпиталь! Химиков не забудьте включить!

И тут же по другому мобильнику громко кричал:

– Нико, друг, нашёл я твою красавицу. Всё нормально, не волнуйся. Извини, дорогой, я мало-мало занят.

Он помог уложить Дашу на каталку, спросил, указывая на кресло:

– Откуда кровь?

– А-а! Егорыч, быстрее в операционную! Наверное, выкидыш!

– Доплавались, матрёшки! Дома вам не сидится, – ругался Егоров, а сам бегом вёз каталку.

С другой стороны бежала Анна, держа Дашу за руку, приговаривая:

– Я с тобой, не волнуйся, всё будет хорошо...

– Слушай, Маслова, с ординаторской вызывай из городской больницы хирурга-гинеколога. Скажи, нужна экстренная операция.

– Егоров, ты совсем обезумел: я же от вас ушла в гинекологию.

– А у вас на судне одни бабы служили? На нормальных кораблях хирурги нужны.

– Точно. Поменьше болтай. Хотя я помню, ты так стресс сни-

мал. Покажи мне, где, что и попроси готовить больную к операции. Надеюсь, кресло у вас найдётся?

– Какое кресло?! Ах, да, сообразил. У нас госпиталь морской, а морякам кресло не требуется.

– А я слышала, что жёны моряков у вас на учёте стоят.

– Ну и что? При необходимости мы их возим в городскую.

– Вот потому и спрашиваю, что я в городской работала. Почему своего врача не имеете? Больных через весь город мотаете.

– Маслова, не умничай, ты выше нашего министра хочешь быть?

– Да и то верно. Надо наши вещи быстренько в ординаторскую перенести. И не сверкай глазницами, так надо. А мою сумку кожаную сюда, там инструменты.

Анна осмотрела Дашу, взяла её за руку и грустно произнесла:

– Дашенька, чистку надо делать, а то неизвестно, чего наглотался дитёнок, каким родится.

– Не родится, внутри что-то оторвалось. Делай своё дело.

Анна метнулась к концу стола.

– Егоров, ноги согни ей и держи за щиколотки. Да крепче держи... Точно, плод оторвался. Всё... Увы, к сожалению, он мёртв. Сейчас почистим, обработаем. Не волнуйся, будут у вас ещё дети. А сейчас поедem с тобой в палату.

– В какую палату, Маслова? – вскричал Егоров. – Опомнись! У нас одни мужчины на всём этаже. Внизу в терапии есть женские палаты.

– А в ординаторской есть кушетка? Ей часа два надо отлежаться.

– Есть, конечно. И врачи уже ушли домой.

– Вот и прекрасно! А потом за нами приедут, – обрадовалась Анна.

И сразу же из ординаторской позвонила

– Лёва, ты дома? В командировку не собираешься? Завтра?! Вот здорово! Ты через два часа сможешь за мной приехать в госпиталь, в хирургию? Да не волнуйся, со мной всё в порядке. По дороге всё расскажу. Нас двое. Как приедешь, спросишь доктора Егорова.

Через два часа приехал Лев, брат мужа Анны. Дашу подкатали к машине на каталке, Егоров осторожно перенёс её на заднее сиденье и сел рядом. Возле дома он также от машины до комнаты нёс на руках. Уложив на диван, сам устроился на стуле. А Анна со Львом ушли на кухню.

– Аня, ты хочешь их оставить здесь?

– Ты не понял, Лёвушка. Это я с Дашей останусь. Нам надо недели две побыть вне дома

– У вас что-то случилось на корабле? Я не мог дозвониться до Нико.

– Нет, нет, там всё в порядке. Даше стало плохо, и я её сопровождала. А Егоров – доктор из госпиталя. Мой однокурсник по институту. А ты надолго едешь? – Анна старалась не встречаться с острым, пронзительным взглядом шурина, чтобы не выдать волнение за оставшихся мужей на корабле.

– На месяц. Я теперь спокоен за цветы, они тебя любят. А то никто не брался ухаживать за ними.

– У тебя новые сорта не появились? — Анна с улыбкой смотрела на Льва. Он был цветоводом-фанатом.

– Нет. Ты же знаешь, какие они ревнивые друг к другу.

– И к людям тоже. Не от всех принимают услуги.

– Ты заметила, Аннуш? – восторженно заулыбался Лев. – Мою одну соседку невзлюбили и все как один стали сохнуть. Пришлось прекратить с ней связь.

– А ты про это не говорил. Это та, на которой ты хотел жениться? – Удивилась Анна. – Так ты останешься закоренелым холостяком. Хоть бы ты порадовал мать внуками, раз не получилось у нас с Нико.

– А на ком тут можно жениться, Аннуш?

– А ты поезжай домой к матери и оттуда привези жену.

– Анна, не смеди. В деревнях одни старики. И вообще, ты этот разговор прекращай, а берись за приготовление ужина, а то мы все тут с голоду поумираем.

– Так и быть, подчиняюсь хозяину. А ты ступай к голубкам, а то они как бы ни доворковались до чего хорошего. Я Сашку в обиду не дам.

– Это ты говоришь о её муже? Не знаю его. А из них хорошая пара вышла бы.

– Хорошо смотрятся, точно. Но не надо ломать то, что уже создано. А она рядом с любым мужчиной хорошо смотрится.

– Слушай, родственница, а ты сама случайно не ревнуешь своего сокурсника? – Лев с хитрой улыбкой смотрел на Анну.

– Да ты что?! Дашке спать надо, а ты со своими глупостями. Иди на кухню и готовь сам ужин.

Анна демонстративно прошла в другую комнату к Даше, а Лев,

громко рассмеявшись, пошёл готовить.

– Егорыч, а не хочешь ли ты помочь Лёвке что-нибудь приготовить поесть? А то у дам со вчерашнего ужина во рту маковой росинки не было, — Анна с хитрющей улыбкой посмотрела на Егорова, — А мне надо с Дашей посекретничать. И ещё — никто не должен знать, где мы есть.

– Да уже понял, что мы играем в разведку. А с едой нет проблем, — он лёгкой спортивной походкой вышел из комнаты.

– Ну, ты как тут? Не заговорил он тебя? Мы его на курсе называли «Словесная анестезия» — убаюкает, кого хочешь. Не пойму, почему он до сих пор не женатый?

– А когда он тебе это сказал? — удивлённо посмотрела Даша.

– А зачем говорить, когда у него это на лице написано. Холостяков легко узнать по взгляду, он у них оценивающий, вопрошающий: «Пойдёт, не пойдёт?» А им надо было бы узнавать: «Полюбит, не полюбит?»

Даша рассмеялась, но сразу оборвала смех и серьёзно, с тревогой сказала:

– Слушай, Аня, мне почему-то хочется избавиться от мобильного, я отключила его, — она вертела в руках маленький телефон, подаренный ей мужем перед выходом в море.

– Лёва! Подойди сюда! — позвала Анна. — Ты у нас любитель разных мобил. Посмотри эту штуку. Даша у нас телепат... Ей её мобильник стал мешать.

– Любопытненько... — Лев вертел приборчик, даже нюхал его, слушал. — А дай-ка я и твой заодно посмотрю...

– Ты осторожнее с ними, а то в море они взрывались, — на лице Анны отразилась необычная тревога.

– А давай-ка я Алексею позвоню, а заодно и сообщу, где ты, а то опять по всему городу искать будет. Ох, Аннуш, не избежать тебе разборки с Нико, — шутливым тоном Лев пытался скрыть тревогу.

Через десять минут пришёл Алексей с двумя сотрудниками. Они прошли в комнату Льва, а один в комнату к Даше.

– Вы извините, я должен вас обследовать.

Маленьким приборчиком он провёл вдоль всего тела Даши, попросил повернуться на один бок, на другой. Анну он тоже обследовал, и только после этого ушёл.

Анна села на диван к Даше, взяла её за руки.

– Как себя чувствуешь, сестрёнка? Сроднила нас судьба. Как-то

там наши мужчины? Сколько змей вокруг них вьётся, – Анна тяжело вздохнула.

– Да ещё за нас переживают. А телефоны молчат... – Даша говорила тихим унылым голосом, глядя на тёмное окно, закрытое жалюзи. – Вот не люблю эту новинку за то, что они отгораживают от внешнего мира, и ты оказываешься как в каменном мешке.

– Даша, какая же у тебя тонкая натура, всё ты замечаешь. И как это твой первый не распознал тебя? Ты очень переживаешь о потере ребёнка? Это же от него был?

– Да, от него. Не переживаю совсем, а наоборот, какое-то облегчение, что все нити, связывающие с ним, порваны. Ты не думай, что я такая жестокая. Я очень хотела ребёнка. Но только не от него. Я много думала об этом. Пусть даже не вышла бы замуж, но только чтобы будущий отец был добрым, умным, и... и сим-па-тич-ным, — рассмеялась Даша. – Жаль вот, что Сашка не скоро увижу. А то бы мы нашего запроектировали.

– А что толку, если бы был рядом, а тебе, милая, полгода «пост» соблюдать... – они обе рассмеялись.

Вошёл Алексей, с улыбкой подал новые мобильные аппараты.

– Держите, девочки, конфисковал у Льва, а ваши отправились в лабораторию. А вы можете быть спокойны, вы все чистенькие, никакие чипы у вас не обнаружены.

– Лёша, что на суде, ты же знаешь?! – Анна с надеждой смотрела на Алексея.

– Конечно, Алексей всё знает, – он с улыбкой смотрел на женщин, а в глазах плескалась грусть. – Хорошо, спокойно у них, нормально идут по курсу. Скучают без вас. Звоните им, успокаивайте. И не забывайте передавать приветы от меня. Я ввёл все ваши данные со старых приборов. И пошёл спать, а то сутки бегал вот за этой красавицей. С утра придёт Виктор и поживёт здесь. Он будет и за кухарку, и за уборщика, и за снабженца. А вам выходить запрещено – домашний арест.

Глава 2. Полёт на «Спокойный»

Незаметно пролетел месяц. Анна и Даша вышли на работу. Вернулся из командировки Лев, и женщины переехали в квартиру Анны: Даша боялась жить одна в квартире Александра.

Даша пришла в пароходство и попросила отправить её на корабль. Она горячо убеждала начальника пароходства Аверина:

– Поймите, мне там надо быть! Я чувствую приближение беды. А я могу их предупредить.

– А вы телепат? – улыбнулся Аверин.

– Да думайте, как хотите. Но у них там неспокойно.

– Это уж точно... в самое яблочко попали, – Аверин подумал, а потом спросил:

– А вы со многими моряками разговаривали?

– Я думаю, что со всеми.

Аверин быстро поднял телефонную трубку, набрал номер и приказал:

– Зайди ко мне с документами команды «Спокойного».

В кабинет зашёл начальник отдела кадров, положил на стол раскрытую папку. Даша увидела общую фотографию всей команды. Она подошла ближе и стала рассматривать всех, вспоминать встречи с ними. Вдруг она показала на одно фото и твёрдо произнесла:

– А вот этого на судне нет.

Аверин и Макаров переглянулись.

– А ты не ошиблась, дочка? Может быть, просто не встречалась с ним? – в голосе Макарова было столько боли и надежды одновременно.

– Как его фамилия? Иванькин? Я хорошо его помню. Он с сильным акцентом произносил свою фамилию. Но Иванькин – рязанский парень, откуда у него западный акцент? На контакт с командой он не шёл, за что ему дали меткую кличку «Индюк». Он как будто боялся проговориться.

– Понятно. Сомнений нет... — вздохнул тяжело Аверин, посмотрел на Макарова, сидевшего с опущенной головой. – Вызывай его родителей. Напиши, что он тяжело заболел.

Макаров поднял голову:

– Я же с ним десять лет в одной команде парился на подлодке... Зачем я его перевёл на сухогруз? Хотел, чтобы он дослужил на поверхности. Ему год оставался дослужить. Это был его последний рейс. И вот... – он отчаянно махнул рукой и вышел.

– У нас тут... – Аверин не успел продолжить, как Даша перебила его:

– Я знаю. Слышала об этом в госпитале, когда прилетели с корабля. Кто-то интересовался телом убитого моряка. А Егоров ска-

зал, что его давно захоронили. А тому фельдшеру из морга сказал, чтобы язык привязал канатом.

– Да, надо подключать Егорова и Анну, чтобы установили причину смерти. А вам, Дарья, спасибо за помощь. Мы отправим вас, только не сегодня. Я сообщу вам.

Он машинально костяшками пальцев выбивал: «Завтра. Завтра». Даша отстучала: «Принято. Буду готова».

Аверин ошарашено посмотрел на неё.

– Откуда знаете морзянку?

– Да с Сашкой в детстве готовились к морским путешествиям. А я у него была за верного друга, всё вместе делали.

– Я всё понял. Действительно, ваше место на корабле. До встречи.

На следующий день Анна провожала Дашу. С ней летели три моряка с боевым оружием для охраны корабля.

* * *

А тем временем на «Спокойном» обстановка напоминала штормовой аврал. Радист хотел позвонить домой по мобильному телефону, но в трубке услышал подозрительный посторонний шум. Он инстинктивно отбросил его в угол и тут же раздался взрыв. Радист не пострадал и вызвал капитана. В это же время пришло сообщение от Алексея с приказом – немедленно освободиться от сотовых телефонов. Капитан дал задание мичману собрать все мобильники и выбросить в море. Команда была выполнена, и мобильники полетели за борт. Некоторые не успели погрузиться глубоко и начали взрываться. На поверхности образовались водяные фонтаны. И тут стало происходить что-то необычное: шедшая навстречу судну стая акул скрылась под водой, а затем уже сзади судна вынырнула и пошла параллельно кораблю. Так шли они несколько минут, а затем устремились вперёд и прямо перед носом корабля устроили шоу: акулы поднимались высоко вверх, крутились в невероятном пируэте и уходили на глубину. Корабль замедлил ход и даже чуть сдал назад. Несколько акул ушли в сторону берега. И тут капитан дал команду спустить на воду быстроходный катер «Вихрь». Два моряка во главе с мичманом взяли курс к берегу. Когда они вернулись, то мичман бегом направился в радиорубку, где капитан разговаривал с пароходством. Тут же прозвучала команда: «Свистать всех наверх!»

Капитан вышел вперёд, осмотрел всю команду и сказал жестко:

– Какая-то гнида напичкала наши мобильники взрывными уп-

правляемыми радиоэлектронными приборами. Требую: немедленно освободиться от случайно оставшихся мобильных. Иначе вся команда вместе с кораблём отправится во владения Нептуна.

– Капитан, — подал голос старший механик, — У команды машинного отделения нет ни одного мобильного. Но это тоже взрывоопасная ситуация: дома от нас не будет звонков и там поднимется паника. Надо срочно заходить в какой-нибудь порт и закупать мобильники.

– Я сообщил в пароходство, там должны известить все семьи о временном перерыве в связи. А через сутки мы будем в опасных водах, где могут быть пираты. Так что быть всем начеку. Приготовить все виды защиты. Наладить круглосуточное дежурство. И как поётся в песне: «Покой нам только снится». Не впервые мы в подобных переделках – прорвёмся. Но ещё раз повторяю: не расслабляться. Внимание везде, предельное внимание. Всё. Всем по местам.

Оставшись один, Александр глубоко задумался. Впервые он не сообщил команде, что ждёт вертолёт с охраной. Недоверие команде – это страшно, это крах. Но кто мог быть предателем? Он перебирал всех поимённо. Команда новая. Только старпом Смирных, да ещё два человека знакомы. Иванькин... Что-то смущает в нём. А что? Говорит с акцентом, замкнут... Ну и что? Бывает... Стоп! Надо дать запрос на всех.

Зашёл радист, пожилой моряк. Пошёл в рейс, чтобы подработать перед уходом на пенсию.

– Капитан, не даёт мне покоя одна закавыка...
 – Давай, выкладывай... А радиорубку ты закрыл?
 – Закрыл. Да я там днюю и ночую. Только в гальюн отлучаюсь. И то кого-нибудь из ребят прошу остаться.
 – А кого именно просил? – Александр весь напрягся.
 – Да вот... – радист вдруг метнулся вдруг к двери и резко распахнул её. – Да что ж ты так неосторожно ходишь? Так и зашибить можно.

– Я жду сообщение... – раздался хриплый, взволнованный голос.
 – Рация не работает, ремонтируют её, – сердито ответил радист.
 – Я могу помогать...
 Капитан подошёл к двери.
 – Иванькин?! Почему не на месте? Или тебя приказ капитана не касается?
 – Папа больной. Жду телеграмму...

– Это похвально, что заботаешься о родителях. Обещаю, что сразу сообщу, как только придёт сообщение. А сейчас на своё рабочее место. И не отлучаться без команды.

Александр взял радиста за плечо и тихо, почти шепотом сказал:

– Иди в рубку, я зайду сейчас..

Он закрыл каюту и, проследив, когда Иванькин скрылся за поворотом, зашёл в радиорубку.

– Я тоже жду сообщение. Принял? – Он прочитал выходящую из аппарата ленту и улыбнулся: – Отлично! Передавай без записи в журнал: «Сообщение принято. Ждём!»

– Капитан, что это? – встревожился радист.

– Всё нормально, дед, – Александр показал круговое движение в воздухе. – Будем ждать.

Радист протянул капитану лист с цифрами.

– А это, похоже, Иванькину. Он за этим и приходил.

– Значит, он сумел с радиции связаться со своими... Да, дед, прохлопали мы с тобой оба... Дай мне связь со «Святогором», а сам постой в коридоре.

Связь была установлена.

– «Святогор»? «Спокойный» говорит. Свяжи меня с капитаном. Это ты, дружище?! Вертушка нужна от тебя. Пришли одного солдата для сопровождения. Очень жарко у меня. Он вернётся с вертушкой, а там ты сам посмотришь, кого послать дальше. Будьте осторожны с «гостем».

Звонарёв закончил разговор и вышел из радиорубки в тот самый момент, когда подошедший Иванькин спрашивал у радиста:

– Ну что, дед, рация работать?

– Работать рация, – вместо радиста ответил Александр. – Ты вот что, заходи сюда. Нам с дедом надо отойти на немного, а ты подежурь. Я жду радиограмму от начальства.

Иванькин с готовностью вошёл в рубку. И в этот момент капитан молниеносно заломил ему руки за спину и скомандовал:

– Дай шнур, дед!

Радист сам связал шнуром руки Иванькина и тревожно сказал:

– Его тут нельзя оставлять.

– Давай ко мне в каюту.

Пока переводили сопротивлявшегося Иванькина, увидели подошедшего фельдшера Ясина.

– А ты тут что делаешь? – удивился капитан.

- Дело есть....
- Эх вы все деловые собрались тут. Какое такое срочное дело?! Успокоить вот его можешь? А то прыткий и деловой очень.
- Можно.
- У меня аллергия! Мне нельзя уколы! – заверещал Иванькин.
- Хорошо, что предупредил. А пилюли есть от аллергии?
- Да, в кармане.
- Фельдшер достал одну пилюлю.
- А что так мало?– усмехнулся Ясин.
- Она на длительное время.
- Понятно. Мы пока её приберём. Когда начнётся процесс, тогда и дадим. А сейчас комарик укусит и всё будет в порядке. Ну вот, голубь сизый, ты и заснул.
- Что ты ему ввёл?
- Обычное снотворное. И он пока не спит, а притворяется. Но лекарство начинает действовать. Часов на пять хватит.
- Это хорошо. Промаха не должно быть.
- Дверь каюты распахнулась, и появившийся старпом возбуждённо крикнул:
- Капитан, вертушка на подлёте!
- Все устремились на верхнюю палубу, прихватив с собой Иванькина. Вертолёт уже стоял на палубе, а мотор продолжал работать. Даша, четыре моряка и один из вертолётчиков стояли в стороне.
- Даша посмотрела на Иванькина, которого сажали в вертолёт, и обратилась к одному из моряков:
- Белов, будете сопровождать до базы. Смотрите в оба, он очень хитёр, а потому особо опасен. Будьте хитрее его. Не верьте его сну, всё время наблюдайте. Удачи.
- Командир, полетите сразу домой без захода на «Святогор», а вы помогайте ему, вас двое. – Даша показала на Белова, впрыгнувшего в вертолёт.
- Постараемся доставить в упаковочке, – пошутил вертолётчик
- А вы сами тут берегите себя, тут жареным пахнет.
- Спасибо, будем стараться.
- Даша повернулась к корабельной команде.
- Кто здесь врач?
- Я. Фельдшер Ясин.
- «Клиента» нельзя успокоить?
- Я ввёл транквилизатор.

– Отлично. А Синицин обращался за помощью? Он живой?

– А кто он?

– Электрик.

– Но мы его только что отправили.

– Нет. Это не он. А боцман где? Я не вижу его.

Даша удивлённо посмотрела на мужа. Почему он даже не подошел к ней? Недоволен, что она вернулась? Да, сердиться он умеет. Это она помнит.

– А разве боцман не с вами улетел? – Ясин вопросительно смотрел на Дашу.

– Как это с нами? Он даже не провожал нас. Да и вы же были на палубе, вы видели, сколько человек садилось в вертолёт.

– Ну и наблюдательность у вас, – удивился Ясин. – В полуобморочном состоянии и вы меня заметили.

– Слишком яркая фигура, чтобы не заметить. Один костюм чего стоит, – усмехнулась Даша и после взлёта вертолёта быстро подошла к мужу и старпому.

– Друзья, нам срочно в каюту капитана. Мне надо передать вам устный приказ командующего.

Капитан не дал договорить Даше и с сарказмом воскликнул:

— Ого-о! У нас новый капитан!

– Притормози свои эмоции, капитан Кук, – по-детски, насмешливо ответила Даша. Это была их постоянная перебранка далёкого детства. – Одну минуту.

Она повернулась к охранникам:

– Шахович, берите на себя команду по охране корабля. Двое наверху, один идёт во внутрь. Кто пойдёт вниз?

– Тихий идёт

К Даше подошел рослый, плечистый парень с детской, обескураживающей улыбкой на лице и с тяжёлой сумкой наперевес.

– Ну что, Тиша Тихий, бери с собой Ясина и начинайте с каюты капитана, раз он меня туда не приглашает. Затем радиорубка, а далее ты говори, что надо, а Ясин будет показывать.

Ясин вопросительно посмотрел на капитана, тот махнул рукой:

– Выполняй приказ.

Тихий с Ясиным ушли

– А вы боцмана искали? – спросила Даша.

– Так он же с вами полетел! Мне сказали, что он первым сел в вертолёт... Даже не доложил капитану, сбежал как сопливый маль-

чишка, – с обидой произнёс Александр.

– А кто сказал?

– Электрик...

– Это тот, которого мы отправили? Или настоящий?

– Что значит – настоящий? – возмутился капитан. Его начинали раздражать все расспросы.

– Успокойся, Саша. – Даша увидела, как зрачки глаз Александра расширились, его качнуло. Она поспешно предложила: – Идёмте вниз.

Они подошли к каюте капитана. Оттуда вышли Тихий с Ясиным.

– Всё нормально, ребята?

– Почти, товарищ лейтенант. Но работать можно. Очень сильно фонит через перегородку из радиорубки, мы сейчас туда. А потом вернёмся к капитану, проверим.

Тихон подошёл к двери радиорубки.

– Подожди, Тихон. Вы возьмите капитана и обследуйте его. Если обнаружите нарыв, фурункул, немедленно вскрыть. Тихон, содержимое из них изъять осторожно и немедленно за борт.

– Ясно, товарищ лейтенант. – Тихон взял под руку капитана и старался ввести его в каюту, а тот ошарашено смотрел на Дашу, ничего не понимая.

Даша повернулась к старпому, вздохнула глубоко:

– Почему так, Нико? Какое-то сумасшедшее утро. Даже привет передать вам некогда. Анна просила расцеловать вас и присматривать за вами.

– Ну, целоваться мы не будем, а то Сашко и так озверел. Что с ним, не пойму.

– Его, похоже, напичкали чипами, как и нас с Анной. Вам тоже надо будет провериться. А они очень опасны, вызывают раздражение.

Каюта капитана распахнулась, и мимо них промчался к трапу Тихон.

– Идёмте в радиорубку. – Даша постучала в дверь, позвала: – Петрович! Открывай, к тебе гости.

Дверь распахнулась, из рубки вышел худой, заросший старик. Увидев Дашу, обнял её.

– Вернулась, дочка! Вот теперь я оживу.

– Конечно, оживёшь. Тем более, что Дарья Михайловна просила поцеловать тебя. – Даша поцеловала радиста в щёку, в лоб и во вторую щёку.

– Точно! Это Дарьюшка моя так целует дорогих ей людей, – воскликнул Петрович и ухватился за левый бок.

– Ясин! Петровичу плохо! – крикнула Даша.

– Ты что, дед?! Я же просил тебя поделаться капельницы. Старпом, держи его, – шумел подбежавший Ясин со шприцем в руке.

Он говорил, а сам уже колол укол. Даша тоже поддерживала Петровича и одновременно любовалась ловкостью Ясина. А тот попросил:

– Тихон, проверь лежак деда, его положить надо.

Тихон вышел из радиорубки, сказал хмуро:

– Там намного серьезней, чем я думал. Ведите деда в каюту капитана, а потом посмотрите, что тут наворочено.

Через минуту Тихон показывал железную коробку капитану и старпому:

– Видите, проводок ведёт к кнопке SOS. Нажмёшь сигнал бедствия, а корабль тютю.

Тихон говорил полусшепотом, как будто боялся разбудить злую Пандору.

– Отсоединить сможешь? – также тихо спросил капитан.

– Уже один отсоединил. Мне помощник нужен. Ясин с дедом?

– А мы со старпомом не мужики тебе?

– Риск большой. Надо приподнять вот эту железяку и посмотреть, что под ней. А вдруг бабахнет? Тогда корабль неуправляемым станет.

– Если бабахнет, то от корабля ничего не останется. А мы тихо-тихо.

– А вообще-то, провод, который идёт вниз, а я уверен в этом, можно откусить и тем самым обезвредить этот пульт. Но почему в нём столько много радиации? Прибор зашкаливает... Идёмте вниз, может тогда разгадаем загадку.

Тихон вышел из рубки.

– Провод может вести только в машинное отделение. Бегом туда! Капитан выскочил из рубки.

– Стойте! – вскричала Даша. – Вниз пойдут Тихий и Ясин. Они справятся с поставленной задачей. А вы, в конце концов, выслушайте меня?! Иначе я буду вынуждена сообщить командующему, что вы отказались выслушать его приказ. Перед вылетом я была у командующего флотом. Он просил передать приказ на словах, так как вся связь с вами прослушивается. Командованию стало известно,

что определённая страна всеми силами пытается не допустить доставку оборудования до места. Чем ближе конечный пункт назначения, тем ожесточённее будет борьба. Поэтому вам для охраны присланы три морпеха с боевым оружием. Вот приказ министра обороны, разрешающий применять данный вид оружия. И ещё лично проверить и задраить торпедный люк, через который диверсанты могут проникать на корабль.

Она чуть помолчала, потом продолжила:

– А это мой вопрос и просьба. Когда в день отъезда я открыла дверь каюты, то увидела чужака. Он пытался меня вытащить из каюты. Но чья-то рука схватила его. Я потеряла сознание. Кто из вас это был?

Капитан со старпомом переглянулись, покачали головами.

– Значит это не вы, а боцман, – заключила Даша. – Вот тогда он и исчез. Но если он был жив, то он должен был давать сигналы морзянкой.

Капитан резко рванулся вперёд:

– Бегом за мной! Вызывай свою охрану!

Даша бегом поднялась на палубу, крикнула:

– Шахович! Надо вниз!

– Подожди, лейтенант, посмотри сюда!

Даша посмотрела в бинокль и увидела подлодку, шедшую параллельно с их курсом.

– Почему не доложили капитану? – возмутилась она.

– А что докладывать? Она далеко

– А сколько надо, чтобы водолазу добраться до корабля и войти через торпедный люк, если он не задраен? – Даша внимательно, с нарастающей тревогой смотрела на Шаховича.

– Вот Нептун ему в бок! Орехов, бегом в торпедный отсек! Свяжись с Тихим!

– Они в машинном отделении, там найдено взрывное устройство, – крикнула вслед убегающему Орехову Даша: – А он сможет один сориентироваться внизу?

– Вот бабьё! Ох, простите, товарищ лейтенант. Мы же на берегу по схеме всё проштудировали. Но ты посмотри, как нагло они действуют – пошло одно за другим. Ведь «Святогор» на подходе. И они это знают. А может, потому и спешат?

– А с ним связаться нельзя? Как на грех у радиста сердечный приступ.

- Я и говорю, что всё одно к одному. Сейчас попробую. Шахович открыл портативную рацию, связался со «Святогором».
- Говорите.
- Это со «Спокойного». Мне срочно капитана Белозёрова.
- Через минуту раздался приятный мужской голос:
- Капитан Белозёров слушает. Кто у аппарата?
- У аппарата Дарья Зяблова, журналист из «Дивненского вестника».
- Вы из редакции говорите?
- Никак нет, я с палубы «Спокойного». Я час назад прилетела. Мы от вас Белова забирала. Он полетел сопровождающим до базы.
- Хорошо. Где капитан? Почему говорите вы?
- Он с командой в машинном отделении или у торпедного люка.
- Ой, нет, он уже здесь. – Даша протянула трубку Александру: – Ответь Белозёрову.
- Здорово, Андрей! Когда будешь у нас?
- Скоро. Что там у тебя?
- Да вот в двух милях от нас всплыла подлодка. Идёт параллельно с нами.
- Переходи на мостик и поманеврируй: сначала тормозни, а затем дай задний ход. И замри. Следи за бортами. Держи нас постоянно в курсе.
- Александр передал передатчик Шаховичу.
- Вы вдвоём пока справитесь? Следите постоянно за бортами. А мы немного «потанцуем».
- Капитан спустился на капитанский мостик, связался с машинным отделением и операция по отрыву от подлодки началась.
- А Даша тем временем разыскала Тихона с Ясиным. Они заканчивали осмотр корабля. Оставались две каюты: боцманская и Дашина с Анной. Проверили боцманскую. Всё было чисто и создавалось такое впечатление, что хозяин только что вышел. Присели, помолчали. В этот момент наступила необычная тишина.
- Что-то произошло... Надо на палубу, – грустно произнесла Даша, ещё не отошедшая от тяжких мыслей. – Нет, подождите, послушайте, это же морзянка!
- Они выбежали из боцманской, остановились, прислушиваясь. Звук был где-то рядом и то пропадал, то появлялся. Они подошли к Дашиней каюте. Она с необычным волнением открыла дверь и оказалась как вкопанная: под задраенным иллюминатором сидел

боцман с низко опущенной головой, привязанный за стойку лежака. Ребята быстро вывели Дашу, прислонили к переборке и приказали: «Стой тут». А сами скрылись за дверью, плотно прикрыв ее.

У Даши мелькнула дикая мысль: «Значит Сашка ни разу тут не был... А это означает, что он просто-напросто не вспоминал меня...» Стало обидно и очень больно. Захотелось заглянуть ему в глаза. Она набрала шифр капитанского мостика, хрипло произнесла:

– Мне капитана.

– Что случилось, Даша-джан? – спросил старпом гортанным голосом, похожим на пережат горных камней.

– Капитан нужен... Боцмана нашли...

– Что там ещё у тебя? Я занят, – резким, недовольным голосом выкрикнул капитан.

– Боцмана нашли....

– Где?!

– В моей каюте...

Даша отключила телефон и медленно, шатаясь как пьяная, пошла в сторону камбуза. Открыла дверь, увидела Долинину – повара. Высокая, упитанная, но с ещё выделяющейся талией, она казалась даже стройной, хотя и весила не менее ста килограммов. Но взгляд всех смотревших на неё приковывало приветливо улыбающееся лицо. Такие женщины нравятся мужчинам, они липнут к ним, как мухи на мёд. А если уж который ей понравится, то не вырвется из её цепких рук.

– Одна?

– А тебе капелла нужна? – рассмеялась беззаботно та. – Может, поешь, а то ты вся почернела. Смотри, муж разлюбит. Я приправки хорошей тебе добавлю.

– Покажи приправу. Обожаю есть с приправой. Какой только я не повидала на своём веку.

Долинина положила на стол красочную упаковку приправы.

– Кто угостил такой красотой? На базе точно нет, я знаю.

– Электрик. Был в загранке и привёз.

– Кроме меня никого не угощала? – Даша старалась говорить безразличным голосом, хотя уже поняла, что это отравка.

– Нет. Завтра праздничный обед по поводу встречи со «Святого-ром». Второй пакет для них. Такой добрый этот электрик, даже сто-долларовую бумажку дал.

– Вот как? Молодец. – Даша с любопытством рассматривала

повара. – Вот уж правда, что наши женщины любого иностранца соблазнят, если желание будет.

– А ты чего улыбишься? И твоего капитана соблазню, – Долинина продолжала улыбаться.

– А что, до сих пор не поддался? – Даша облегчённо вздохнула. В камбуз вбежал Тихий.

– Всем сидеть, стоять на местах и не двигаться!

Он шаг за шагом проверял прибором всё находившееся в комнате. Дошёл до пакетов с приправой, и прибор стал мигать, пищать.

– Что это, товарищ лейтенант? – он удивлённо смотрел на Дашу.

– Это приправа — отравка для двух корабельных команд в честь их встречи. Электрик угостил.

– Понятно. А это что за кнопка?

– Долинина, ты что молчишь? Для чего её электрик поставил? – Даша удивилась, заметив на лице повара испуг вместо привычной постоянной улыбки.

– Чтобы его вызывать, когда он потребуется, – испуганно прошептала Долинина.

– Да нет, голубушка, он на твою простоту рассчитывал. Нажала бы и взлетела вместе с котлами. Придётся вам со «Святогором» домой отправляться, а то электрик скучает один.

– Тиша, а боцман долго держался? Когда он... – и вдруг тревожно, ничего не понимая, произнесла: – А морзянку-то кто посылал? Я же слышала её!

– Боцман о вас спрашивал. Говорит, что голос ваш слышал, потому и стал стучать. А когда сказали, что вы тут, заулыбался.

– Да что же вы молчите, что он живой!

Даша выскочила из камбуза к своей каюте. Распахнула дверь, а там пусто. Она бегом в боцманскую... И сразу же столкнулась с ожидающим взглядом Михалыча.

– Наконец ты пришла, – глухим голосом произнёс боцман.

Он лежал в чистой одежде, улыбка расплывалась по его лицу. Даша рванулась к нему, обняла.

– Какой же ты молодец, что выжил! Вот что значит тренировка в голодании и дружба с Ангелом. А я привезла разные снадобья для выхода из голодовки – жена прислала. Она так и сказала, что ты обманешь косую.

Даша говорила, захлёбываясь слезами.

– Ну вот, какой позор-то – молодайка на груди, а я её прижать не могу...

Все рассмеялись. Даша подняла голову – её лицо было в слезах.

– Ты что плачешь-то, дочка? – Михалыч держал руку Даши в своей огромной ладони, в данный момент почти обессиленной.

– От радости. – Даша посмотрела на Ясина: – Скажите, что надо делать, я побуду здесь, а сами идите на камбуз к Тихому. Решение принимайте сами, капитану доложите позже. И начинайте проверку команды – медосмотр и прочее.

Когда Даша осталась вдвоём с боцманом, тот сурово сказал:

– Ты на капитана не нападай, у него из спины три занозы вытащили.

– А у меня две. Выходит, что не дотянула. Михалыч, я хочу ему помочь, а делаю это неумело. И он не принимает моей помощи. Может быть, мне со «Святогором» вернуться домой?

– Нет, это будет предательством. Забудь об этом. Ты с лаской к нему, если он тебе дорог. А если безразличен, лучше уйди с его дороги, не мешай. На его долю выпало много испытаний. И дай Бог со всеми справиться.

– Я постараюсь...

– Тебе идти надо, а ты тут со мной...

– Михалыч, а у меня места пока нет: в свою каюту я не пойду. Так что пускай меня на квартиру. Да и потом, в такой вот ситуации я побывала раньше. Правда, срок там был короче, одна неделя. Но я поняла, что самое страшное – это остаться одному. Ведь так?

— Да, так. Подожди, ты чуешь – судно стоит?! Что там у них? Ты сможешь дойти до капитана?

– Пошли. Только дойдёшь ли?

– Дойду, – упрямо произнёс боцман.

Они шли медленно. Боцман одной рукой опирался на плечо Даши, а второй держался за перегородку. К каюте капитана они подошли в тот момент, когда дверь закрылась за Белозёровым. Они вошли следом. Боцман без разрешения сел и радостно воскликнул:

– Вот, дошёл!

– Ты что, боцман, тебе лежать надо! – капитан присел перед ним на корточки.

– Боцман?! – недоверчиво произнёс Белозёров и подошёл ближе.

– А ты что, сосед, не узнал меня? Может, в шахматишки сыграем?

– Михалыч, ты? Живой! Да ещё и помолодел, как после курорта.

– Я такого курорта и супостату не пожелаю. Капитан, на судне чужак, я нутром чую.

– Не нутром, Михалыч, а капсулой. Где-то пропустили ребята, – Даша вздохнула. – Вы тут с капитаном поговорите, а я с Андреем Николаевичем «покадрюсь», заодно и приветы передам с материка.

И только она хотела выйти, как распахнулась дверь и вошли Ясин, незнакомый моряк и Тихий. При виде незнакомца боцман дёрнулся и вжался в кресло. Даша быстро встала впереди него, а затем шагнула к незнакомцу.

– Вот хорошо, что вы пришли, а то я со всей командой познакомилась, а вас никак не найду. Я – Дарья.

Она протянула руку, а на лице была спокойная, милая улыбка, обворожительный взгляд, на который не ответить было просто невозможно. И незнакомец протянул руку:

– Иван.

Даша зажала его кисть, дёрнула рывком на себя и броском через голову бросила на пол, заломив руку назад.

С возгласом: «Класс!», Тихий завершил дело, надев наручники.

– Его надо на ваш корабль, Андрей Николаевич, и постараться быстрее отправить на землю. Учтите, что они все обладают методом выброса рук через голову и захват противника.

– Учтём, командир, — с усмешкой произнёс Белозёров.

Даша поняла свой промах. Она соединилась с охраной:

– Шахович! Лейтенант Зяблова. Вам прибавили охрану? Возьмите одного и спуститесь в каюту капитана. Здесь спецгруз-один, надо доставить на «Святогор».

По коридору раздался топот и в каюту вбежали Шахович и незнакомый моряк.

– Товарищ лейтенант, можно забирать «спецгруз»?

– Забирайте, только максимум внимания. – Даша посмотрела на Белозёрова. – Товарищ капитан, дайте распоряжение на катер о доставке на ваш корабль.

– Да, я провожу их.

И тут вскочил боцман (откуда только силы взялись?):

– Капитан, от меня толку мало, отправь меня вместе с ними.

– Э, нет, дорогой, вместе я не отправлю. И не смотри на капитана, в данной ситуации команду я. – Даша усадила боцмана в кресло и тихо шепнула. – Он ничего не знает о вашей Любе.

- Она распрямилась и как-то отрешённо произнесла:
- Я не успела сказать, что послана сюда с особым заданием. Я – лейтенант госбезопасности, сотрудник ФСБ. Так что, хотите вы или не хотите, но мои просьбы вам придётся выполнять.
  - Какие уж тут просьбы. В этой фирме только приказы штампуются. Пошли, лейтенант, «кадриться».
  - Ясин, Тихий! Вам срочно осмотреть капитана и вытащить весь мусор.
- И уже подойдя к двери, с улыбкой глядя на Александра, произнесла:
- И не забудьте в трусах посмотреть, там теперь пивок полно. Капитан, уже раздетый, дёрнулся в её сторону, но Ясин крепко держал его, а Александр кричал вслед Даше:
  - Ну, погоди, заноза! Косы оборву!
  - Даша со смехом выбежала из каюты.
  - Лейтенант, так у вас кос нет, о чём он?
  - Сейчас нет, а в детстве были. Я его всегда так дразнила на речке. Говорила, что пивка вцепится в... Стоп! – Даша развернулась и бегом к каюте, распахнула дверь. – Ясин! Ко мне!
  - Ясин подбежал к ней, она что-то шепнула и погрозила:
  - Вы смотрите мне, осторожнее режьте, не повредите.
  - Ясин хмыкнул и скрылся за дверью. Даша подошла к Белозёрову. Он с улыбкой смотрел на неё.
  - А я не верю, что вы из госбезопасности. Вы же ещё дитя, хотя и лет много.
  - А меня командующий флотом предупредил, что вы не поверите. Он передал мне вот эту фотографию и велел сказать, что у них всё в порядке, чисто и даже уютно. И он прав. Я была у них с вашей женой и женой боцмана.
  - А вас туда зачем занесло?
  - А у меня там сын. У меня был выкидыш. Сотрудники ФСБ собрали всё в контейнер и захоронили в уголке у ваших внуков. Там же захоронена и капсула с морской водой с места гибели дочери боцмана.
  - Убедила, лейтенант. А сколько было вашему сыну?
  - Двенадцать недель. Это ребёнок не Александра. А как сказать ему об этом, не знаю, – Даша смотрела за борт, потом повернулась к Белозёрову.
  - Я не помню, куда положила пакеты с отравой, которые забрала

у повара. Встреча с боцманом выбила из колеи.

– Расскажите подробнее.

Даша рассказала всё.

– Так, с камбуза вы пакеты взяли?

– Да. Это я хорошо помню. Как добежала до своей каюты, где нашли боцмана, тоже помню. Точно, я положила пакет на лежанку.

– Хорошо. А сейчас быстро о приказе командующего.

– Вам даётся право принимать решения о замене любых кадров, вплоть до капитана. А также о возможном изменении вашего курса и следовании параллельно со «Спокойным»

– Но такие приказы должны быть письменными.

Даша подала фотографию внуков, на обороте которой было написано: «Все решения поддерживаю. КСФ». И стояла подпись адмирала. Капитан Белозёров вздохнул, поцеловал внуков.

– Теперь уже капитанами были бы... Знать, не судьба... А они за собой и отца... Да, хотел спросить об Александре. Вы не находите, что он очень изменился? Мне он показался очень странным.

– Да, с момента первой встречи он сильно изменился. Даже с того момента, когда я покинула корабль. Вы не представляете, как отрицательно, даже разрушительно действуют на организм эти «занызы». Истощается нервная система, меняется ритм сердца. А его напичкали выше крыши.

– Не пойму, зачем так много? Ведь достаточно одного.

– Насколько я поняла, здесь действуют разные заинтересованные группы. И назначение у них разное – от сбора информации до уничтожения.

– Я всё понял. Вы побудьте здесь, а я вниз, мы там проверим ещё раз. А вообще-то вам лучше спуститься к боцману. Тяжело ему. Понимаю его как никто другой. Его ведь спасли вера и надежда. Вера, что Люба живая, и надежда на встречу с ней.

Белозёров ушёл. Вслед за ним спустилась Даша. Она подошла к каюте капитана – дверь была закрыта. Она только отошла, как дверь открылась и Александр позвал:

– Лейтенант Звонарёва, зайдите!

Даша зашла. Капитан захлопнул дверь, повернул ключ, взял её за плечи и повалил на лежанку. Он действовал грубо, как насильник, поймавший свою жертву. И вдруг успокоился и стал таким же нежным, страстным, как и в первую их ночь. Только Даша не могла ему отвечать тем же: обида и унижение поднялись на невероятную

высоту и готовы были затмить разум, а любовь, нежность куда-то спрятались, а может быть, и совсем исчезли. Но введённые обезболивающие препараты Ясиным подействовали на него как наркоз и он уснул. Даша встала, привела себя в порядок, вышла из каюты и направилась в сторону боцманской. Михалыч был один. Даша села рядом с ним.

– Что, не спишься? Вот и я бессонницей маюсь. А снотворные не могу принимать, от них ещё хуже, – Даша откинулась к перегородке каюты.

– А Сашке вкололи хорошую дозу снотворного и он захрапел. А я, как и ты, тоже почти не спал с первого дня заточения. Они же по ночам меня переводили то в одно место, то в другое. Почему живым оставили, так и не понял. Да, а Сашку отоспать надо, пока Белозёров здесь.

Даша пристально посмотрела на боцмана:

– Михалыч, меня мучает один вопрос. И пока я не найду на него ответ, не докопаюсь до истины, не успокоюсь. Скажи, как так могло произойти, что команду почти полностью меняют перед самым отплытием корабля, и вдобавок меняют капитана? Ведь рейс-то особой сложности, значит, команда должна быть надёжной, спаянной.

– Ты права. А в данном случае получилась яичница из тухлых яиц.

– Меткое сравнение.

– Да вот потому и заменили капитана на надёжного. Ему бы отказать, а ему...

– А ему некогда было... И выходит, что виновата я. И он за тот месяц, пока меня не было, понял это окончательно. А я вдруг опять появляюсь. И он взбесился... Какое же должно быть правильное решение, Михалыч? Его ты как будто высказал, но...

– А ты отбрось это «но» и работай нормально, выполняй своё спецпоручение.

– Подколол, – грустно усмехнулась Даша. – Значит, ожил. Это прекрасно. Что ж, попробуем работать.

– Да не подкальвал я тебя. А ты знаешь, как назывался корабль после схода со стапелей?

– Нет, я не знала, что у него другое имя.

– Так вот, умники называли его «Мститель». – Действительно, «умники». В мирное время и – «Мститель». Трижды меняли, но оскорблённая душа корабля не успокаивалась. А сейчас так вооб-

ще фарш получается. Как тебе такой репортаж прозвучит: «На “Спокойном” закончился бой, все живы, здоровы»?

– Михалыч, откуда в тебе столько адреналина? Ложись спать, а я приведу в порядок кое-какие записи.

Даша ловко взобралась на второй ярус, взяла из планшета блокнот, усмехнулась своим мыслям: «Записи... Тут записи только в голове: тащи за ниточку памяти и пиши хоть всю ночь». Она вспоминала встречи, разговоры. Рождались дружеские шаржи, заметки. Она на листах всё записывала, рисовала. Осталось только приклеить к картону и номер газеты готов, и даже с хорошим заделом. Даша заглянула в иллюминатор – рассвет прогонял тёмную ночь. Край далёкого горизонта побелел и сквозь него появлялись редкие золотистые лучи. Она перевела взгляд на полку боцмана – он сидел по-турецки и что-то шептал, затем поднял голову, взгляды их встретились. Он бодрым голосом скомандовал:

– Вставай, бессонница! Пошли к капитану, должен уже проснуться. А я хорошего храповицкого дал, отдохнул отлично.

Даша прыгнула вниз, вынула из сумки два порошка, развела в кружке.

– Вот выпейте кашку с микстурой.

– Это моя Полюшка прислала? Вот молодец! А как просто готовить – ложку порошка на кружку кипятка и до обеда будешь сыт. Сама-то съешь?

– Нет, я фигуру соблюдаю, а то муж разлюбит.

– Такую занозу разлюбить нельзя. Если уж Галина Белая не смогла его соблазнить ещё до твоего причаливания в нашем славном городе, то что говорить о других. Я всё гадал, кто же его сердце взял на абордаж, что он от всех баб, пардон, женщин, сбегает. А оказывается пацанка-заноза все эти годы держала его в плену.

Даша рассмеялась, а затем тревожно спросила:

– А кто такая Галина Белая, Михалыч? Я не слышала о ней.

– Поваром у нас была, а потом за иностранца вышла.

– За иностранца?! Интересная история.

– Да, за иностранца. А почему тебя это заинтересовало?

– А как она на «Святогоре» оказалась?

– С Белозёровым она знакома через Александра. Она якобы сбегала от деспота мужа и в Адене искала наши корабли, возвращающиеся на родину. И нос к носу столкнулась с Белозёровым.

– Нос к носу?! И он подхватывает её голенькую, без документов

и сажает на военный корабль? А теперь переводит на наш корабль. Так Белозёров мне сказал. Но ведь мы идём в тот самый Аден... Сказка для детишек-ползунков, не умеющих ещё задавать вопросы. Не она ли нам ту самую праздничную приправу прислала? Любопытно бы узнать.

– Да-а-а, с тобой не соскучишься. Пошли к кэпу, может быть, там и Белозёрова застанем.

– А дойдёшь?

– Вчера дошёл, а сегодня сам Бог велит.

– Вчера тебя страх довёл...

– А сейчас тревога гонит.

В каюте были оба капитана. Михалыч заговорил первым. Он волновался, торопился, будто боялся, что остановят и не дадут высказаться до конца:

– Вы зачем Галину переводите сюда? Чтобы опять из-за неё были драки? А чем она занималась за границей, кто-нибудь скажет? И почему к нам? Ей домой надо, так на «Святогоре» ей самое место. И с чего это вдруг она решила изменить свой маршрут и вернуться назад? А мы же на волоске держимся.

– Сам придумал или подсказали? – капитан Звонарёв с сожалением смотрел на боцмана.

– Подсказали, – вызывающе ответила Даша.

– Извините, не знаю, как лучше к вам обращаться, – заговорил Белозёров, подойдя вплотную к Даше.

– Можно по имени, можно по званию. Михалыч, сядь, отдохни, нам ещё обратный путь совершать, – она вновь повернулась к Белозёрову. – А звание у меня не бутафорское, а настоящее, оно с военной кафедры университета тянется. После полугодовой командировки в горячую точку присвоили вместе с вручением ордена Красной Звезды. А вот противники называют разными обидными словами. Но за десять лет работы привыкла ко всему. Так что вы мне хотели сказать? Ох, извините, у меня звонок.

Она вытащила маленький мобильник, похожий на зажигалку, отошла к иллюминатору, приложила к уху:

– Да, слушаю. Всё поняла. Да, я готова к возвращению. Хорошо, приготовим. Передаю... – она протянула аппарат Белозёрову: – Возьмите, вас просят.

Даша подошла к мужу:

– Сейчас тебя позовут, там Серов.

Александр скептически усмехнулся, с этой усмешкой взял приборчик:

– Звонарёв слушает....

Он вдруг вытянулся в струнку, побледнел, голос стал с хрипотцой:

– Да, всё понял, будет выполнено.

Он передал прибор Белозёрову и тот продолжил разговор. Александр беспорядочно бросал вещи в сумку. Даша стала помогать, говоря ему совсем по-детски:

– Слышишь, Звонарь, ты запомни на всю жизнь: где бы и с кем бы ты ни был, знай, что я тебя очень люблю. И как бы тяжело тебе не было, знай и помни, что моя душа рядом с тобой.

Она застегнула сумку, быстро поцеловала Сашку и выбежала, крикнув:

– Михалыч, быстро догоняй!

И уже в коридоре остановилась, подождала боцмана, подхватила под руку:

– Михалыч, нам спешить надо, чтобы не опоздать на вертушку.

К ним подошли Ясин и Тихий.

– Что случилось, ребята? Вы такие унылые.

– Радиста еле спасли. По радиии сказали, что отправят через час.

– А где Галина?

– А она до нас не доплыла, её ночью со «Святогора» отправили с вертушкой в одной гопкомпании с дружками.

– Ну вот, Михалыч, а мы с тобой всё проспали.

– А вы газету не успели сделать?

– Успела. У капитана позже возьмёте. Там материала ещё на два номера хватит.

Даша смотрела на ребят, и ей было жаль с ними расставаться. Они что-то весело рассказывали, Михалыч смеялся вместе с ними. Даша с сожалением произнесла:

– Михалыч, нам пора....

Когда прилетел вертолёт, вся команда корабля выстроилась на верхней палубе. Капитан Звонарёв, боцман и радист прощались с каждым, а Даша забежала в салон вертолёта, помахала всем рукой и села в хвост, вытирая бежавшие ручьями слёзы. Подошёл пилот, засмеялся:

– Вы мне машину не потопите в слезах. А зря вы не остались там, ведь они пришли прощаться с вами.

Даша метнулась к двери и столкнулась с Ясиным.

– Дай что-нибудь успокоительное, – попросила Даша, вытирая слёзы. – Скажи всем, что я их люблю и буду скучать.

– Передам. Вот лекарство и шприц для радиста.

– А мне валерьянку дай.

После взлёта Даша прикрыла глаза и притворилась спящей, хотя сквозь сомкнутые веки текли непрерывно слёзы и она их не вытирала. Она прощалась с морем, с семейной жизнью, такой короткой и неудачной, со своей Родиной: ей сказали, что она отправляется в длительную командировку, а она ещё по первой знала, как это тяжело быть вдали от родной страны и совершенно одной. Тогда, после окончания МГУ о ней забыли, казалось, что потеряли навсегда, а вот сейчас вновь вспомнили. Хорошо, что она рано утром успела позвонить Анне и попросила помочь Сашке. Главное – устроить его в госпиталь. Бедный, как он терпит? Ясин сказал, что у него такие нарывы, которые не дают возможности передвигаться. Что там? А вдруг как у неё? Может же взорваться. А он ещё сидит, шутит со стариками, отвлекает их от грустных мыслей. Ну вот, кажется, уже посадка. Она вытерла лицо, чуть подпудрила, услышала, как боцман съехидничал:

– Вот что значит женщина! В любой обстановке не забывает о красоте фасада.

На что Даша не преминула ответить:

– Мальчики! Слушать мою команду: Михалыч едет домой под контроль домашнего доктора. Капитан и радист отправляются в госпиталь, а я прямо отсюда в командировку. Всем приказ – ждать моего возвращения. Саша, тебя встретит Анна. Слушайся её. Они с Егоровым спасли меня, помогут и тебе. Всё, ребята, пошли.

Она выпрыгнула первая: из машины «скорой» навстречу к ней бежала Анна.

– Аня, обязательно отправь в госпиталь всех. У Саши сильные нарывы, так сказал фельдшер. Помогай ему и береги.

– А ты куда, голова садовая?

– В командировку. Вон, видишь, встречают...

– Там же Алексей! Зачем тебя туда несёт?

– Спросишь у него, – она поцеловала Анну и направилась к машине.

* * *

Анна побежала к вертолёту, обняла мужчин и завела в «скорую», тихо сказала водителю:

– В госпиталь.

– В какой госпиталь? – возмутился Александр. – Мне в пароходство срочно надо. Вот только не понял толком, в какую командировку меня посылают.

– Так в командировку здоровым надо ехать. Вот Егоров сейчас посмотрит, и пойдёшь в своё пароходство. А зубров морских сам Нептун велел подлечить. Родственников я к вам привезу.

– Анна, а ты Дашу куда отправила? – до Александра только сейчас дошло, что он не простился с женой.

– А вот Даша уже улетела в командировку. И, похоже, что надолго. Вы хотя бы успели проститься по-человечески?

– Нет... – Александр нахмурился, отвернулся к окну, а затем возмущённо произнёс: – Какая командировка? Что ей дома не сидится?

– Дома? – Повторила за ним Анна. – А где он у неё дом? В твоей квартире она была только неделю с тобой. А без тебя она боялась туда идти, потому что там хозяйничает Эвелина. Даша жила у меня. Эгоисты вы, мужики, любите, чтобы вокруг вас крутились. И крутимся! – Анна с улыбкой смотрела на всех троих мужчин: – Ну, так я дожусь от вас письмецо от моего дорогого?

– А кому старпом передал письмо? – Сашка растерянно смотрел на всех прибывших.

– Да не ищите и даже не думайте – забыл он передать, если даже и написал. А вообще-то он очень не любит писать. Вот я о том и говорю что вы эгоисты. А мы, женщины, умеем прощать, только бы вы не изменяли. Вот мы и приехали. О, а тут нас уже встречают.

К машине подбежала жена боцмана Полина Ивановна, худая, нервная женщина. Она ухватила за рукав вышедшего из машины боцмана и сразу запричитала:

– Живой! Живой! А я уж и не чаяла тебя увидеть. Так и думала, что вслед за Любой ушёл. Не отдам я тебя в больницу! Домой, только домой!

– Полина Ивановна, да я только осматрю его и отпущу, – Егоров с улыбкой смотрел на встревоженную женщину.

– Нет, нет, мы домой! Сама выхожу!

– Михалыч, ну тогда нас с Анной ждите в гости. Садитесь в машину, вас сейчас отвезут домой. Так, Звонарёва срочно в хирургию. Анна, помогай оформить и доставить в операционную. А вас, Петрович, сейчас осмотрим, проверим и решим, в терапии у нас

оставить или отправим в кардиологию.

* * *

У Александра оказалась серьёзная опухоль в паху и он пролежал в госпитале больше месяца. Командировка его не состоялась, поехал другой человек. А он ещё месяц был дома на больничном режиме. Анна всё время не отходила от него. Со стороны казалось, что они брат и сестра, так как в чём-то были схожи: оба ревностно следили за рейсом «Спокойного». Капитаном там был Белозёров, а его «Святогор» изменил курс и шёл рядом. Командовал им второй капитан.

Александр после выздоровления устроился на работу в мореходное училище. Он ходил с палочкой, но упорно занимался по методике боцмана. Вообще все побывавшие на «Спокойном» – Анна, Александр, боцман и радист, так сроднились, что почти каждый день собирались вместе. Обычно это было в доме у боцмана.

Однажды Анна пришла чернее тучи.

– Аннушка, что произошло? – подбежала к ней жена боцмана.

После возвращения Михалыча она успокоилась, стала приветливой, добродушной, хотя в глазах оставалась невысказанная тоска, которая становилась более заметной при встрече ровесников дочери.

– Я видела сон: Нико стоит на верхней палубе, а кто-то подходит сзади и бросает его за борт. Я не рассмотрела, кто это. Но кто-то огромный, чёрный и лохматый. И Нико ничего не сказал мне. И даже не посмотрел в мою сторону.

Михалыч обнял Анну, прижал к себе:

– Это шторм, дочка. Но ты не верь, что его нет, ты жди возвращения корабля. Пока мы верим и ждём, наши близкие живы. Да, к великому сожалению, корабль не оправдал своё название. Какие-то чёрные силы вмешались в его судьбу.

Анна надрывно крикнула:

– Я буду ждать! И если даже вы будете говорить другое, я всё равно не поверю: он живой!

Она сменила весь гардероб, заменив светлые тона на более приглушенные и сине-коричневые. В разговоре и общении появилась сдержанность, и даже замкнутость. Встречаясь со Львом, братом мужа, они не знали о чём говорить. И только немного позже Анна поняла, что он ревновал её к Александру.

А Алексей избегал с ней встреч – он не мог ничего утешительного ей сообщить. Он знал о её запрете даже упоминать о смерти Нико. А затем он куда-то исчез и больше не появлялся на горизонте.

В день возвращения «Спокойного» Анна пришла к Льву, удивлённо спросила;

– Ты чего сидишь? «Спокойный» возвращается. Пойдём встречать Нико. Наши уже поехали туда.

Лев посмотрел на неё как на сумасшедшую, на её огромный жёлтый букет, отрешённо произнёс:

– Пойдём, если ты этого хочешь.

Они подошли к причалу, когда корабль уже пришвартовался. Вся команда весело сбегала по трапу: каждый спешил обнять своих родных. И только старпома не было среди них. Анна бросила цветы на трап под ноги сбегавших моряков. К ней подошёл фельдшер Ясин с чемоданом старпома. Анна обняла его, прошептала:

– Спасибо. Скажи, кто-нибудь видел, как это случилось?

– Да почти вся команда.

– Тебя кто-нибудь встречает?

– Нет.

– Тогда поехали к нам, там и расскажешь.

Она нашла взглядом Александра, который вместе с боцманом и радистом стояли в стороне ото всех. Она подошла к ним, позвала:

– Поехали к нам, Ясин расскажет о Нико.

Всей компанией они приехали на квартиру к Анне. Там было начищено, убрано по-праздничному, стол сервирован – всё ждало хозяина. Сели за стол. Анна попросила Ясина:

– Расскажи, как это случилось.

– В тот день налетел шторм страшной силы – смерч. Сорвало крепление у мачты. Вся команда кроме машинистов была на палубе. Корабль крутило как спичечную коробку. Океан выбрасывал волны выше борта корабля, а вода походила на кипящий, бурлящий котёл. Как будто сам Нептун разгневался и разбушевался. Очередной вихрь закружил старпома и бросил за борт. Один из охранников схватил спасательный круг и спрыгнул следом за ним. Вода за бортом закипела ещё сильнее, вспенилась. И вдруг всё стихло, наступил полный штиль. Мы быстро спустили шлюпку на воду. Сутки стояли на рейде. Обследовали каждый дюйм. Но видно Нептун дождался жертвы и успокоился. А вот назад всех попавших в его

объятия он не любит отдавать. Мы собрали все вещи старпома и положили в его рундук... А где же Даша? Почему её нет?

– Даша в командировке, она же журналист... – грустно произнесла Анна.

– Значит, точно, это была она. В Адене она подходила к трапу и спрашивала Белозёрова. Но он в то время на «Святогоре» уже шёл обратным курсом. И как назло никого из команды не было рядом, только капитан один красовался перед журналистами. Пузырь надутый... А Даша была так одета, что её трудно было узнать. Она просила пригласить меня или Шаховича. Но Шахович ушёл с Белозёровым, а меня пригласить этот пузырь даже не подумал.

– Но корабль месяц стоял под разгрузкой, она ещё раз не приходила к вам? – Александр разволновался и не мог сидеть на месте.

Он понял, что у неё что-то случилось, и ей нужна была помощь.

– Нет, больше её никто не видел. Мы даже были на берегу, выходили в город, но нигде не встречали её.

– Да, вот и о ней, и о Любе ничего не известно. И остаётся только ждать, – грустно произнесла Анна. – Но в ожидании есть надежда – надежда на чудо. Хуже, когда она обрывается. Давайте помянем Нико. Он был хорошим моряком, честным человеком, любящим мужем. Он умел ценить жизнь.

– А тем, кого нет рядом с нами, и о ком ничего неизвестно, пожелаем удачи на их трудном пути, а наша любовь к ним уберёт все препятствия и все невзгоды, – произнёс боцман и смахнул набравшую слезу.

***Поздравляем Зинаиду Алексеевну Королёву с юбилеем!
Желаем здоровья, бодрости, вдохновения, новых
публикаций и книг!***

Ирина МАШЕНКОВА

РАССКАЗЫ

Голубой шарф

Концы красной ленточки упали на ступеньки, и публика устремилась по лестнице на второй этаж, откуда уже доносились голоса скрипок и виолончели. Волнующая, сдержанно-радостная неразбериха, которая сопровождает открытие художественной выставки, увлекла в общий поток художников, журналистов и гостей. Лишь несколько рослых парней в кожаных куртках всплывали над толпой, как субмарины, удерживая на плечах перископы телекамер.

Толпа хлынула на второй этаж, расплескалась по залу, утопила в аплодисментах финал струнного квартета – и снова разделилась на художников, журналистов и гостей. Журналисты в сопровождении операторов переходили от картин к художникам, от художников к гостям и, отсняв достаточно материала для трёхминутного репортажа, уходили на новое задание.

Последняя репортёрская пара, направляясь к выходу, натолкнулась на женщину в голубом шёлковом шарфе. Та застыла посреди зала, никого не замечая, заморожено глядя на картину, вернее, сквозь неё. На картине очень удачно была изображена опушка весеннего леса.

Ирина Машенкова родилась в Сибири. Детство прошло в Ялте. В Тамбове окончила факультет иностранных языков педагогического института. Работала учителем английского языка, дизайнером, преподавала дизайн, историю архитектуры, психологию.

Автор книги «Дневник Бонифация» (2009) – попытка литературной обработки педагогического опыта. Рассказы И. Машенковой печатались в газетах «Наедине», «Тамбовский курьер», «Притамбовье», в альманахе «Радуга над Цной».

Журналистка кивнула оператору, моментально расчехлившему камеру, и обратилась к женщине:

– Простите, можно, мы снимем, как вы смотрите на картину?

Женщина послушно кивнула, не отводя глаз от полотна.

– Расскажите, пожалуйста, чем вас заинтересовала именно эта работа, – попросила журналистка.

– Знаете, бывает –ходишь в комнату, где полным-полно чужих людей, и вдруг встречаешь знакомое лицо, родные глаза. Хотя ты этого человека впервые видишь, но знаешь, что он думает и чувствует то же, что и ты. Так и у меня сейчас – с этой картиной. В году есть всего два-три дня, когда на деревьях первые почки раскрываются, но ещё не разворачиваются листики, и ветки окутаны зелёной дымкой, тонкой, чистой, прозрачной, сквозь которую виден весь лес. Это невозможно сфотографировать, это только в сердце можно удержать. Вот я и держу это в сердце весь год, и каждый год жду этих дней. А сейчас, осенью, эта картина – это чудо, понимаете?

– Извините! – остановил её оператор, – Не надо смотреть на картину. Смотрите прямо перед собой и говорите в микрофон. Ещё раз, пожалуйста.

– С самого начала? – растерялась женщина.

– С самого начала.

– Вот иногдаходишь в комнату, а там все незнакомые люди...

– Минуточку! – сказал оператор. – Теперь вы в камеру смотрели, так тоже нельзя. И глаза вытрите, пожалуйста. В кадре нехорошо получится, если глаза блестят.

– Нет, пусть блестят, – возразила журналистка, – Так трогательнее будет.

– Видите ли, нам надо срочно обсудить технические детали. Вы тут постойте пока, только не уходите, пожалуйста, – оператор извинился и потянул журналистку к лестнице, не переставая на ходу что-то доказывать.

Неизвестно, кто победил в этом споре, но когда они вернулись к картине, женщины уже не было.

– Куда она подевалась? – растерянно спросил оператор. – Мы же на лестнице стояли, она мимо не проходила.

– Значит, не заметили. А она просто психанула и ушла. Ты тоже хорош: блестят глаза – не блестят. Но говорила интересно, хотя и невнятно. Давай просто картину снимем с наездом, а я за кадром её слова произнесу членораздельно.

– Поехали!

– Каждому из нас, вероятно, знакомо это волнительное чувство: вы входите в незнакомое помещение, заполненное чуждыми вам людьми...

...Оживлённо и выразительно звучал голос журналистки, плавно и уверенно наезжал объектив, всё крупнее становилась картинка, всё чётче проявлялись просветы между ветвями, всё ярче голубел в зелёной дымке шёлковый шарф.

Новый год товарища Ленина

31 декабря в пять часов утра товарища Ленина разбудил звонок в дверь. Он осторожно поднялся, стараясь не потревожить жену, оделся, вышел в прихожую и посмотрел в дверной глазок. На площадке стояла тётя Валя, дворничиха. Ленин открыл дверь.

Никто в доме, пожалуй, и не знал, как его зовут по-настоящему. Он был настолько скромным, тихим, деликатным, что попросту растворялся в блеске своей жены, красавицы Лены. Когда он переехал к ней жить, соседи за глаза прозвали его Лениным товарищем, а затем уже и прямо стали называть товарищем Лениным. Низкорослый, щуплый, с острой бородкой, он и внешне походил на вожда мирового пролетариата. Был он не то доктором, не то кандидатом каких-то наук, но уже на пенсии. В общем, это был очень и очень интеллигентный человек.

– Товарищ Ленин, – сказала дворничиха, – во всём подъезде ни одного порядочного мужика, кроме вас. Там за ночь снегу намело, просто страсть. Я уж и так, и этак, а дверь открыть не могу. Вы бы подсобили, а то уж я и не знаю, к кому обратиться, чтоб не облаяли.

– Конечно, конечно, – заторопился Ленин и, как был, в домашнем халате и тапочках, благо жил на первом этаже, вышел в подъезд и толкнул входную дверь. Потом ещё и ещё. Дверь не поддавалась. Казалось, какой-то огромный шалопай удерживает её снаружи.

– Ах, что же делать, что делать! – забеспокоилась тётя Валя, – Сейчас как начнут все просыпаться да на работу ломанутся – это ж меня на кусочки разорвут! Товарищ, миленький, давайте ещё раз вместе попробуем!

Не дожидаясь ответа, она с разбегу бросилась на дверь. И тут же, охая и держась за плечо, сползла на пол.

– Ну что же вы, голубушка! Не женское это дело – двери штурмовать. Так и ключицу сломать можно. Вы уж идите к себе, а я тут сам управлюсь. Вот только оденусь сообразно ситуации.

Через несколько минут Ленин снова появился на пороге. Тетя Валя, по-прежнему держась за плечо, кивнула ему на служебный инвентарь в углу – лопату и оранжевый жилет. Жилец с первого этажа сейчас казался ей самым настоящим товарищем Лениным – спасителем всех угнетённых.

– Вы бы жилетку одели, чтобы пальтишко не замарать, – в глазах её заблестели слёзы благодарности.

Ленин невольно поморщился, услышав «одели», но жилет надел, взял лопату и, заверив дворничиху, что сам со всем справится, уговорил её пойти лечь и не тревожить больное плечо.

Борьба с невидимым великаном продолжалась с переменным успехом ещё минут пятнадцать. За это время Ленин прорвался-таки на территорию противника, но всего лишь на несколько сантиметров. Этого расстояния было достаточно, чтобы просунуть лопату, но дальнейшие действия были невозможны. Плотная снежная стена доходила до пояса, а за нею дышала морозом предрассветная декабрьская мгла.

Ленин понял, что дверь ему открыть не удастся. И тут его озарила идея – дикая, принимая во внимание его возраст и положение, и простая, как всё гениальное.

Он вернулся в свою квартиру. Всё ещё с лопатой в руках, не разуваясь, осторожно пробрался на кухню и распахнул окно. Послышался треск разорванной бумаги, которой жена оклеивала рамы на зиму, и в ту же минуту в дом ворвался колючий холод. Ленин бросил в окно лопату, и она исчезла в сугробе. Тогда Ленин перекрестился и прыгнул в окно сам.

Хотя он прыгал с первого этажа, на миг его всё-таки охватило сладостное и жутковатое ощущение полёта. Жгучий снег набился в сапоги, в рукава, за воротник. Ленин начал было выбираться из сугроба, потом вспомнил, что уже лет пятьдесят не валялся в снегу, и блаженно упал на спину.

В это время из окна на кухне донёсся испуганный крик. Ленин поспешно поднялся и помахал жене рукой:

– Леночка, ты не волнуйся, спи. Подъезд снегом завалило, я пошёл убирать. Ты окошко закрой, а то простудишься.

Отыскав лопату, он начал прокладывать себе путь к подъезду.

Комья снега послушно разлетались в стороны от тропинки. Изредка он задевал ветки деревьев, росших под окнами, и большие пушистые шапки, которые намело за ночь, срывались с ветвей и мягко падали ему на плечи. Никогда в жизни не испытывал Ленин такого зрелого ощущения детского восторга! «Надо будет как-нибудь ночью вместе с Леночкой прыгнуть из окошка», – подумал он.

Работа между тем подвигалась, и вскоре соседи, уже толпящиеся в подъезде, были на свободе. Кутаясь в шарфы, пряча носы в воротники, люди торопливо проходили мимо Ленина по расчищенной дорожке. Женщины несли укутанные кастрюльки с голубцами и банки с помидорами. Новый год!

– Безобразие! Почему так долго? – рявкнула одна элегантная дама.

– Из-за вас люди на работу опаздывают! – подхватила другая.

– Простите великодушно, не соразмерил свои физические возможности с погодными условиями, – попытался отшутиться обескураженный Ленин.

Но соседям было не до шуток:

– Ну и сидел бы дома, стручок старый!

– Вставать надо было раньше, а не ждать, пока люди на работу пойдут!

– Пить надо меньше!

– Жаловаться на них надо!

Толпа схлынула, выпустив пар. Ленин, облепленный снегом, осыпанный ругательствами, стоял и недоумевал: за что ему всё это?

Из раздумья его вывел шум, доносившийся из второго подъезда. Товарищ Ленин вздохнул и пошёл откапывать второй подъезд, потом третий...

* * *

– Ты чего, офонарел? Меня люди ждут! Люди, понимаешь? – схватил Ленина за грудки бритоголовый предприниматель из последнего подъезда. Ленин в ответ печально улыбнулся.

– Ах ты, пень! – удивлённо произнёс бритоголовый и резким ударом в челюсть свалил Ленина с ног.

Когда Ленин пришёл в себя, рядом никого не было. Сугроб, в котором он лежал, уже не вызывал в нём восторженных детских воспоминаний. Ленин осторожно потрогал челюсть и пошёл домой помогать Леночке готовить гуся в яблоках.

* * *

Челюсть не была сломана, но гусь в яблоках в эту новогоднюю

ночь оказался не по зубам. Правда, жена Леночка была не только красавица, но и хозяйка замечательная. С помощью кухонного комбайна она превратила новогодние закуски в замечательные паштеты и пасты и поставила на стол стакан с соломинками для коктейля.

В одиннадцать вечера они включили телевизор и сели за стол. И в это время раздался звонок в дверь.

– Опять что ли снегом завалило? Иди, откапывай, – усмехнулась Леночка.

Товарищ Ленин вздохнул и пошёл открывать дверь. За дверью собрался весь подъезд.

– С Но-вым го-дом! – дружно прокричали соседи, выстрелили хлопушкой и осыпали Ленина разноцветными бумажками.

– Вы уж извините нас, Владимир Ильич, – обратилась к Ленину элегантная дама, утром обозвавшая его старым стрючком, – тётя Валя нам всё объяснила. Вы, оказывается, наш герой, весь дом спасли из снежного плена, а мы утром не разобрались и набросились на вас с обвинениями. Нам очень стыдно. Простите нас, пожалуйста!

– Он вас прощает. Только зовут его не Владимир Ильич, а Константин Петрович, – подала голос из-за спины мужа Леночка. – А говорить не может. Ему один гражданин, спасённый из снежного плена, челюсть вывихнул.

– Вот негодяй! А мы-то хотели вас расцеловать всем подъездом и подарки вам принесли, – возмущённо загудели соседи.

– Нет, нет, целовать не надо, – снова ответила за мужа Леночка. – А за подарки спасибо.

Соседи, как волхвы, сложили свои дары у порога и разошлись по своим этажам. Сверху доносилось:

– Вот негодяй!

– Пить надо меньше!

– Жаловаться на них надо!

– С Новым годом!

Супруги занесли пакеты с подарками в комнату и принялись выкладывать на стол конфеты, фрукты и прочие гастрономические выражения раскаяния и благодарности.

– Хогошие вшѐ-таки шошеди, душевные, – с трудом произнёс Ленин.

В это время в дверь снова позвонили.

Оказывается, тетя Валя обошла весь дом и всем жильцам рассказала о подвиге товарища Ленина. И все соседи приходили с из-

винениями, поздравлениями и подарками.

Последним пришёл бритоголовый.

– Ты того, братела... С Новым годом, – он вздохнул и протянул Ленину пакет, в котором что-то звякало, шуршало и хрустело.

– А огешков не догадался положить? – с трудом проговорил Ленин.

– Блин, совсем забыл про орешки, – бритоголовый достал телефон и стал тыкать по клавишам толстыми пальцами, потом что-то вспомнил, порылся в кармане и протянул Ленину горсть семечек: – Хочешь?

– Ах ты, пень! – и, прежде чем бритоголовый опомнился, Ленин ударил его в челюсть.

На грохот упавшего тела в прихожую выглянула жена. Бритоголовый сидел на полу и удивлённо ощупывал челюсть.

– Вщё ногмально, хошайка, – успокоил он Леночку.

– Тогда скорее к столу! Президент уже поздравляет!

Бритоголовый достал из своего пакета бутылку французского шампанского и поставил на стол. Товарищ Ленин открыл шампанское и разлил по фужерам. Леночка вставила в два бокала соломинки для коктейля. Раздался бой курантов и звон бокалов.

Это был самый необычный Новый год в жизни товарища Ленина.

Плакса

Она появилась в моей жизни, когда я была абсолютно счастлива и ощущала в себе чудесную способность делать счастливыми всех вокруг. Её появление разрушило безмятежную радость, на которой держался мой мир, и мир этот навалился на меня всюю тяжестью неведомых ранее забот. Всё время плакала. До сих пор у меня стоит перед глазами её крошечное сморщенное личико. Все попытки утешить её были безуспешны. У неё болел животик. Когда к нему прикасались, она издавала громкий жалобный стон, похожий на кошачье мяуканье. Всё остальное время она плакала тихо, беззвучно, без слёз. Во сне, прижимая её к груди и целуя её в макушку, я слышала, как она плачет, и плакала вместе с нею.

Ласка, забота, любовь, которой я прежде щедро делилась с окружающими, теперь были обращены только на неё. Но тщетно. Маленький скривившийся ротик ни разу не раскрылся в улыбке. И

глазки она не открывала, зажмуривала в горькие щёлочки. Я так и не смогла понять, какого они были цвета.

Удивительнее всего было то, что жизнь продолжалась, и всё было по-прежнему, и люди, которые меня любили и понимали, были совершенно безучастны к моему горю. Они говорили, что всё это пустяки и что мне не стоит переживать по этому поводу. А я не могла понять, как можно шутить и смеяться, когда она, маленькая, несчастная, страдает и плачет безутешно. Единственным счастьем, которого я ждала, была её улыбка. Но долгожданное счастье не наступало, а пришло неожиданное.

Мишка заставил меня забыть обо всём. Вечно взерошенный, будто заспанный, он, тем не менее, был ослепительно красив! Тогда для меня это было очень важно. У него были весёлые и умные глаза цвета тёмного янтаря, и рядом с ним невозможно было грустить. Когда мы появлялись вместе, мои подруги смотрели на него с восхищением, а на меня – с завистью. Но он был только моим, и я была по-настоящему счастлива!

Со временем любовь к нему вытеснила из моего сердца тоску и отчаяние, и на свою маленькую плаксу я смотрела уже не с состраданием, а с раздражением. Спала она теперь уже в отдельной кроватке, и я всё реже и реже подходила к ней.

Время шло, и однажды в моей жизни появилось новое чудо – Тонька. Она была на редкость спокойной и, едва открыв глаза, начинала улыбаться. Она была похожа на маленькое солнышко. Мишка мой, изрядно потрепанный, но все такой же улыбчивый, стал её любимцем. Сначала она, смеясь, тянулась к нему, затем стала подползать, и, наконец, завладела им безраздельно.

– Надо бы ей нового, – сказала однажды моя мама, глядя, как Тонька пытается открутить тёмно-янтарный глаз, – Из этого уже опилки сыплются.

– Сейчас таких не делают, – вздохнула я.

– Делают. В магазине игрушек открыли отдел «Ностальгия». Там продают игрушки по образцам советских времен. Плюшевые медведи, барабаны, пупсы целлулоидные – помнишь?

Мы пошли в магазин, где дожидались нас оловянные солдатики, заводные зайцы, губные гармошки, пионерские горны и пожарные машины.

И тут моя дочь увидела её! Она сидела на барабане и плакала. Тонька восторженно ахнула, схватила её и поцеловала в макушку.

Домой мы вернулись втроём...

Марина КУДИМОВА

ПОСЕЛЕНИЕ

Сценарий

Бабушка

*...В помидорах медведки прогрызли ходы –
Золотые медведки.
Кабысдох съел обьедки,
Квартирантка с утра натаскала воды...*

*Сын в войну обихаживал лошадей –
Заработал экзему.
Бил жену за измену –
Запила, не боится людей.*

*Дочка – эта устроена ничего:
В вытрезвителе сам капитаном.
Выходила, так был голоштанным,
А теперь не подкусишь его...*

Марина Кудимова – поэт, переводчик, критик, литературовед, публицист, культуролог.

Лауреат премий им. Маяковского, им. Дельвига, Союза журналистов России, журнала «Новый мир».

Автор книг «Перечень причин» (М.: Молодая гвардия, 1982), «Чуть что» (М.: Современник, 1987), «В антракте, в провинции» (Копенгаген, 1988), «Арьсь-поле» (М.: Современник, 1990), «Область» (М.: Молодая гвардия, 1990), «Погружение» (М.: ОГИ, 2003).

Родилась в Тамбове. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт. Живёт в Переделкине.

*Где сирень разрослась, глубоко во дворе –
Огород и полдома.
Есть уют – нет укрома,
Теснота, как в кротовой норе.*

*Оба внука пришли из тюрьмы,
Оба внука...
Может, будет наука,
Может, что вколотили в умы...*

*Закупали варёную колбасу,
Шли брюки.
Водки выпили внуки,
Младший песни шумел, как в лесу.*

*Старший жил на посёлке и сосны валил,
В жёны взял перестарку.
Никакого не нашёл приварка,
Только бочку грибов засолил.*

*Вырос он на базаре, помог оправдать
Огород и полдома.
Безотказный, а сам – ни купить, ни продать,
И одежда горит, как солома.*

*Не учтёшь ни харчей, ни рублей!
А когда посадили,
Выручат всё ходили, ходили –
Деньги реченькой лей.*

*Приходил и намедни, просил:
Мол, дитёнок ещё желторотый,
У жены невезуха с работой,
Мол, один я ломлю, выбиваясь из сил.*

*Мол, одели-обули меня, примака,
Стыдно, мол, перед тётцей,
Мол, клянусь Пирогощей,
Что не стал бы просить, да нужда велика...*

*А на чёрный-то день!
Домовище... могила...
(Это баба его намутила, –
Сам-то прост, как плетень!)*

*Потолок побелить, починить АГВ...
Врач сказал: аллергия,
Прописал порошки дорогие
От сужения в голове.*

*Год от года дороже встают
Огород и полдома.
То поставь одному, то другому, –
Нынче редко и бабы какие не пьют.*

*Чуть за дверь – квартирантка ведёт мужика,
А попробуй придраться –
Мол, имею права прописаться
И в Собес заявлю – плата, мол, велика...*

*Внук ушёл и обиду сглотнул, –
Все по-своему правы...
На дворовые sprawy
Мимоходом взглянул,*

*Мимоходом подумал: вот детство моё –
Дух кота и перины...
У жены, у Марины,
Проносилось бельё...*

Русь центральная

*Ободранные, точно в терние
Забравшись, выбрались чуть живы,
Пронесят пьяные вечерние
Напитки местного разлива.*

*А сутемками раным-раными,
Когда любой прохожий – Каин,
Автобус с утренними пьяными
Отходит, навоняв, с окраин.*

*Так строится их жизнь рабочая –
От опохмелки до провала.
Живу я над пивбаром, – очередь
Там никогда не убывала.*

*На декорированной площади
У памятника перст отогнут,
И, хоть ты кирпичами дождь иди,
Он, указующий, не дрогнет.*

*А вдоль по улице термитники,
И счастья, может, ни в каком нет.
Я и мои однокорытники
Иные интерьеры помнят:*

*Театр, устроенный Державиным,
Где деревянные атланты,
К щелям не приникая ставенным,
Знавали, чем живут таланты.*

*Мы помним пыльный вихрь, носившийся
После бульдозерного тира
Среди развалин, относившихся
К расцвету русского ампира,*

*Когда семейства москворецкие
Сюда бежали от француза
Со всеми цацками и пецками
На фурах, выпуклых от груза.*

*Везли не только юбки с прошивами
И не один азарт картёжный.
Но в будущем тягаться прошлому
С бульдозерами безнадёжно.*

*В коловороте, время кружащем,
Российские провинциалы
Оставили архивным служащим
Не имена – инициалы.*

*Возможно править деспотически,
Но не дано ни в коем разе
Лишать того, кто жив фактически,
Как имени, своеобразья.*

*Когда нейлоновыми куртками
Напичкан досыта троллейбус,
Томящихся людей с окурками
Я сравниваю, не колеблясь.*

*Полурастёрты и придавлены –
Не угадаешь, что за марка, –
Друг дружку оттеснив по Дарвину,
Они смердят и тлеют жарко.*

*И, выживши как бы из принципа,
Смекнёшь: не хочет ли ввалиться
Уже безлика провинция
В уже безликую столицу?*

*Так умирает Русь центральная,
Внеплановая, тыловая,
Сиротская и госпитальная, –
Так умирает, выживая.*

*Милльоны сыновей инкогнито
Дала войне, потом Сибири,
А что бережено, не отнято, –
По недосмотру не убили.*

*Но вскорости с полей скудеющих
Сойдут последние крестьяне –*

*Оседлые, домовьи, те ещё,
Что не жили по-обезьяньи.*

*И заосетевшие кладбища,
Как избы, набок оседают,
И гроб сосновый, точно клавиша,
Без отголоска западает...*

Отступление о двойном стандарте

*Я из детей, пострадавших в школе
(Зябну поднесь, если вижу во сне).
Мелом белили и спину кололи,
Сыпали за ворот крошки и снег.*

*Я из детей, в безобманные годы
Жить приучившихся жизнью двойной,
Дома дыша кислородом свободы,
В школе – окопную воню курной.*

*Звероподобные Сцилла с Харибдой –
Тропки моих царскосельских аллей,
Фланги сквозястрой развесистой кривды
И малограмотных учителей.*

*Я пресмыкалась до хамелеонства,
Но нелегальное бытие
Определило сознание моё –
Не привилась раболепия оспа.*

*В провинциальном, базарном, отарном
Климате властвовал строй, а не рой.
Быть одинарным и неординарным
Здесь бы не смог и античный герой.*

*Тайная – пусть не свобода, а схизма, –
Вывела в нелюди (в мненье людском),
Но от фашизма-коллективизма
Душу оттерла солёным песком.*

*Если же вернуться к двойному стандарту, –
С чем сопрягать: так двустопен хорей,
Или двурога богиня Астарта,
Или двулик покровитель дверей.*

Малолетка

*Его с портфелем увезли
С четвёртого урока,
Его пригнули до земли
Немереностью срока.*

*Он сам себя оговорил
И лишний год навесил,
Хотя не ведал, что творил,
А просто куролесил.*

*Этап отправят поутру,
И в коридоре гулко,
И по тюремному двору
Последняя прогулка.*

*Он здесь прошёл сквозь мрак и чад
Всю эту обезличку,
Он слышал, как воры кричат:
– Тюрьма, тюрьма, дай кличку!*

*Он к здешней жизни потому
Притёрся, точно атом,
Что пуган в школе ПТУ,
А дома – интернатом.*

*Он жалок был в своей беде,
Верней сказать, в докуке.
Отец смущал, что на суде
Свидетелей подкупит...*

*Вплоть подогнули «воронок»,
За головою руки.
Не отрывает глаз от ног
И с воли ловит звуки...*

*Оторванный от детских шкод
И вспомнивший о маме,
Он ночь за ночью первый год
Промается зубами.*

*И станет на втором году
Ему на взрослой зоне
У всех мирволить на виду
Важнящий вор в законе.*

*Природный лидер и вожак,
Он многому научит,
Пока за драку на ножках
Добавки не получит.*

*Помыкается наш герой,
Прибьётся к одногодкам,
И третий год, убив второй,
Пойдёт шажком неходким...*

*Три отщепенца средних школ,
Три парии подъездов!
Посадят на кол, влепят «кол»
Вам, исходя из тестов.*

*Вы и в застёгнутых пальто
Перед судьбой нагие,
Повыше пояса – никто,
Пониже – никакие.*

*О чём беседуете вы
В инструментальном цехе,
Накладывая нервно швы
На свежие прорехи?*

*Неужто вы, как три зерна,
Исполнив назначенье,
От летаргического сна
Очнулись в заточенье?*

*Один из них пойдёт прямой
Стезёй жизнеустройства,
Постигнет, стерши пот седьмой,
Земного счастья свойство.*

*Другую душу исцелять
Попробует нарколог,
Но не добудет дистиллят
Из-под её наколок.*

*А третья, гордая, душа
Саму себя осудит
И до могилы хороша
Самой себе не будет.*

*Её куда-то повезут
В «стольпинском» вагоне,
Втирая дёготь и мазут
На каждом перегоне.*

*Чуть не придёт душе капут,
Когда до небосвода
За бурой сопкой Дунькин Пуп
Откроется свобода.*

*И дрогнет камень гробовой
Под ветхой телогрейкой
В душе живой (полуживой)
В пропорциях Эль-Греко.*

Отступление о национальном характере

*Провиденциальная провинция,
Индивидуальные застройки,
Стойкие мещанские традиции,
Запах запустенья и помойки.*

*И тот факт, что мир стоит над бездною,
Только что в буфете при вокзале
С кружкой пива гении уездные
Гениям губернским доказали.*

*Покурили в обожжённом скверике,
Где лишайно шелушатся лавки,
И договорились без истерики
Взять по двести – это для затравки.*

*Придавив чело кепчонкой тесною
И добавив сала каждой фразе,
Гений места был бы неестественным,
Если бы себя не безобразил.*

*Мир спасётся красотой – наверное,
Но зачем ей то, что не от мира?
И она, неверная, манерная,
Бросит и Шекспира, и Омира.*

*То-то ум, не тронутый безвкусицей,
Здесь за гранью веры и приличья,
Почему и Пушкин быстро скуксился,
Не пошедиши на косноязычье.*

*Птичьи ногти, щёки с бакенбардами,
Да ужимки, да квиток ломбарда
Между аксельбантами, кокардами
Здесь недолго выручают барда.*

*Нету брата без призванья сторожа, –
Оттого во глубине райцентра
В голове бесцветного заморыша
Вызревает нудная рацея.*

*Царь здесь бредит долей паралитика,
Вождь таится под посконной рванью,
Самонизведения политика
Чудится смиреньем по призванью.*

*Вы в бутылку лезете в Америке,
Вы на Марсе лезете в тарелку,
Мы, бухая в шелудивом скверике,
Обломавшись крупно, крошим мелко.*

Личное свидание

*Курица не птица.
Женищина не человек.
Прапорщик не офицер.
Миру – мир, СССР!*

*К сыну, внуку, мужу
Двери отопри.
Женщины снаружи –
Мужчины внутри.*

*Но бывает хуже,
Что ни говори:
Женщины внутри,
Мужчины снаружи.*

*Осенние светания,
Щекотка тараканья,
Сутки отъедания –
Личное свидание.*

*Муж да жена –
Одна сатана.*

*Хоть и с мата,
Да без вина.*

*И я здесь была,
Воду ржавую пила,
Сигаретой «Прима»
Закусывала.*

Отступление о книжном голоде

*Как бредит голодный ржаною ковригой,
Так грезил я дефицитною книгой.*

*И, как в переполненном мусорном баке
Копаются брошенные собаки,*

*Так, словно в репьях, в нерешённых вопросах,
Я в полиграфических рылась отбросах,*

*За-ради цитатки скупая брошюры
О жутких делах буржуазной культуры.*

*На выставках пол колесил подо мною,
Давилась я обморочною слюною,*

*А после мне снилось, что, пользуясь давкой,
Я толстые книги ворую с прилавка...*

Брачная ночь

*Мы плачем и не унимаемся
В ночь свадьбы на осенней тяге.
Мы греемся – не обнимаемся,
Храбрящиеся доходяги.*

*Испелась наша песнь до фистулы,
Душа висит на нитке в теле.*

*Пять лет водили нас без выстрела,
И не снижаясь мы летели.*

*Пространство уступило времени
Двух отоцавших диких уток,
И, как бы в виде замирения,
Нам дали сесть на двое суток.*

*Но через сутки или около
Мы – долее не потянули –
Уснули, как живые, чмокая
И ужасаясь, что уснули.*

*И так, дыша друг другу в волосы,
Мы б, может, навсегда остались,
Но к нам идут сквозь лесополосу
И требуют, чтоб разлетались.*

*И, к изумлению всеобщему,
Нас удручает расставанье,
И, кажется, впервые ропщем мы,
А это – признак оживанья.*

Поселение

*Мела метель. Теперь пыльца.
В печи корёжатся поленья.
Я в стужу через три крыльца
Прослушиваю поселенье.*

*Снег визгнул, как от ломоты,
Под сухонькой соседкой Олей.
Зима изгладила черты
Всего, что превосходит волей.*

*А следом зэк по кличке Ганс
Скривит на четверть тона ниже.*

*Его душе философ Ницше
Приязненней, чем доктор Гааз.*

*За стенкой мёрзлого белья
Бескомплексный еврейчик Лёвка
Дрова расщёлкивает ловко
И дрессирует кобеля.*

*Кинемеханик Витька Поп
С Попихой – на руках Попёнок,
Белесый, будто бы опёнок, –
Перевалили за сугроб.*

*А вот на деревянный трап
Взбирается главиньрь Калоша.
Он работающий, точно лошадь,
Но не интересуется баб.*

*И если к этому шнырю
Я подойду и прикурю,
То соприсчислюсь этой касте,
И ждут меня такие страсти,
Что я их не переварю.*

*Из повременного жилья
Мне выйти не хватает духу.
Какая у кого статья,
Нельзя определить по слуху.*

*Но внутренним прозреньем зрим
Объёмный мускул поселенья,
Где классовое расслоенье
Перекрывает Древний Рим.*

*Где и по пьяни не бузит
Изгой Рязани и Казани,
Начальника зовёт «хозяин»
И перед «кумом» лебезит.*

*Холоп, пока его пасут,
Скоблит нужник, тайменя ловит,
А ежели запрекословит,
Его колючкой обнесут.*

*Но, пусть и взяли верх на свете
«Бугры» и боссы, чёрт возьми,
А будут поселенцев дети
Играть с ментовскими детьми!*

*Пусть не отмазался в суде
Хоть Плешаков – водитель класный
С улыбкой дикой и прекрасной,
С кликухой звонкой РЦД,*

*Зато как демиург и автор
Меня отмажет на ура
В олигархическом ли завтра,
В коммунистическом вчера.*

*Нет у него штанов на смену,
Ни строчки в книжке трудовой,
А он не впал в унынье, цену
Познав дороге трубовой.*

*Какие ни сложу я вирши,
Ударят в сопки сквозняки,
И брёвна, сорванные с биржи,
Захекают, как мясники.*

*И, как политик, слева, права
Природа сменит весь дизайн,
И возвратится с лесосплава
Побитый комаром десант,*

*Просохнут сапоги и роба,
Покудова костёр горит...
И несомненно правы оба –
И Гераклит, и Демокрит.*

Выход

*Из частого из ельника
Выходят два бездельника...*

*В одном – следы страдания,
Чрезмерность худобы
И от недоедания,
И от лихой судьбы.*

*В другой – не то чреватости
Начальная пора,
Не то мешает радости
Усталость от добра.*

*Им вышло послабление
Со стороны властей:
Они на поселение
Идут с кульком сластей.*

*Тут против зоны выгода –
Вытисывай жёну,
Но за границу выгула
Не выпускай одну.*

*Помедлишь у обочины
В промокших сапогах –
Получишь сверхурочные:
Ведь ты уже в бегах.*

*Берёзы в чёрных чёрточках,
Кедровок резкий свист.
Сидит, как негр, на корточках
Старик-рецидивист.*

*Он только из узилища –
В спецовке и обрит.*

*Он отложил удилице
И смачно чефирит...*

*Живых не сделать пленнее,
Чем расположен дух.
Благословите двух,
Которые
идут на поселение!*

Вокзал

*Я о пункте прибытья сужу по вокзалу,
По немому табло о наличии мест.
Я отсюда в юности не вылезала,
Бытие понимая как выезд и въезд.*

*Эти жданки ночные и утр обалдене,
Этот запах сырой помещений складских!
Я по фото на стенде сыскных бюллетеней
Познавала обличье страданий людских.*

*Я пространства любовь добывала измором,
И, в космической сшибке печёнку отбив,
Сколько раз я домой возвращалась на скором,
На почтово-багажном из дома отбив.*

*Из утробы плацкартной я выпала в восемь,
Децибел натерпевшись от нижней мадам.
У неё апельсины провисли в авоське
И говядиной талой пропах чемодан.*

*Волокли холуи «дипломаты» и кофры
Фешенебельной публики типа СВ,
И тянуло с хвоста сервелатом и кофе –
Чем кому удалось пожить в Москве.*

*Брежжит гладобоязнь в набивании зоба,
Фирмача разъедает боязнь босоты,*

*А страну нестабильности точит хвороба –
На плакатах нули пузырясто пусты.*

*Водевильная тучность – лихва углевода.
Страх сдаётся за совесть, а совесть – за страх.
И веду я дознание воли народа
По шекспировским репликам в очередях!*

Отступление о миграции

*Вновь в милицейской рации
Мышинный писк эфира...
Всеобщая миграция,
Казённая квартира.*

*От области до области
Смекай, мерекай, петри.
Сквозит черта оседлости
В сто первом километре.*

*Кипучей бучи видимость,
Агент по найму в гневе.
Закрыл бухгалтер ведомость –
Оплачено кочевье.*

*Чья министерской сметой
Здесь учтена бравада?
По вахтовому методу
Народ взыскует Града.*

*Флиртуют с проводницами,
Куриль выходят в тамбур, –
Счастливец с Несчастливецевым
Из Керчи едут в Ямбург.*

*Скитальчество из бедности –
Отнюдь не верность теме.*

*Мелеющие этносы,
Крошающиеся семьи.*

*И промыслы отхожие
В единую строку
Сведёт лишь слово Божие
Да «Слово о полку...»*

Прописка

*Мы не пропишемся в столичном городе –
С нас, бесталанных, и взятки гладки.
У нас провинция висит на воротах,
И мало сметки, и нету хватки.*

*Мы обоснуемся где поприсадистей,
Где поприземистей, да подоборотней,
Где благ поменее, пожизже радостей,
Зато подворья – не подворотни.*

*Трагикомичные кругом наивчики –
(Все злая память перелищует)
Хозяйка в трусиках и рижском лифчике
Лопаткой детской ковер лущует.*

*Гармонь автобуса вполне семейственна –
На два салона взахлёб расспросы.
А что ж: все тутошние, все местные, –
Был клан сначала, потом разросся.*

*А мусор хамства, труху невежества
Копни с-под низу – отроешь юмор.
Он с вырождением никак не вяжется:
Покуда шутит, народ не умер.*

*И за моряцкие походки бабушек,
Что верят в займы и лотерею,
Отдам я душу до самых грабушек
И жить меж ними не наторею.*

*И поругается дитё рожоное,
И покуражится сантехник пьяный.
Теперь бесполье, а были – жёнами,
Теперь анчутки, а были – панны.*

*В хор самодеятельный запишемся:
Не сладкогласно, а ведь впритирку.
Смотри, пожалуйста! Чего ж мы пыжимся?
Ну да... сподобимся – навесят бирку.*

*В жильё неверное, ремонта ждущее,
Приходит грузчик гормолзавода.
Он хочет с прошлым сомкнуть грядущее –
Одолевает его зевота.*

*К утру опомнится, глазунью выжарит,
Щетину выбреет и сдаст посуду.
Он всё надеется на то, что выживет,
Что переможет души остуду.*

*А иногда он как скажет что-нибудь –
Такое горько, такое тихо,
Как будто разом восстанет до неба
Над вечной ролью шута и психа.*

*И намечаются сопоставления,
И брезжат в мифе приметы были,
И братья любви до умиления, –
Вот если б только поменьше пили!*

Александра

*Александра, младенец женского полу,
Насыщалась из материной груди.
Опустила она глаза свои долу
И подумала: что там ждёт впереди?*

*Молока у матери было мало:
Подсосёшь чуток – и в кулак свисти,
Ибо мать её долго себя ломала,
Прежде чем Александру произвести.*

*Но, лицом румянее палисандра
Улыбнувшись, вновь за сосок взялась.
– Буду жить, – подумала Александра, –
Ничего не поделаешь, – родилась!*

Отступление о памяти

*По разнарядке бытия
Чего, ей-богу, не бывало –
Какой пострижки и бритья!
Чему убыть, то убывало,
Всё в новом свете представало,
Всходила новая звезда,
А память, как челнок, сновала
Туда-сюда, туда-сюда.*

*О память, белая ладья
По схеме шахматного бала!
Ты сколько клеток у вранья
Гроссмейстерски отвоевала?
Но чту равно твои провалы,
О память, тёмная вода!
Ты и брала, и отдавала –
Туда-сюда, туда-сюда...*

Область

*Чем более столичен,
Сиречь публичен град,
Тем менее статичен
И косен в нём уклад.*

*А нашеньская область –
 Что год, то недород,
 Зато и первообраз
 Хранит её народ.*

*Условное условных
 Сообщество – народ –
 При ценах баснословных
 Набить желает рот.*

*И чтобы, кроме Бога
 И воинства Его,
 Не лапал бы, не трогал
 Никто и ничего.*

*Пивали пиво с воблой
 При порционных щах,
 А нынче наша область
 Говееет натощак.*

*Задымленность, зелёность,
 Движеньё по струне
 И неосуществлённость,
 Как в целом по стране.*

*Пусть по кинолегенде
 Герой умён и трезв,
 Он въявь в интеллигенты
 Не хочет наотрез.*

*Расставшись с отчим домом
 И грезя наяву,
 Бежит за костоломом
 Из Люберец в Москву.*

*Под стрижкой буффонной –
 Ассортимент «телег»,
 Жаргон магнитофонный,
 Кроссвордный интеллект...*

*Дождь асфальтом и вишней запах –
Рот раскрыт, а не можешь наесться.
Это – вместо котов и собак,
Это – живо в сравнении с детством.*

*Будто грустное смотришь кино
И не плачешь, стесняясь соседством.
И мятежно в себе, и темно,
Но лишь только в сравнении с детством...*

1980-2000 гг.

Лидия ПЕРЦЕВА

ХРИСТИАНСКИЕ ПРИТЧИ

Притча о пагубе денег

*Прихожанин священника как-то спросил:
– К бедняку прихожу – он любезен всегда,
Привечает радушно, поможет сверх сил,
Угостит, пусть скромна будет эта еда.*

*К богачу попадешь – он не видит в упор,
Даже доброго слова не скажет в ответ,
Снег зимой не получишь, один лишь укор...
Что же, отче, там пагубны деньги и свет?*

*– Что ты видишь? Взгляни-ка скорее в окно.
– Там повозка с поклажей и речка течёт...
– А теперь в этом зеркале? Только одно –
Самого лишь себя, что ж увидишь ещё?*

*Из стекла это зеркало, как и окно,
А добавишь к стеклу хоть чуть-чуть серебра –
В отраженье получишь ты только одно:
Самого лишь себя, одного лишь себя...*

Лидия Александровна Перцева родилась в г. Йошкар-Ола, выросла в Ленинграде, где окончила университет. С 1978 года живёт в Тамбове.

Автор нескольких поэтических сборников и аудиокниг, вышедших в издательствах Воронежа, Тамбова, Калуги, Оптиной Пустыни.

Член Союза писателей России .

Притча о женщине

*Однажды мужчина пожаловал к Богу.
– От скуки прошу я Тебя о немногом:
Пожалуйста, женщину Ты сотвори,
И мне для общенья её подари.*

*Но весь матерьял на мужчину ушёл,
А женщину как-то никто не учёл.
Подумав, Господь принялся за работу,
Отставив на время иную заботу.*

*Взял несколько ярких от солнца лучей,
От неба излитых, как Божий ручей.
Все краски зари и грустинку луны,
Задумчивой словно приятные сны.*

*Игривость котёнка и лебедя стать,
И силу магнита к себе привлекать,
Мерцанье холодных полуночных звёзд,
Да ветров изменчивых взвихренный хвост.*

*Назойливость мухи, да хитрость всех лис –
Природы живой многоликий каприз,
Из моря извлёк алчность жадных акул,
Да ревность тигрицы лесов не минул*

*Добавить для пущей, для всей полноты...
Ввёл женщину в свет, как улыбку мечты.
– Возьми вот такой, как она получилась.
Однако, мужчина запомни на милость:*

*Её переделать, смотри, не пытайся –
Напрасны усилия, как ни старайся.*

Притча о лекарстве от грехов

*У старца однажды монах спросил:
– С грехами бороться добавишь мне сил?
Лекарство ли есть от грехов всех на свете?
Тут старец монаху, подумав, ответил:*

*– Рецепт, если просишь, пожалуй, я дам:
Убожества корень духовного сам
В котёл послушания полного брось
Да листьев терпения полную горсть.*

*Цветочки смиренья, смотри, не забудь
Да с ветки молитву какую-нибудь
Сорви, с нею всё хорошенько смешай.
Взяв сито цедить – ты в уме примечай*

*Особо – из помыслов надо благих,
Чтоб было соделано, и ни на миг
Не прерывай бездельем труда,
В горшок с чистой совестью брось всё. Тогда*

*Слезами залей, окропивши любовью.
И без промедленья, и без пустословья
Желаний божественных огонь разожги
И долго с усердьем готовности жди.*

*Потом перелей всё в сосуд рассужденья,
Съешь ложечку варева без промедленья,
Умыться, мой друг, ты в конце не забудь
Своим покаяньем и трогайся в путь.*

*Лекарства состав неизменно таков,
Избавиться можно от многих грехов...
Тут старец умолк, а монах ему внял
И долго скуфейку растерянно мял...*

Притча об орудиях дьявола

*Однажды дьявол порешил
Продать орудья ремесла,
К ним ярлыки он прикрепил –
Цена указана была.*

*На полках выставил товар.
Чтоб каждый мог бы лицезреть:
Блестящий Зависти кинжал
И молот Гнева – даже медь*

*Позеленела; тут колчан
Стрел Вождельня полный был;
Уколы Ревности, как чан
С отравой страстною, чтоб пыл*

*Раскоцегаривать в сердцах;
А вот – лук Жадности тугой;
Сеть паутины – плотский Страх,
Ну всё, что властно над душой.*

*Гордыня, Ненависть – тех жал
Коварных кто из вас не знал?
Их смертоносность испытал
Пожалуй, каждый, хоть бежал*

*Укусов их по мере сил.
Особо клинышек лежал
Из дерева – он мал и сир...
Такой ли косит наповал?*

*Он неказист – Уныньем зван.
Лежал в почёте, а – цена?!
Несоразмерно названа,
Всех выше им утверждена...*

*Прохожий дьявола спросил:
– Почто так ценишь этот клин?
А тот растроган очень был.
– Да, с виду он не властелин,*

*Но коли в голову вобью,
Когда бессильно всё вокруг,
То я от гордости пою –
Унынье всех ценней из слуг:*

*Работу каждому в тот час
Задает любым орудьям впрок.
Оно опасней всех для вас...
Торг – вразумленья дан урок!..*

Притча о слепом

*Сидел на паперти слепой
С протянутой в мольбе рукой.
И пред снующею толпой –
Табличка с надписью такой:*

*«Прошу помочь мне. Я слепой».
А в шапке мелких горсть монет.
Несомый жизненной рекой
Шёл человек. Ан, денег нет...*

*Прошёл, но повернул назад
В табличку что-то дописать.
Тут, словно, обретён был клад:
Слепой не успевал считать*

*Звон подаяний и домой
Он шапку полную принёс,
Довольный нищенской сумой.
Его томил один вопрос:*

*Что незнакомец дописал,
Желая бедному помочь?
Раз по шагам его узнал.
Когда уже спускалась ночь.*

*– Смотри, казна моя полна,
И в том заслуга есть твоя...
– «Сейчас на улице весна.
Её совсем не вижу я», –*

*Твою лишь правду, – был ответ, –
Но языком чуть-чуть иным,
Чтоб приоткрылся Божий свет
И зрячим и слепым...*

Притча об отречении от мира

*Молодой христианин пожилого спросил:
– Посоветуй – мне, может, от мира отречься?
Сколько нужно раденья духовного, сил?..
– Знай, в руках Божьих судьба человечья.*

*Покорись Божьей воле... Тебе ж самому
Делать выбор какой-то уже не придётся:
Если жизнь твоя будет угодна Ему –
Этот мир сразу сам от тебя отречётся...*

Валерий МАРКОВ

* * *

Н. М.

*Ах, если бы я мог начать,
Начать всю жизнь сначала...
Тогда бы не рубил с плеча,
Не рвался б от причала,
Мой шторм достался бы не мне,
И не было б крушений,
И не стремился бы вдвойне
К вам, новые сраженья.
Не жёг бы рукопись в огне,
И не спешил до срока...
Но по-иному – не по мне,
По мне – моя дорога.
Прости, но я такой, как есть:
Счастливо верю в небыль,
Рубли – не в счёт, дорожке – честь
И паруса – в полнеба.*

Валерий Александрович Марков родился в 1948 году в селе Петровка Сампурского района. Окончил Тамбовский пединститут, работал учителем, журналистом. В настоящее время — заместитель редактора областной газеты «Тамбовская жизнь».

Автор пяти поэтических сборников, многих публикаций в газетах. Член Союза писателей России.

* * *

– Как жизнь, старина?

– Лучше, чем в окопе!

(Из разговора фронтовиков)

*Седина, как ордена,
Как тот дым Хатыни...
Значит, были времена
Погорчей полыни.*

*Были, точно. Но давно.
Не ломайте копий!..
Нынче трудно? Всё равно,
Лучше, чем в окопе.*

*Седина, как ордена,
Признак оптимизма...
Но приснится вдруг война,
По погибшим призна.*

*Вдруг приснится страшный бой
И патрон последний...
В том бою и стал седой,
Словно свежий снег зимой,
А денёк был летний.*

*Седина, как ордена,
Как халат сестрицы...
Не закончилась война,
Бой тот страшный длится.*

Зимнее и летнее время

*Нет, не зимнее, не летнее,
Время, времечко – одно.
Из веков в тысячелетия
Скоро движется оно.
Ни морщины, ни седины
Не разжалобят его.
Был малец – уже мужчина,
Жди же часа своего.
Пирамиды, Колизей...
Вот следы былых времен,
Мы на них глядим-глазеем,
Что оставим, как умрём?
Время, времечко трёхмерное,
Признаюсь в любви с утра...
Было это уж, наверное,
Не сегодня, а вчера.*

Урок труда

*О грузовик тот многотонный.
Ладонь в мозолях горяча.
Я познавал закон Ньютона,
Цемент таская на плечах.
И той работою гордился,
И не стоял тогда вопрос,
Что я устал, перетрудился,
Что ждёт меня остеохондроз.
Рождалось таинство бетона,
Мотор отчаянно рычал...
И я «пятёрку» за Ньютона
На радость маме получал.
Вот так мужал умом и телом,
Причастен был, почти юнец,
К большому радостному делу,*

*И горд был слышать: «Молодец!»
 Да, молодец, что не захныкал,
 Да, молодец, не спасовал,
 Как говорится, шит не льком,
 Как говорится, мал-удал!..
 И втайне мышцами гордился,
 С раствором крепили и они.
 Вот так трудился и учился,
 Мелькали годы, словно дни.
 Смотрю на юность, как с обрыва.
 Да, возраст мудростью силён,
 И тем, что той порой счастливой
 Крепчал характер, как бетон.
 Вся жизнь в труде, скажу по праву.
 Мой груз забот – на сто сердец.
 Да, не кричат истошно «Браво»,
 Но и не скажут, что подлец.
 Горжусь и маминой наградой:
 В войну трудилась горячо.
 И знает друг мой, если надо,
 Своё подставляю я плечо.
 Я презираю белоручек,
 Усвоил раз и навсегда.
 Что жизнь – и этому пусть учат! –
 Урок труда, урок труда.*

Тринадцатый вагон

*Ах, Наталья Николавна,
 Твой тринадцатый вагон.
 Познакомились мы славно,
 Разлучил же нас перрон.
 Мне казалось – слишком рано,
 Ты сказала – в самый раз.
 Но осталась в сердце рана,
 Как по стёклышку алмаз.
 И растались с чувством веры,*

*Как танцоры, в новый вальс.
Снова сяду в тридцать первый
И увижу снова вас.
Напрошусь на чай с лимоном,
Для меня он, как предлог
От бессоницы вагонной,
Чтобы вас увидеть смог.
Тридцать первый и тринадцать,
Если взять да и сложить,
То куда уж целоваться —
Лишь о юности тужить.
Ну и скептик – проводница,
Это, право, грустный дар...
Тридцать первый лихо мчится,
Ночь целуя светом фар.
Убегает от соблазна
Слева скромница луна.
Мы находим в числах разность —
Она юности равна.
Так скостила нам дорога,
Посчитай, немало лет...
Проводница-недотрога,
Я ведь вновь возьму билет.*

* * *

*Лучи, лучи, лучи,
Горячие, как пощёчины.
Ручьи, ручьи, ручьи
По асфальту, по обочинам.
Апрель, апрель, апрель
Блестит, как чеховское пенсне.
Капель, капель, капель
Телеграфирует о весне.*

ДВУСТИШИЯ

Об излишках косметики

*Сотри случайные черты,
И все увидят, как прекрасна ты.*

Об особенностях пиара

*У вороны свой пиар:
Карр, карр, карр!*

Патриотизм на расстоянии

*Он России патриот,
Только в Англии живёт.*

Современная мера

*У нас теперь другая мера:
От мэра и до мэра.*

О мужских поцелуях

*Конечно, есть на то причины,
Когда целуются мужчины.*

О росте культуры

*Растёт столичная культура:
Пример тому – Петра скульптура.*

Любовь и возраст

*Пенсионер, а смотрит «порно»:
Любви все возрасты покорны.*

Мечта поэта

*Не написал «За далью даль»,
Но хочет орден иль медаль.*

Горе-пародисту

*А ты язык как не уродуй –
Не удостоишься пародий.*

О содержании газет

*Не сосчитать числа газет –
Вот только правды в прессе нет.*

Вячеслав ВОРОНИН

Уже всё равно

*Плачет дождями короткое лето.
С теплом расставаться пора.
Крик журавлей – всё та же примета:
Печаль прикоснулась крыла.*

*Поле – в тумане, раскисли дороги,
Сжалась округа в кольцо.
Даже берёзки, на ветре продрогнув,
Швыряют листвою в лицо.*

*А над водою прохлада клубится,
Хмурится утро в окно.
В эту пору очень просто напиться!
Когда увядаешь – уже всё равно!*

Вячеслав Воронин родился в 1940 году в Тамбове. Окончил военное училище, служил в ракетных войсках. Попал под «хрущёвское» сокращение армии. Поступил на факультет журналистики Московского государственного университета, который и окончил в 1970 году. Работал в газетах «Тамбовская правда», «Тамбовский вестник». Сейчас на пенсии.

Стихи и бардовские песни писал с юных лет. Автор поэтического сборника «Хожу всегда я королём» (Тамбов, 2010).

Мой Тамбов

*Ты улыбаешься, тебе, наверно, снится,
Когда ты полудремлешь над рекой:
Что каждый тамбовчанин возвратится,
Чтобы пройтись по пыльной мостовой.*

*Там, где улицы тенистые в садах,
А по весне черёмуха дурманит,
И Берендеи в сказочных лесах,
А вечером русалки в реку манят.*

*Как это здорово – упасть в цветущий луг,
И приласкать красавицу берёзу,
Хватить всей грудью чистый русский дух,
И подышать на иней на морозе.*

*Трель жаворонка, шелест в камыше,
Здесь, в этой памяти – моё наследство.
Да и спокойней как-то на душе,
Когда за шаг таинственное детство.*

*Здесь мои деды до зари вставали.
На образа и солнце помолясь,
Размашисто косили и пахали.
И здесь моя Россия началась.*

Девчонка рыжая

*В платьице золотом вышитом,
Накинув на плечи туман,
Осень – девчонка рыжая,
Крутит любовный роман.*

*Округу завесив дождями,
Дороги засыпав листвой,*

*В вальсе кружит с октябрями
По крышам и мостовой.*

*Беспечна и чуть шаловлива –
Как вся подвенечная Русь,
То дарит улыбку игриво,
А то непонятную грусть.*

*Багрянцем рассыпавшись в кроне,
Украшив наряд в кружева,
В созревшей за лето короне
Ведёт к алтарю Урожай.*

Запоздалая встреча

*Как мне нравится ваша улыбка
И лукавство, и искренность глаз.
Ах! Какая же это ошибка,
Что не встретил я в юности вас.*

*Залюбуешься мягкой осанкой.
В ней надёжная женская стать.
Даже в дрожь от волненья бросает:
«Как бы мог ты любить и страдать!»*

*Промелькнула та встреча случайная.
Мы расстались навеки с тобой.
Было больно и было печально,
Но бессильны мы все пред судьбой.*

Вечер

*День, от забот утомлённый,
Тянется вновь на покой.
Вечер, поклонник влюблённых,
Ласково гладит рукой.*

*И чем-то знакомым повеет,
Вновь пробуждая во мне,
Шелест платья в пустынной аллее,
Дробь каблучков в тишине.*

*В сумерках гаснут тревоги,
Манит таинство теней.
Шагнул – и опять у порога
Встретил всех лучших друзей.*

*И чем-то знакомым повеет,
Вновь пробуждая во мне
Споры в пустынных аллеях
И клятвы при бледной луне.*

*Вот уже ближе к закату
Бег незадачливых дней.
И чувство какой-то утраты
Всё чаще стоит у дверей.*

*Но вот уже дети взрослеют,
Вновь пробуждая во мне
Шелест платья в пустынной аллее
И споры при бледной луне.*

Людмила СЕРГЕЕВА

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Моя подружка

*Я скажу сейчас вам прямо:
У меня подружка – мама.
Вместе мы читаем книжку,
Вместе мы играем с мишкой,
Вместе варим мы обед.
Ну, а если её нет,
Я в квартире убираю,
Пыль повсюду вытираю,
Мою в тазике посуду.
Я в делах прилежной буду.
Мамочку люблю я очень!
Расстаёмся только ночью.
Ночью надо крепко спать,
Чтобы утром бодрой встать.*

Сергеева Людмила Ивановна родилась в 1946 году, в селе Новопокровка Мордовского района Тамбовской области. С 1970 года живёт в Тамбове.

Работала в школе № 7, ПТУ № 14, в отделе образования Октябрьского района. Стихи пишет более 10 лет. Столько же лет занимается в литературном объединении «Радуга» при областной писательской организации.

Печаталась в газетах «Наедине», «Притамбовье», «Город на Цне», «Наш город Тамбов», «Тамбовский курьер», а также в газетах Рузы, Каługi, Ижевска и других городов, в коллективных сборниках.

Автор 8-ми поэтических книг.

Я с солнышком дружу

*Солнце нос мне щекотало
Ярким тёпленьким лучом
И веснушки вниз бросало.
Им всё было нипочём.*

*Вот они уселись дружно
На носу. И спор пошёл,
Им ещё местечко нужно,
Только кто б его нашёл.*

*Гляньте, есть ещё полянки
И на лбу, и на щеках,
Ах, весёлые веснянки
Не усядутся никак.*

*Я ничуть не огорчаюсь
Из-за них. И не тужу,
А иду и улыбаюсь,
Так как с солнышком дружу.*

Лесной доктор

*Пир устроили горой
Короеды под корой.
Всё жуют они подряд,
Погубить сосну хотят
Их сосна прогнать не может.
Кто же, кто же ей поможет?
Доктор-дятел прилетел
И на ствол больной он сел.
И давай стучать, долбить...
Смог врагов он победить!
Будет жить сосна сто лет!
Дятел спас её от бед.*

Веселый ручей

*«Я – ничей! Я – ничей!», –
 Зазвенел весной ручей
 Побежал он по дорожке,
 Лапки намочил у кошки,
 Охладил щеночку нос.
 Тот задумался всерьёз:
 Это что за ерунда –
 Снег лежит, бежит вода?
 Только голубь воду пил,
 Чтоб набраться больше сил.
 А ребятам пить нельзя.
 Заболеете, друзья!*

Про солнце

*«Ой, беда, беда случилась-
 Солнце в тучу провалилось.
 Надо выручить скорей», –
 Прочирикал Воробей
 Подлетела белобока
 Говорливая Сорока:
 «Не волнуйся, погоди.
 Лучше тихо посиди.
 Посмотри-ка, вот уж солнце
 В туче сделало оконце,
 А потом большу-ую дверь.
 Ты мне на слово поверь,
 Солнце выйдет невредимым.
 Знай, оно непобедимо».
 Смотрят, правда, солнце свет
 Шлёт лучами им привет.*

Солнечный зайчик

*В дом через окошко
Быстро прыгнул зайчик
Прямо на ладошки,
Их подставил мальчик.
Пробежался по ковру
И присел он на полу.
Кот к нему с дивана – прыг!
Зайчик с пола скрылся вмиг.
Это солнышко за тучку
Спрятало любимый лучик.*

Конопушки

*Конопатый, конопатый,
Конопатый белый снег.
Его дождь исконопатил
Прямо на глазах у всех.
В снег шагнул я от дорожки
Конопушки сосчитать.
Жаль, что чисел знал немножко:
Раз, два, три, четыре, пять...*

Трюкач

*Есть чему тут удивиться –
Он не зверь совсем, не птица,
Но промчится под ногою,
Пролетит над головою.
От удара о коленку
Он смешно целует стенку.
Завертеться мог волчком –
И ему всё нипочём!
Вот такой у нас трюкач –
Всемирно известный звонкий мяч!*

Квакушки

*На болотной кочке
 С мамою лягушкой
 Отдыхали дочки
 Бойкие квакушки.
 Квакали квакушки:
 «Ква-ки! Ква-ки! Ква-ки!
 Как и все лягушки,
 Мы не забияки.
 Любим кувыркаться,
 Любим петь мы дружно,
 И не любим драться.
 Жить в согласье нужно».*

Бельчонок

*По деревьям: прыг да скок!
 Это не зайчонок.
 С большой ветки на сучок
 Прыгает бельчонок.
 Рыжий хвостик – парашют
 Меж ветвей мелькает,
 Словно в кроне гномы жгут
 Листья и бросают.
 А бельчонок – скок да скок:
 Вверх, то в бок, то прямо.
 Собирает шишки впрок.
 Помогает маме.*

Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ

АВТОСТОП

Драма в 2 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИСКАНДЕР, он же АЛЕКСАНДР, шофер-дальнобойщик.

ЕЛЯ, она же ЁЛКА, она же ЕЛЕНА, восьмиклассница.

СЕРГЕЙ, врач, бывший одноклассник Искандера.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА, мать Искандера.

ГЛЕБ, сын Искандера.

РАИСА, любовница Искандера.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА, бывшая учительница Искандера.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ, отец Ели.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, мать Ели.

ЛАРИСА ЛЬВОВНА, подруга Татьяны Николаевны.

ГИПОТЕНУЗА, она же ГИППА, классная руководительница.

ДИРЕКТРИСА ШКОЛЫ.

А также: школьники, жители деревни, попутчик-священник, приятель Глеба, девушки на дороге.

---

*Нина Веселовская родилась в г. Горьком (ныне – Нижний Новгород).
Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работала в газетах Тамбова и Москвы.*

*Автор трёх книг прозы, вышедших в тамбовских издательствах.
Публиковалась в «Тамбовском альманахе».*

Член Союза писателей России (Московская писательская организация). Живёт в Тамбове.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

ИСКАНДЕР за рулём грузовика. Гул мотора. Навстречу выбегают девушки в вызывающих прикидах. Искандер не останавливается. Вслед ему несутся обрывки фраз: «подвези, не пожалеешь...», «ну чё, совсем дохлый что ли...», «видать импотент...», «...да не, просто мудака...»
Девушки исчезают. Искандер с трудом сдерживает ярость.

ИСКАНДЕР. Путаночки, твою мать... Спутаешься с такой – не распутаться... Самый шлюшный участок. Откуда их здесь понабралось...

Появляется ещё одна фигурка с поднятой рукой. Непонятного пола, невысокая, в джинсах и мешковатой куртке.

Бейсболка надвинута на глаза. Это – ЕЛЯ.

Грузовик тормозит. Еля залезает в кабину, нахохливается. Потом стягивает и заново надевает бейсболку, заталкивает под неё рассыпавшиеся волосы.

ИСКАНДЕР. А мне показалось, что ты парень. Я вообще-то девок стараюсь не сажать.

ЕЛЯ. Чего так?

ИСКАНДЕР. Хлопот не оберёшься. Одну укачивает, другая чуть чего взвизгивает и за руки хватает, третьей невесть что может в голову прийти.

ЕЛЯ. Мне не придёт. И хвататься не буду.

ИСКАНДЕР. Поверю на слово. А куда едем?

ЕЛЯ. Прямо.

ИСКАНДЕР. Очень точный адрес. А прямо – это куда?

ЕЛЯ. Туда... До Воронежа довезёте?

ИСКАНДЕР. Нет, я раньше сверну. На ростовскую трассу.

ЕЛЯ. Ростов – ещё лучше.

ИСКАНДЕР. До Ростова я тоже не доеду. Так куда надо-то? Или чего, всё равно, что ли?

ЕЛЯ. Ага.

ИСКАНДЕР. Что ага? Ты эти шутки брось. Куда собралась-то?

ЕЛЯ. Куда глаза глядят.

ИСКАНДЕР. Ничего себе заявочки! С мужем что ли поругалась?

ДРАМАТУРГИЯ

ЕЛЯ. Ага. С мужем.

ИСКАНДЕР. Ничего я у вас, баб, не понимаю. Ладно, я тебя пока не гоню. На вот атлас дорог и подумай, куда поедешь. И мне покажи, а я уже прикину, где тебя высадить. По карте-то соображаешь?

ЕЛЯ. Разберусь.

ИСКАНДЕР. Вот и отлично

Некоторое время едут молча. Искандер искоса поглядывает на девушку.

ИСКАНДЕР. Ну что, решила?

ЕЛЯ. Ага. В Ростов.

ИСКАНДЕР. В Воронеж, значит, раздумала?

ЕЛЯ. Ага. Скучный город.

ИСКАНДЕР. А в Ростове не скучно?

ЕЛЯ. Там море близко.

ИСКАНДЕР. Только из-за моря? А ты там кого-нибудь знаешь?

ЕЛЯ. Знаю... А вам-то что?

ИСКАНДЕР. Понятно. Заработок, значит, везде пойдёт.

Опять молчат. Девушка потихоньку отодвигается.

ИСКАНДЕР. Чего съёжилась-то?

ЕЛЯ. Вы так смотрите...

ИСКАНДЕР. Как?

ЕЛЯ. У вас глаза злые.

ИСКАНДЕР. Ничего не злые. Совсем наоборот. Может, ты мне нравишься. А тут пока по заграницам катался, соскучился по женской ласке.

ЕЛЯ. По заграницам?

ИСКАНДЕР. Ну да. Я ещё три дня назад был в Польше. Мебель оттуда вожу. Хочешь, покажу диваны? Кстати, надо проверить, как они там закреплены. Ты мне и поможешь заодно.

Выходит из машины, открывает заднюю часть фуры, залезает внутрь.

ИСКАНДЕР. Как знал, ремень лопнул. Иди поддержи.

Девушка поднимается в фуру. Охает. Сдавленное: «Не надо!..»

Затемнение.

Искандер вылезает, застегивает куртку. Садится на лежащее у обочины колесо, закрывает глаза. Потом, словно вспомнив, подходит к фуре, протягивает руки, подхватывает девушку, опускает на землю.
Отворачивается.

ИСКАНДЕР. Слушай... А ты чего, девка, что ли, была?..

Девушка удивлённо смотрит, медленно кивает.

ЕЛЯ. Это плохо, да?

ИСКАНДЕР. Не знаю. Как-то... Я не думал. Тебе лет-то сколько?

ЕЛЯ. Много уже. Почти пятнадцать.

ИСКАНДЕР. Сколько?! *(Откидывает волосы с её лица, пристально глядявается.)* О, Господи... Тебе чего, и вправду четырнадцать? Что же ты не сказала!

ЕЛЯ. Вы бы меня тогда не полюбили.

ИСКАНДЕР. О, Господи! Да ты понимаешь или нет, что мне теперь срок мотать?

ЕЛЯ. Почему?

ИСКАНДЕР. Потому! Ты ребёнок, а я старый идиот.

ЕЛЯ. Вы не старый.

ИСКАНДЕР. Мне через год сороковник стукнет. У меня сын старше тебя. Нет, это реально тюрьма.

ЕЛЯ. Я никому не скажу. Честное слово!

ИСКАНДЕР. Да уж. Не стоит. Но всё равно... Кошмар! У тебя родители есть?

ЕЛЯ. Есть. Мама.

ИСКАНДЕР. Вот-вот. И если твоя мама узнает...

ЕЛЯ. Не узнает. Я ей никогда ничего не рассказываю.

ИСКАНДЕР. Подожди... а она в курсе, что ты вот так, автостопом?

ЕЛЯ. Нет, конечно. Я сбежала.

ИСКАНДЕР. Час от часу не легче. Зачем?

ЕЛЯ. Надо. Я уже больше не могу... Я третий раз так... Только меня возвращают. Вы... Я вас очень прошу... Не надо меня туда, я не выдержу.

ИСКАНДЕР. А куда тебя? Куда тебя прикажешь? Конечно, мне бы сейчас завести мотор и оставить тебя здесь. Но не бросать же ребёнка на дороге. Ты ещё в школе, поди?

ЕЛЯ. Да... Я в восьмом. Но я больше не буду учиться.

ИСКАНДЕР. Это ещё почему?

ДРАМАТУРГИЯ

ЕЛЯ. Не могу. Я тупая.

ИСКАНДЕР. Все мы тупые. Ладно, про это ещё поговорим. Садись в кабину, а то, видишь, накрапывать стало, простынешь. Поехали, мне надо побыстрее мебель отвезти, а потом твоими делами займёмся. Ты вообще-то откуда?

ЕЛЯ. Из Карпинска.

ИСКАНДЕР. Эка тебя занесло!

ЕЛЯ. А я уже два дня еду.

ИСКАНДЕР. И за два дня не решила, куда?

ЕЛЯ. Мне все равно. Но в столицы не надо. Я там уже была. Почему туда так все рвутся... Ментов полно, переночевать негде. Попробовала на вокзале...

ИСКАНДЕР. И что?

ЕЛЯ. Они там быстро вычисляют. Дежурят через день, и если видят знакомые лица... Подошёл, спросил паспорт. А у меня тогда ещё не было...

ИСКАНДЕР. А сейчас?

ЕЛЯ. Сейчас есть.

ИСКАНДЕР. Покажи.

Девушка достаёт, протягивает. Искандер внимательно изучает.

ИСКАНДЕР. Ну что ж, Елена Владиславовна, будем знакомы. Леночка, значит. Ну-ну...

ЕЛЯ. Зовите меня Елей.

ИСКАНДЕР. Еля... забавно! Может, вообще Ёлкой?

ЕЛЯ. Пусть Ёлкой.

ИСКАНДЕР. А чего не Леной?

ЕЛЯ. Я своё имя не люблю.

ИСКАНДЕР. Почему?

ЕЛЯ. Везде сплошные Лены. Прямо ужас! По-моему, мамы так называют, когда ребёнок не нужен... нет, наверно, просто безразличен. Должно быть какое-то имя, ну и... Первое попавшееся. Собака – Жучка. Река – Волга. Город – Москва. Девочка – Елена. Не задумываюсь. У нас в классе четыре Лены, и ещё одна была в начальной школе.

ИСКАНДЕР. Никогда об этом не думал. А мужские такие имена есть?

ЕЛЯ. Саша. Просто туча Сашек. Каждый второй. Тошнит прямо.

ИСКАНДЕР. Н-да... Кстати, я так и не представился. Александр.

ЕЛЯ. Вы шутите?

ИСКАНДЕР. Могу и свой паспорт показать. Если не веришь.

ЕЛЯ. Верю. Значит, и вам не повезло.

ИСКАНДЕР. Почему? Нормальное имя. В честь Македонского. Или Невского. Или Пушкина.

ЕЛЯ (*молчит, кусает губы*). Извините, я не знала. Оно красивое: А-лек-сандр. Только частое...

ИСКАНДЕР. Ладно тебе. Извиняться придумала! Я не обижаюсь.

ЕЛЯ. А по отчеству вас как?

ИСКАНДЕР. С ума сошла! Зачем тебе отчество? Зови просто Сашей. Или можешь Искандером – меня так в детстве звали, да и до сих пор друзья...

ЕЛЯ. Искандер... А почему?

ИСКАНДЕР. Персы называли Македонского именно Искандером. Вот и меня так по-древнему. Надо же было отличать от других Сашек, в нашем классе их тоже трое. И давай на «ты». После всего, что было...

ЕЛЯ. Давай. А вы... ты... Ты уже давно едешь?

ИСКАНДЕР. Десятые сутки. Пока до Польши добрался, да там ещё... Но сегодня к вечеру должен быть дома. И ты со мной, ладно? Отдохнём, отоспимся, а там уже решим, куда тебя. Мне через несколько дней опять в рейс, могу проехать через твой Карпинск, подброшу тебя.

ЕЛЯ. Нет! Только не туда! Саша, я тебя очень прошу! Я там умру!

ИСКАНДЕР. Что за глупости!

ЕЛЯ. Правда. Я больше не могу. Они смеются... Я... Со мной даже за партией никто не сидит. Я глупая, ничего не понимаю... Меня всё равно на второй год оставят. Мне Гиппа после Питера так и сказала...

ИСКАНДЕР. Гиппа? Вот уж действительно имячко!

ЕЛЯ. Это кличка. Гипотенуза. Классная наша. Она алгебру ведёт и геометрию. Длинная такая, выше всех. Мы её Гипотенузой уже давно прозвали, а тут стали по зоологии лошадей проходить... Теперь она у нас Гиппа.

ИСКАНДЕР. А что, на лошадь похожа?

ЕЛЯ. По-моему, она на динозавра похожа. Такого зубастого, на задних лапах.

ИСКАНДЕР. Тираннозавра?

ЕЛЯ. Наверно. Что тиран – это точно. Злая. Меня ненавидит. Я

ДРАМАТУРГИЯ

ведь не только тупая, я ещё деньги не плачу.

ИСКАНДЕР. Какие деньги?

ЕЛЯ. На школу. С нас постоянно собирают. А у мамы нет. Она не работает. И алиментов нет.

ИСКАНДЕР. На что же вы живёте?

ЕЛЯ. Меня часто об этом спрашивают. Не знаю. Ни на что. Сейчас она что-то по инвалидности стала получать. После операции. Но это только до зимы. А раньше на бирже стояла, книги наши продавала, хрусталь. Их почти никто не брал. Мама иногда работала, но как заболает...

ИСКАНДЕР. Часто болеет?

ЕЛЯ. Всегда. Нет, правда, всегда. Она здоровой не бывает.

ИСКАНДЕР. А что у неё болит?

ЕЛЯ. Всё. У неё все органы больные.

ИСКАНДЕР. Так не бывает.

ЕЛЯ. Не знаю... Я раньше боялась, что она умрёт, молилась постоянно. Потом... Понимаешь, я ей не нужна. Вообще. Только таблетку подать или сходить в аптеку. А так что я есть, что нет... Когда я в Питер сбежала, она только на третий день заметила.

ИСКАНДЕР. В Питере была? Ну и как тебе там? Понравилось?

ЕЛЯ. Вообще отпад! Я сначала просто по городу носилась. Пристряну к экскурсии и вместе со всеми захожу в музей. А в Эрмитаж так не получилось. Денег не было. Совсем. Я там с час проторчала у входа, смотрю, старичок гребёт, такой... прямо профессор. В очках, борода такая... Я к нему. Сказала, что из Карпинска, хочу посмотреть... Он мне билет купил. Потом по залам водил, всё мне объяснял. Я думала, он художник, а он в этом, в издательстве что ли... или в журнале... Про книги что-то пишет. Он и правда профессор, студенты у него...

ИСКАНДЕР. Добрый, видать.

ЕЛЯ. Очень. Он меня к себе взял, я три дня на его диване спала. И кормил. И в Петропавловскую крепость ещё водил, и в Исаакий...

ИСКАНДЕР. Исаакий? Здорово! А наверх там поднимались?

ЕЛЯ. Ага. Оттуда море... прямо рядом... Мне так хотелось сесть на пароход и уплыть...

ИСКАНДЕР. Что ж не села? Из-за денег?

ЕЛЯ. Я бы нашла. Заработала бы. Там в подземных переходах хорошо подают, мне рассказывали. Но он меня сдал. Я не ожидала.

ИСКАНДЕР. Кому? Ментам?

ЕЛЯ. Ага. Вначале всё так хорошо, потом спрашивать стал, почему мама не звонит, то да сё. А потом паспорт увидел...

ИСКАНДЕР. И понял, сколько тебе лет?

ЕЛЯ. Ну блин, какая кому разница? Что я, не человек что ли? Без паспорта была в Москве – взяли потому что без документов. С паспортом – отправили, потому что несовершеннолетняя. И каждый раз домой, в эту грёбаную школу. Да, меня ещё к докторам водили, те сказали, что у меня это... дромомания.

ИСКАНДЕР. Что за зверь?

ЕЛЯ. Мания путешествий. Когда человеку дома не сидится, несёт его куда-то. Чушь это всё, никуда меня не несёт, просто в школе больше не могу. У нас две девчонки в классе, так вот они меня...

Звонит мобильник, Искандер жестом останавливает Елю.

ИСКАНДЕР. Да, слушаю. Уже подъезжаю, часа через два буду на месте. Держусь пока, но вообще без напарника проблемно, за рулём засыпаю. Доеду-доеду, не парься. Ну, давай, пока!

Прячет сотовый. Нашупывает в кармане ириски, протягивает Еле.
Та начинает жевать.

ИСКАНДЕР. Что, склеились зубки-то? Ну ничего, немножко помолчишь, а то разболталась. Интересно, с чего бы это, я вначале из тебя каждое слово, как клещами, тянул. Думал, ты молчунья.

ЕЛЯ. Нет. Я просто боялась.

ИСКАНДЕР. Чего?

ЕЛЯ. Что ты меня изнасилуешь.

У Искандера дёрнулось лицо, машина вильнула в сторону.

ИСКАНДЕР. Не зря, выходит, боялась...

ЕЛЯ. Ты о чём? О нас с тобой? Какой же ты насильник? Они убивают, отрезают там всё... груди, язык... Да-да, я читала. А ты меня целовал. Меня никто ещё не целовал... Девчонки говорят, что такая никому не нужна. Они никогда не поверят, что меня... полюбить... вот так, с первого взгляда...

ИСКАНДЕР. Ты что же, им расскажешь?

ЕЛЯ. Нет, конечно. У меня и подруг-то нет. И потом, ведь нельзя же, тебе тогда плохо будет.

ИСКАНДЕР. Да уж, крайне нежелательно.

ЕЛЯ. Никто не узнает. Я же слово дала.

ИСКАНДЕР. Осталось только его сдержать.

ЕЛЯ. Сдержу. И ты своё сдержи.

ИСКАНДЕР. Какое? Я вроде не давал.

ЕЛЯ. А ты дай. Что не вернёшь меня домой.

ИСКАНДЕР. Поговорим об этом позже. А сейчас тише. Видишь знак? Начинается трудный участок. Ремень проверь, мало ли что.

Сцена 2

Сельский дом. К крыльцу подходят ИСКАНДЕР и ЕЛЯ.
Выходит МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА, спешит к ним навстречу.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Ну, слава Богу! Я уж волноваться начала. Надеюсь, без приключений?

ИСКАНДЕР. Без приключений, мать, у меня не получается: не жаркое, так подлива непременно пригорит. На этот раз я без синяков, зато с гостьей. Принимай. И покажи ей, где помыться. Чего головой-то качаешь?

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Да ничего. Гостья так гостья. Только боюсь, Раиска записхует. Она тут со вчерашнего вечера, злая, как сатана. У них опять что-то с накладной напутали, придётся выплачивать. Ну вот она и... Всё тебя ждала, уж не знаю, поплакаться иль очередного кобеля на тебя спустить.

ИСКАНДЕР. Бухая?

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. А то! Иль ты её не знаешь? По-моему, до сих пор не проспалась.

РАИСА. Проспалась-проспалась! Уж и понервничать нельзя! Представляешь, опять на четыре тыщи кинули. Второй раз уже. Да ты, я смотрю, не один! Чё, уже на дороге стал баб подбирать? Своих те мало? Как схожу я на рыбалку, так ташу домой русалку... *(Оглядывается Елю)*. Пардон! Обозналась. Подумала, любовница твоя. Только шас разглядела, что дитя ещё. Дитя, те скока лет-то?

ИСКАНДЕР. Четырнадцать ей. И нечего тут ребёнка смущать. Иди, Ёлка, умойся и помоги маме на стол собрать. У меня в кабине чёрная сумка, там много всего, вытаскивай. Будь за хозяйку, я сейчас. Пара минут всего.

Еля, оглядываясь, идёт к машине, потом в дом.
Искандер отводит Раису в сторону.

ИСКАНДЕР. Рай, не обижайся, но... Видишь, свалилось на меня это чудо. Придётся с нею воспитательные разговоры вести, и при них, понимаешь...

РАИСА. Да понимаю, не совсем уж тупая. Мог бы и не говорить, сама бы ушла. Вот только не понимаю, с чего у тебя глазёнки-то бегают? Нашкодил что ли где?

ИСКАНДЕР. Ничего не нашкодил! Слова-то выбирай! Я сегодня тринадцать часов за рулём, вообще на соплях доехал. Тут уж не только бегать начнут – на нос съедут.

РАИСА. Ну-ну. Ладно, поверила. Чего мне, ревновать, что ли. Вышла уж из этого возраста. Да и ты как мужской объект меня давно не интересуешь. Захожу по привычке, скорее поплакаться, чем потрахаться.

ИСКАНДЕР. Да уж. Мы с тобой теперь больше собутыльники, чем... Но сегодня и с выпивкой не придётся...

РАИСА. Вижу, не парься. Пока-пока!

Еля подходит, смотрит вслед Раисе.

ЕЛЯ. Она твоя жена?

ИСКАНДЕР. Нет. Жена у меня в другом городе. И то бывшая. А Раиса... Когда-то были любовниками. Потом она сходила замуж. Развелась. Сейчас... Если у неё проблемы на работе, а я вернулся из рейса... Иногда нужно просто расслабиться... Берём пузырь, сидим. Бывает и до утра. Говорим ни о чём. Впрочем, зачем я тебе это...

ЕЛЯ. Не бойся, я всё понимаю.

ИСКАНДЕР. Ничего ты, Ёлка, не понимаешь. И это хорошо. Это только старым, подгнившим деревьям понятно, а ты у нас ёлочка молодая, стройненькая, зелёная. Совсем-совсем зелёная. Во всех смыслах.

ЕЛЯ. Я тоже старая. Внутри. Мне иногда кажется, что я сто лет живу. Всё знакомо, всё когда-то уже было. И я откуда-то знаю, как это было... Вот ты... ты на неё сердисься. Почему?

ИСКАНДЕР. Я? С чего ты взяла? Может, и сердился раньше, а сейчас какой смысл? У каждого из нас своя жизнь.

ЕЛЯ. Ты её любил?

ИСКАНДЕР. Нет. Мы всегда были друзьями. Постельные отно-

ДРАМАТУРГИЯ

шения нам только мешали. Между друзьями этого быть не должно. Я уже потом понял.

ЕЛЯ. А меня ты любишь?

ИСКАНДЕР. Господи! Ну это же совсем другое! Совсем не похоже. *(С иронией.)* Что у нас с тобой – вообще ни на что не похоже.

ЕЛЯ. Да. Так не бывает. Мне кажется, я сейчас проснусь...

ИСКАНДЕР. Для этого сначала заснуть надо. А до этого помыться. Иди, мама тебе ванну приготовила. Вымоешься – и баиньки.

ЕЛЯ. Саш...

ИСКАНДЕР. Что, малыш?

ЕЛЯ. А ты меня поцелуешь?

Искандер наклоняется и касается губами её лба.

ИСКАНДЕР. Других поцелуев у нас с тобой здесь не будет. Ты же понимаешь, никто не должен знать.

Еля улыбается, кивает. Поднимается на крыльцо к Марии Игнатьевне. Искандер стоит, курит. Мимо проходят соседи, здороваются.

СОСЕД. С возвращением! Как съездил?

ИСКАНДЕР. Нормально.

СОСЕД. Теперь-то когда соберёшься?

ИСКАНДЕР. Дней через пять, наверно.

СОСЕД. А меня до Тульской области не подбросишь?

ИСКАНДЕР. Вряд ли. У меня пассажирка будет.

СОСЕД. Райка что ли?

ИСКАНДЕР. Нет, другая.

СОСЕД. Другая? Ну ты ходок!

Соседи, похохатывая, бредут дальше. Искандер заходит в дом, но вскоре появляется. В руках у него курточка Ели. Оглядывается, шарит по карманам. Достает записную книжку, листает.

ИСКАНДЕР. Молодец. Аккуратная. *(Вытаскивает свой мобильник, набирает номер.)* Алло? Я говорю с матерью Елены Катусевой? Прекрасно. Хочу сразу вас успокоить, с вашей дочерью всё в порядке, жива-здорова. Нет, я случайный знакомый, она просто села в мою машину. Да никакой я не богач, шофер я, грузы перевозжу. Никуда вам не надо ехать, не беспокойтесь. Я на днях опять буду в

рейсе, тогда Елену и отвезу. Да, она не хочет возвращаться, постараюсь уговорить. Можете звонить на этот телефон, но лучше не надо: пусть она не знает о нашем сегодняшнем разговоре. Я уже понял, что она сложная. Не буду я её травмировать. Но и вы уж тогда тоже. Ничего, школа подождёт. Да, главное – её убедить. До свидания!

Идёт в дом. Свет медленно гаснет.

Сцена 3

Голоса за сценой. Появляются ЕЛЯ и ИСКАНДЕР, продолжая начатый разговор.

ИСКАНДЕР. И всё-таки я не понимаю, почему ты так упорно не хочешь учиться? Я в свое время сдуру бросил институт. В армию с третьего курса забрали, тогда у студентов отсрочки не было. Вернулся в начале девяностых, а тут такое... Маму сократили, жить не на что. Инженеры никому не нужны, думаю, чего корячиться. Так вот не раз потом локти кусал, совсем по-другому жизнь могла пойти. А ты... Ну хоть восьмилетку закончить надо.

ЕЛЯ. Девяти... Аттестат о неполном дают только после девятого.

ИСКАНДЕР. Ну девяти... Всего год с небольшим

ЕЛЯ. Я же тебе объясняла, они мне никогда аттестат не дадут. Даже сейчас не переведут.

ИСКАНДЕР. Почему?

ЕЛЯ. Я тупая. Я хуже всех учусь. Что так смотришь? Правда.

ИСКАНДЕР. Правда эта весьма странная. Я же тебя вижу, никакая ты не тупая. Нормальная девчонка, и язычок вполне подвешен.

ЕЛЯ. Язычок нужен для литературы, ну там для истории, географии. С ними у меня всё в порядке. А когда решать приходится... Я ничего не понимаю. Вообще...

ИСКАНДЕР. Геометрию не понимаешь?

ЕЛЯ. Не, геометрия не трудная. Я теоремы быстро выучиваю.

ИСКАНДЕР. А что трудно? Алгебра? Если ученик не понимает этого предмета – тут вина учителя. В нём нечего особо понимать, там надо показывать приёмы и натаскивать.

ЕЛЯ. У нас мало, кто сразу понимает. Гиппа с ребятами потом отдельно занимается. Репетирует. А у нас денег нет.

ДРАМАТУРГИЯ

ИСКАНДЕР. Подожди, так это что же получается... Учитель невнятно объясняет, чтобы потом рассказывать понятней, но уже за деньги? Здорово придумано! А самой по учебнику нельзя разобраться?

ЕЛЯ. Я только так и учусь. На уроке ни бум-бум, а потом дома сижу, долблю. Но иногда туплю по полной. Над одной страницей час ковыряюсь, наизусть её выучу, а всё равно проку...

ИСКАНДЕР. А с чем у тебя затык? С какими темами?

ЕЛЯ. С тригонометрией.

ИСКАНДЕР. В восьмом тригонометрия? Что-то вы её раненько. А в ней-то что непонятно?

ЕЛЯ. Всё. Я её вообще никак. Ну ладно, синус там, косинус – это отношения между сторонами. Но как можно эти отношения складывать? Или вообще в какую-то корявую формулу запихивать? Вот ты ко мне относишься, я к тебе. Но разве это можно сложить?

ИСКАНДЕР. Ещё как можно! И знаешь, что тогда получится? Слово подсказать? Что покраснела? Догадалась?

ЕЛЯ. Да... Ты мне тогда расскажи, что с ними там делают. Мне даже захотелось научиться.

ИСКАНДЕР. Научу. Без проблем. Эту лабуду я немного помню. И учебники где-то на чердаке попадались.

ЕЛЯ. Саш... А вот скажи, как может быть косинус угла, если нет треугольника? Ведь эти функции... Они же могут быть, только когда прямоугольный треугольник. Ведь так?

ИСКАНДЕР. Почему? Может быть и просто косинус угла.

ЕЛЯ. Но если это просто угол... У него же эти усы непонятно куда тянутся...

ИСКАНДЕР. Лучи.

ЕЛЯ. Ага, лучи. Мы же не знаем их длину. Какие тут могут быть отношения? Ведь отношения можно понять, только когда что-то определённое.

ИСКАНДЕР. Гениально сказано. Только не по-математически.

ЕЛЯ. Наверно. У меня часто не те слова вылетают.

ИСКАНДЕР. Не страшно. А с углами... Ага, вот на чём я тебе покажу (вытаскивает из-под скамейки большие круглые часы).

ЕЛЯ. Ничё себе! Откуда такие огромные?

ИСКАНДЕР. У заводской проходной висели. Помню, злился на них, когда опаздывал – я там практику проходил, пока в институте учился. А потом смотрю: их снимают, новые монтируют. Спросил

– вроде никому не нужны. Я и забрал. Мечтал построить второй этаж, обложить всё кирпичом, ну понимаешь, чтобы коттедж получился. Причем представлял его в таком старо-немецком стиле, типа вот-вот Бабушка-Метелица из окна выглянет. И эти часы на башенку, чтобы люди время сверяли.

ЕЛЯ. И что?

ИСКАНДЕР. Поторопился. Как-то спяну повесил их вон там, под крышей. И на второй же день кто-то из мальчишек камнем по ним саданул, стекло разбил. С тех пор так и валяются. Но нам даже лучше, что они без стекла. И стрелка вторая не нужна (*отвинчивается её*). Берём изоленту, приклеиваем. Это будет у нас ось абсцисс. И вот тут ось ординат. Слышала о таких?

ЕЛЯ. Ага. Графики я понимаю.

ИСКАНДЕР. Прекрасно. А теперь начинаем двигать нашу стрелочку. Только в обратную сторону.

ЕЛЯ. Почему в обратную?

ИСКАНДЕР. А фиг её знает. Не помню. Знаю только, что вот эта четвертушка будет первая, эта вторая, тут третья... Ну просто запомни, что так.

ЕЛЯ. Запомню. Мы что-то похожее чертили, только я ничего не поняла.

ИСКАНДЕР. Да тут понимать нечего. Вот смотри, получился угол. Скажем, 30 градусов. Можем мы вычислить его синус, косинус и прочее? Ну что смотришь такими несчастными глазами? Понял, тебе нужен треугольник. Ладно. Гипотенуза у нас есть? Да не классная твоя, не тем словом будь помянута, а настоящая, в треугольнике. Как так нет, ею у нас и будет стрелочка. Сколько в ней? Сейчас померяем, рулеточка у меня всегда под рукой. Ага, двадцать четыре см. И эта величина будет одинакова везде, стрелка-то одна и та же, изменяться станут только катеты. А как мы найдём катет?

ЕЛЯ. Высоту опустить?

ИСКАНДЕР. А ещё говоришь, что тупая. Опускаем. Вот тебе и треугольник готов. Кстати, прямоугольный. Так что у нас получилось? Сейчас померяем, а заодно отметим деления. Ну, вот теперь и катет знаем. Записываем. А дальше увеличим угол до сорока пяти...

Искандер и Еля склоняются над листом, голоса их становятся глуше.
Появляются соседские мужики.

ДРАМАТУРГИЯ

1-й СОСЕД. Что за девка у него?

2-й СОСЕД. Пёс его знает. Родня, наверно.

1-й СОСЕД. Да у них тут сроду никого не было.

2-й СОСЕД. Приехала, видать. А может, завёл себе, он же холостой.

1-й СОСЕД. Да ладно тебе, вишь, девчонка совсем (прислушивается). Учит её чему-то. Слышь? Тангенс-котангенс...

2-й СОСЕД. А, в этом он соображает. Раз котангенс, значит, точно родня. Или дочка. Если с бабой спишь, о котангенсах с ней говорить не будешь.

1-й СОСЕД. Да уж. Ежели я своей такое слово брякну, можно и по кумполу схлопотать. К мату она привычная, а на это обидится.

Пересмеиваясь, уходят. Искандер двигает стрелку висящих на стене часов. Еля сидит на скамейке у садового столика, кусает ручку.

ИСКАНДЕР. Видишь, угол уже больше двухсот градусов. А в треугольнике всего...

ЕЛЯ. Сто восемьдесят.

ИСКАНДЕР. Вот-вот. То есть мы уже забыли про треугольник. Нас интересует только угол. Не понимаешь?

ЕЛЯ. Понимаю. Правда, я у тебя всё понимаю. И не трудно совсем.

ИСКАНДЕР. А я, кстати, плохо объясняю и позабыл уже многое. Знаешь, что мы сделаем? Сходим-ка мы в гости к Вере Михайловне, моей учительнице. Она уже старенькая, но голова у неё работает лучше, чем у молодых. Побегашь к ней эти дни, позанимаешься. Я хочу, чтобы ты нормально закончила учебный год.

ЕЛЯ. Нет!

ИСКАНДЕР. Поди сюда. *(Оглядывается, обнимает Елю, долгий поцелуй.)* Ты любишь меня?

ЕЛЯ. Очень...

ИСКАНДЕР. Любимому человеку не отказывают. А у меня к тебе только одна просьба: вернись в школу, доучись. Я тебя не оставлю, и деньгами помогу, и навещать буду, и объяснять. С учителями поговорю, хочешь?

ЕЛЯ *(вырываясь из его объятий)*. Я не могу там больше! Сашенька, пожалуйста... Я умру...

ИСКАНДЕР. Ладно-ладно. Не будем ничего решать окончательно.

но. Давай просто попробуем. Получится – хорошо. Не получится – что-нибудь придумаем. Для начала навестим Веру Михайловну. Она очень добрая, и у неё очень вкусное варенье. Заодно покажу тебе наше село. Оно длинное и плавно переходит в город. Большой город, не то что ваш Карпинск. Три театра, куча музеев...

ЕЛЯ. А зоопарк есть?

ИСКАНДЕР. А как же. Моя мама даже как-то там работала, животных кормила. У нас почти все сельские в городе устраиваются, и ребята там учатся, я тоже туда в школу бегал. И каждый день я проходил по берегу озера – оно как раз на границе села, за ним уже многоэтажки. А с этой стороны у самой воды домик Веры Михайловны. Маленький такой, ставни с резными наличниками, карнизы кружевные, прямо как со страницы русской сказки соскочил. А с мостков посмотришь – он ещё и в воде отражается. Очень красивое место, жаль, что ещё лёд не сошёл и ветлы голые.

Протягивает Еле руку и, продолжая говорить, медленно уходит.

Сцена 4

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА и ИСКАНДЕР таскают в машину сумки и пакеты.
Появляется ВЕРА МИХАЙЛОВНА.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Уезжаете?

ИСКАНДЕР. Да, опять в рейс. Заодно Ёлку домой отвезу.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Уговорил?

ИСКАНДЕР. С трудом. Вначале прямо ни в какую. Но взял слово, что больше не будет уезжать.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Ей там плохо. И математику сильно запустила. Я, что могла, объяснила, но ведь это же всё закреплять надо.

ИСКАНДЕР. Туго соображает?

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Не хуже других. Я за полвека всяких повидала. Особых способностей у Елены нет, но и тупой не назову. Её беда, что она в классе изгой. Ребята обычно перенимают друг у друга, не понял, как решать пример, заглянул в тетрадь к соседу. А с девочкой никто не общается. Почему – это уже нужно в школе выяснять. Может, в другую школу стоит перевести.

ИСКАНДЕР. Ёлка говорит, что эта у них – чуть ли не единственная. Городок-то маленький, ещё недавно посёлком был.

ДРАМАТУРГИЯ

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Ну хотя бы в другой класс. Но вначале сходи, поспрашивай, из-за чего её так.

ИСКАНДЕР. Я постараюсь разузнать. Суну им немного.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Учителям? Взятку? Что это за педагог, если взятки берёт! Ты думаешь, из-за денег к ней отношение лучше будет?

ИСКАНДЕР. Не знаю. Никогда не совал.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. И не надо. Учебный год она закончит, пусть с тройками, это не столь важно. Но если поваживать, они так и будут дальше из неё тянуть. А если преподаватель честный, ты его этими деньгами ещё и обидишь.

ИСКАНДЕР. Никого сейчас деньгами не обидишь. Но вы правы, вначале надо присмотреться. Спасибо за совет. Ёлка!

ЕЛЯ выходит на крыльцо. Медленно, как во сне, спускается. На пожелания доброго пути только кивает головой. Искандер уже в машине, протягивает из кабины руку. Еля садится и закрывает лицо ладонями.

Сцена 5

Улица Карпинска. Слева вход в школу, справа – в больницу, в центре подъезд дома. ИСКАНДЕР с ЕЛЕЙ стоят около машины.

ИСКАНДЕР. Ну что, к твоей маме вместе пойдём, или вначале ты?

ЕЛЯ. Лучше ты.

ИСКАНДЕР. Хм. Как-то странно: вваливается незнакомый человек... Приличней всё-таки вдвоём, ты меня представишь, как положено. Сбегай в магазин, возьми тортик. Ты лучше знаешь, какие мама любит и вообще что ей можно есть. И ещё чего-нибудь к чаю, колбаски там, сыра, конфет. На вот денежку. Я тебя здесь подожду.

Еля уходит. Появляется ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – в поношенном пальто, на голове платок. Останавливается, смотрит вслед Еле.
Искандер ловит её взгляд.

ИСКАНДЕР. Вы мама Елены? Татьяна Николаевна?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Угадали. А вы, значит...

ИСКАНДЕР. Да. Я выполнил своё обещание.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Вижу. Наверно, я должна изобразить

радость, что блудная дочь возвратилась домой. Но я честный человек. Никакого восторга я от этого не испытываю. Скорее наоборот.

ИСКАНДЕР. Так вы что же хотели бы...

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Чтобы она не вернулась? Нет, этого я тоже не хотела бы. Вам сложно понять. Мне нужна моя девочка, но не эта, а та, что была в детстве. Но она не вернётся никогда. Моя маленькая, добрая, ранимая Леночка выросла и превратилась в тупую бессердечную Елю. В ней всё больше проступают черты отца. Когда-нибудь она осознает... очень надеюсь... Но меня уже не будет. Я больна, недавно перенесла операцию. И она именно в это время стала сбегать. Да-да, такое же предательство. Ладно, зачем это вам... Спасибо, что довезли.

ИСКАНДЕР. По-моему, вы не правы. Еля вас очень любит. Но она же подросток. Максимализм, комплексы... Да ещё в школе проблемы...

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Конечно, проблемы, когда учится с двойки на тройку. Я забрала её из художественной студии, моя подруга взяла на себя заботы по хозяйству, все условия, чтобы Лена только занималась. А она...

ИСКАНДЕР. А вы не пробовали ей помочь? Разобраться в задачах, или найти репетитора?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. У меня нет на это денег. А были бы – всё равно ни копейки не дала бы. Из принципа. Я училась сама. Без помощи. И все в моей семье обходились своими мозгами. Три поколения с высшим образованием. И вообще всего в жизни добивались сами, без взяток и связей. И никто вот так не бежал от трудностей.

ИСКАНДЕР. Вы не правы. Всё меряете по себе, а люди разные. Иногда достаточно чуть-чуть поддержать, а дальше человек уже пойдёт сам, да ещё и вас обгонит. Ну будьте вы с ней помягче. Сами же просили, чтобы я её не травмировал, а вы...

Сзади незаметно подходит ЛАРИСА ЛЬВОВНА. Криво усмехается.

ЛАРИСА ЛЬВОВНА. Куда уж мягче! Нет, когда у девочки такая генетика, тут уж не исправить. Пойдём, Таня, тебе нельзя долго на ветру стоять. Нас всё равно не поймут.

Татьяна Николаевна и Лариса Львовна входят в подъезд, хлопает дверь. Появляется ЕЛЯ с пакетом и тортом в руках.

ДРАМАТУРГИЯ

ИСКАНДЕР. А я сейчас с твоей мамой познакомился.

ЕЛЯ. Я видела. И Лариса Львовна тут как тут.

ИСКАНДЕР. Родственница?

ЕЛЯ. Подруга мамина. Меня терпеть не может. Что ни сделаю – всё не так.

ИСКАНДЕР. Ладно, не злись на них. Иди, чайник поставь, а я пока с твоей классной поговорю. Давай быстрее, у меня времени в обрез. Как её там по батюшке...

ЕЛЯ. Евгения Вадимовна.

ИСКАНДЕР. Запомнил. Ну, беги.

Искандер открывает школьную дверь. Еля идёт к подъезду. Навстречу выбегают девочки-ровесницы, заступают дорогу, дразнят. Когда она всё-таки прорывается, кричат и свистят ей вслед.
Искандер выходит с учительницей.

ИСКАНДЕР. ...поэтому я вас очень прошу, не ругайте её за этот пропуск и помогите нагнать программу.

ГИППА. В мои обязанности не входят индивидуальные занятия. Если с каждым учеником...

ИСКАНДЕР. Вы прекрасно понимаете, что здесь особый случай. Надеюсь, вот этого хватит на три дополнительных урока?

ГИППА. Три часа ничего не дадут.

ИСКАНДЕР. Проведите больше. Когда поеду через ваш город, я с вами рассчитаюсь. Раз уж обещал ей помочь... Но у меня условие: в эту оплату входит и отношение к ней в классе. Если Елену будут продолжать травить...

ГИППА. Никто её не травит. Но бесконечные поблажки тоже всем надоели. То оценки ей натягиваем, то долги прощаем. Только за этот год она уже задолжала больше тысячи рублей.

ИСКАНДЕР. За что?

ГИППА. Родители каждый месяц вносят небольшие суммы на хозяйственные нужды школы. Все вносят, понимаете? Кроме Лены.

ИСКАНДЕР. Но у них семья за чертой бедности. Мать не работает.

ГИППА. Зато отец. Вы знаете, кто у Лены отец?

ИСКАНДЕР. Он помогает дочери?

ГИППА. Нет, но если бы...

ИСКАНДЕР. Раз нет, зачем о нём вспоминать? Мы сейчас с вами обсуждаем условия нашего... м-м... соглашения. Я внёс задаток за три занятия, остальное будет оплачено по результату. От вас требу-

ется натаскать девочку по вашим предметам до уровня четвёрки. Только именно натаскать, а не просто поставить отметку. И второе – воздействовать на детей. Как – вам лучше знать. Но чтобы Елена спокойно училась и не убегала из дома. Если до лета вы сумеете всё это отрегулировать, ваше вознаграждение будет... ну скажем, в пять раз больше задатка. Вы согласны?

Из школы выходит человек в белом халате, прислушивается к разговору.

ГИППА. Ничего не обещаю. Попробую, но девочка очень сложная, и её семья тоже.

ИСКАНДЕР. Я думаю, что стаж у вас большой и сложные дети вам попадались. И как работать с ними, вы знаете.

ГИППА. Знаю. Потому и не обещаю. Конечно, хорошо, что у Лены теперь такой покровитель, но если бы она прислушалась к моим словам...

ИСКАНДЕР. Мы же с вами договорились не вспоминать её прежние грехи.

ГИППА. Не буду. Кстати, а по поводу её долгов. Вы не хотите погасить?

ИСКАНДЕР. Я не понимаю, как можно вообще вносить её в списки каких-то должников. Образование у нас бесплатное. А прочие блага... Ну пусть она ими не пользуется.

ГИППА. Понятно. Ну что ж, надеюсь, мы ещё увидимся.

ИСКАНДЕР. Успехов вам!

Классная руководительница уходит, цокая каблуками. Человек в белом халате подходит вплотную. Это – СЕРГЕЙ.

Искандер оглядывается и ахает.

ИСКАНДЕР. Серёжка! Боже мой! Откуда ты здесь?

СЕРГЕЙ. Гнездо у меня тут. Уже полтора десятка лет живу в этой глухомани. А ты что не знал?

ИСКАНДЕР. Конечно нет. Я же тебя последний раз видел... Это ты курсе на третьем был?

СЕРГЕЙ. На втором. А потом закончил и предложили мне место в Карпинской больнице. Я оказался чуть ли не последним молодым специалистом, которому дали квартиру. С тех пор так здесь и осел.

ИСКАНДЕР. А я калымлю на этой колымаге.

СЕРГЕЙ. Я слышал, что ты шоферишь.

ДРАМАТУРГИЯ

ИСКАНДЕР. От кого? Мы с ребятами встречались, тебя вспоминали. И никто не знает, где ты обитаешь. Вот удивлю всех. А в наши края больше не тянет?

СЕРГЕЙ. К кому ехать? Отец умер, маму я к себе забрал. А ты тут какими судьбами?

ИСКАНДЕР. Случайно почти. Проездом.

СЕРГЕЙ. А-а, я уж подумал, родня у тебя здесь завелась.

ИСКАНДЕР. Какая родня, ты что не помнишь? Одни мы с мамой. С отцом она порвала, я тогда ещё в школу не ходил, да его и в живых уже нет. Двоюродная сестра на Дальнем Востоке – никогда в глаза не видел. И больше никого. А свои – жена, сын... всё равно, что чужие.

СЕРГЕЙ. В разводе?

ИСКАНДЕР. Давно уже. Оно и к лучшему. Последние годы грызлись – вспомнить страшно. Наверно, я не создан для семьи.

СЕРГЕЙ. Это ты зря, все созданы, только не знают об этом. Мы тоже сначала... Потом как-то притёрлись.

ИСКАНДЕР. Цепями брака повязан?

СЕРГЕЙ. А как же. Сыну уже четырнадцать. Кстати, не ты ли с Леной Катусевой тут стоял? Мой Славка с ней в параллельном классе учится.

ИСКАНДЕР. Так ты её знаешь?

СЕРГЕЙ. Ещё бы! Известная семейка. К матери её часто приезжал. Я же из больницы ушёл, теперь на «скорой» работаю.

ИСКАНДЕР. Чего, разжаловали?

СЕРГЕЙ. Можно сказать и так. Была тут одна неприятная история – больная прислала телегу, что я к ней пристаю. Главврач попытался меня воспитывать. А я мальчик нервный, психанул и ушёл.

ИСКАНДЕР. Что нервный – это точно. Как ты мне тогда в пятом классе углом ранца по глазу двинул... Потом, помню, прощения просил. А тут чего не покаялся?

СЕРГЕЙ. Да не был виноват, вот что обидно. Она сама ко всем лезла. И наступала как раз из-за невнимания к её чарам.

ИСКАНДЕР. Хочешь сказать, что ты верный и примерный муж?

СЕРГЕЙ. Вот этого не говорил. Всякое бывало. Но не в тот раз. А на «скорой» даже лучше, вкалывать приходится, на сплетни времени не хватает. И знаю чуть ли не всех в городе.

ИСКАНДЕР. Все мне не нужны, а вот про Катусевых давай подробнее. Мне тут Ёлка на дороге проголосовала, слово за слово, и вот уже с неделю занимаюсь её делами. Что у неё с матушкой?

Вправду больна, что ли?

СЕРГЕЙ. Спроси что полегче. Ну да, здоровой не назовёшь. Но тут скорее что-то с психикой. Хотя вначале она реально была при смерти. Роды неудачные, инфекцию внесли, начался метроэндометрит, ну, по-старому, родовая горячка. Почки стали отказывать. Пришлось везти в область, там еле спасли.

Муж её тогда сидел с малышкой, выкармливал, пелёнки стирал, мы его отцом-героиней называли. Как сейчас помню, большие мужские руки перепелёнывают крохотного младенчика. Трогательно так... Потом Татьяна вернулась, но не долеченная, всё больше лежала, Влад за двумя ухаживал. И это тянулось очень долго. Стал он где-то работать, денег не хватало. И тут подвернулось ему место референта в приличной фирме. Правда, в областном центре. Но деваться некуда – поехал. Здесь только выходные проводил.

ИСКАНДЕР. И что же, переполз туда с концами?

СЕРГЕЙ. В общем-то да. Фирма принадлежала одной бизнес-леди. Та мужику сочувствовала, ну и досочувствовалась. А Татьяна, как узнала, что её благоверный уже не только её, запретила ему даже приближаться к дочери, всё кричала, что он теперь заразный. Так и развелись. Деньгами он вначале помогал, но после очередного скандала перестал. Он тут сильно изменился, забогател, охамел, мне как-то нагрубил. Рожа стала кирпичная, начальственная. На этой своей б-леди женился, а лет через семь она сгорела от рака, и ему вообще всё перешло. Сейчас он в десятке самых крутых бизнесменов области. А дочь и бывшая жена реально голодают.

ИСКАНДЕР. Ёлка?

СЕРГЕЙ. А она тебе что, не говорила? Девчонку весь дом подкармливает. Сначала люди им понемножку деньжонок совали, но мать всё тратила на свои лекарства. Вот тут-то у неё, по-моему, крыша и поехала. Подсознательно хотела вызвать жалость у бывшего мужа, но не столько его убеждала в своих болячках, сколько себя. Потом любовник у неё был, хирург наш. В конце концов, Татьяна его так замучила своими жалобами, что он ей сделал трепанацию черепа и написал страшный диагноз. По-родственному, так сказать. Но этой операцией ей немного помог: Татьяне группу дали, и пенсию теперь платят. Хотя девчонке всё равно ничего не достаётся. Тряпки соседи и знакомые дарят – старье всякое. Тётка двоюродная из деревни картошки подкидывает. Я тут как-то был со своей бригадой в их селе, она подошла и попросила отвезти мешок Татьяне. Помню, мы всё боя-

ДРАМАТУРГИЯ

лись, как бы начальство не прознало, нам такое заносить в машину категорически запрещают. Но как тут откажешь.

ИСКАНДЕР. А папахен её в курсе?

СЕРГЕЙ. Ему всё по фигу. На супружницу бывшую до сих пор обиду держит. С Катушевыми в одном подъезде родственница моей жены живет, так вот она рассказывала, что этот Ленкин папочка поставил условие. Алименты платить не будет, если подадут в суд, такую зарплату себе нарисует – по всем курятникам гомерический хохот начнётся. Но если Татьяна попросит, то есть унижится, он осыплет обеих золотом-серебром, как волшебник из сказки. Только знает ведь, подлец, что жена его бывшая – баба упёртая, скорее сдохнет и дочь уморит, чем подойдет с протянутой рукой. Вот так и живут. И для папеньки, и для маменьки, понимаешь ли, принцип превыше всего. А что девчонка мучается, им обоим наплевать.

ИСКАНДЕР. Я знал, что тут проблемно, но ты мне прямо жёсть какую-то рассказываешь.

СЕРГЕЙ. Именно жёсть. Давно уже. Папаня дочку с двух лет в глаза не видел. А мать, хоть и живёт в одной квартире, тоже стала хуже мачехи. К ней сейчас подруга перебралась, злющая старая дева, взяла там всё в свои руки, диктатор такой доморощенный. А Татьяна полностью под её влиянием. Так что жизнь у девчонки – не позавидуешь.

ИСКАНДЕР. Да уж. Теперь мне понятно, почему она сбегала. Но, надеюсь, больше не будет. Ей бы побыстрее получить хоть какое-то образование, поступить в училище и уехать отсюда. Но тут ещё в школе напряги. Я с учительницей поговорил, сунул там немного.

СЕРГЕЙ. С Гипотенузой?

ИСКАНДЕР. Ну да. А ты эту даму тоже по кличке зовешь?

СЕРГЕЙ. Славка мой так зовёт, она и в их классе ведёт. Да и весь город знает её, как Гипотенузу, настоящее имя, поди, уже и забыли. Насытить аппетиты этой отцифрованной дамы тебе будет нелегко, но попробуй, вдруг получится.

Звонит мобильник, врач отходит в сторону. Искандер смотрит на часы, качает головой.

ИСКАНДЕР. Поболтал бы ещё с тобой, но и так уже полдня потерял. А мне к ночи нужно быть в Брянске.

СЕРГЕЙ. А у меня сейчас вызов. Видать, не судьба.

ИСКАНДЕР. Я ещё сюда заеду. Давай, телефон запиши, а я твой, созвонимся тогда. Ну, пока!

СЕРГЕЙ. Девчонкам нашим передавай мои большие и горячие!

ИСКАНДЕР. Всенепременно!

Сергей уходит. ЕЛЯ поднимается с дальней скамейки, идёт к Искандеру.

ЕЛЯ. Пойдём. Чай готов. Я уже всё накрыла.

ИСКАНДЕР. Не обижайся, малыш, не получится. Времени нет вообще. Мне и так гнать придётся, навёрстывать. В другой раз, ладно? Маму твою я всё равно уже повидал. Так что попейте без меня.

ЕЛЯ. Саш...

ИСКАНДЕР. Что Ёлочка?

ЕЛЯ. Спасибо тебе... И прощай.

ИСКАНДЕР. Что это ты таким замогильным голосом? Хоронить что ли меня собралась?

ЕЛЯ. Не тебя. Я всё сделаю, как ты просишь. Я не убегу. Но я... Меня не будет, Саш, я знаю.

ИСКАНДЕР. Никто ещё не помирал от школьных уроков. Классную твою я видел, объяснил всё, она с тобой позанимается. А летом ты ко мне в гости, как договорились, ладно? Может, и на море вырвемся, хоть денька на три. Я сам за тобой заеду. А если что случится, позвонишь. И я буду. Часто. Мобильник не потеряла? Научилась уже набирать?

ЕЛЯ. Ага. Тут не сложно (*вытаскивает из-за пазухи висящий на шнурке сотовый*).

ИСКАНДЕР. Правильно, там и держи, чтобы глаза не мозолил. Денег я тебе на счёт много положил, не экономь. Ну, давай! Не скучай! У нас ещё всё впереди!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

У ИСКАНДЕРА в кабине попутчик – СВЯЩЕННИК. Под гул мотора продолжается разговор.

ИСКАНДЕР. Но всё равно это грех, я же понимаю. И как его

смывать... Деньгами ведь прощение не купишь.

СВЯЩЕННИК. В вашем случае и деньги могут помочь. Отчасти, конечно. Но вы их подаёте страждущим, и не по расчёту, а по велению души. Это хорошее начало. Вам следует в храме побывать, исповедаться, причаститься. Тогда и прозрение может прийти, и ответы появятся...

ИСКАНДЕР (*перебивая*). Бывал я уже. Не для меня это, тут нужно сызмальства приучаться. Вот я вас не знаю, даже имени вашего...

СВЯЩЕННИК. Отец Михаил.

ИСКАНДЕР. Очень приятно. Хотя и не важно. Через тридцать километров вы сойдёте, и я вас больше не увижу. Поэтому и рассказываю легко, не стесняюсь. А вы слушаете внимательно, ведь рядом нет очереди на исповедь. И вообще там вы на работе...

СВЯЩЕННИК. На службе.

ИСКАНДЕР. Это всё равно. Тут вы узнали обо мне гораздо больше, значит, и посоветовать сможете. Ладно, денег я ей ещё пришлось, не допущу, чтобы ребёнок бедствовал. Но стоит ли мне там появляться? Ей ведь нормальный парень нужен, ровесник или чуть постарше. А я в отцы гожусь. Если будет меня ждать, она себе никого так и не найдёт. И в то же время ей сейчас одиноко...

СВЯЩЕННИК. Вы ввели её в соблазн. Грех и на ней тоже. Конечно, не столь тяжкий, как на вас. Если бы дело закончилось браком, венчанием...

ИСКАНДЕР (*перебивая*). Зачем? Зачем мне такая жена? Я же к ней, как к дочери, женщины не чувствую. И я ей зачем такой? Когда она повзрослеет, я уже стариком стану.

СВЯЩЕННИК. Не совсем уж стариком. Таких браков сейчас очень много. Не говоря уж...

ИСКАНДЕР. Только не надо о библейских временах.

СВЯЩЕННИК. Не буду. И уговаривать вас не буду, сами всё решите. Но постарайтесь, чтобы решение шло не от умствований ваших, а оттуда (*показывает вверх*).

ИСКАНДЕР. Там про меня давно забыли.

СВЯЩЕННИК. Там ни о ком не забывают.

Звонит сотовый. Искандер прикладывает его к уху.

ИСКАНДЕР. Алло! Ёлка, ты? (*Глушит мотор.*) Почему это я тебя бросил? Ну что ты такое говоришь? Я только сегодня границу пе-

реехал, а оттуда звонки не проходят. Я бы тебе через пару часов позвонил, когда в городе деньги на счёт положу. Конечно, соскучился. Ещё как. Да скоро мы увидимся, скоро. До тебя отсюда полтора дня пути. Но я же ещё спать должен, так что не меньше двух. В среду к вечеру, нет, скорее к утру четверга буду обязательно. Вспоминал, всё время вспоминал, я тебе даже подарок купил. Какой? Не хочу говорить, сама увидишь. Очень-очень просишь? Ну что ты, как маленькая, подожди, а то сюрприза не получится. Очень важно знать? О, Господи... Ну хорошо, скажу. Медвежонка я тебе купил. Мягкого такого. Большого. Чего ты там хлюпаешь? Не слышу. Говори громче.

ГОЛОС ЕЛИ. Сашенька... Я думала, ты меня забыл. Ты больше месяца не звонил. И до этого всё реже...

ИСКАНДЕР. Да у меня тут одна командировка за другой.

ГОЛОС ЕЛИ. Я ждала... Даже в ванну с собой мобильник брала. И в кровать.

ИСКАНДЕР. Ну прости, завертелся. Хотелось не по телефону. А чтобы приехать, надо заработать. Ничего, теперь уже недолго осталось. Как ты там? С алгеброй справляешься?

ГОЛОС ЕЛИ. Не надо об этом. У меня мало времени.

ИСКАНДЕР. Ой, я не подумал. Ладно, сегодня же положу на твой счёт. Давай, я со своего перезвоню.

ГОЛОС ЕЛИ. Нет!

ИСКАНДЕР. Ты так кричишь... прямо испугала...

ГОЛОС ЕЛИ. У меня на счёте ещё много. До конца жизни не истратить. Я серьёзно. Мне осталось минут пять... или меньше. Я их уже съела.

ИСКАНДЕР. Что съела?

ГОЛОС ЕЛИ. Таблетки. Мамины снотворные.

ИСКАНДЕР. О, Господи! Много?

ГОЛОС ЕЛИ. Не знаю... там, в баночке... я их все проглотила.

ИСКАНДЕР. Зачем?!

ГОЛОС ЕЛИ. Ты же знаешь, я дура. Тебя нет, а они... Я больше не могу. Они стояли и смеялись. Даже из других классов пришли. А Гиппа сказала, что так теперь будет всегда... Я бы вытерпела, если бы знала, что ты... Я глупая... не дождалась. Теперь медвежонка не увижу...

ИСКАНДЕР. Почему ты не позвонила?

СВЯЩЕННИК. Скажите ей, что это грех! Страшный грех!

Искандер отмахивается.

ГОЛОС ЕЛИ. Ты же пропал... Я себе слово дала... что первой звонить не буду. Я и сейчас не стала бы. Хотелось попрощаться... Ты не бойся, это не больно, я просто усну.

ИСКАНДЕР. Ёлка! Срочно беги в ванную! Слышишь? Срочно!

ГОЛОС ЕЛИ. Не могу. Ноги... как чужие... Я уже...

ИСКАНДЕР. Собери всю силу воли! Ты сильная. Ты сумеешь. Ну, давай же! Давай! Ты сейчас где?

ГОЛОС ЕЛИ. Уже в коридоре...

ИСКАНДЕР. Ещё немного! Ну же, давай! Дошла?

ГОЛОС ЕЛИ (*приглушённо*). Да...

ИСКАНДЕР. Открой кран и пей! Как можно больше выпей воды.

ГОЛОС ЕЛИ (*сквозь шум воды*). Сейчас...

ИСКАНДЕР. Выпила? Хоть сколько-нибудь? Теперь пальцы в глотку, поглубже. Ну! Давай!

ГОЛОС ЕЛИ. Не получается...

ИСКАНДЕР. Получится! Ёлка! Ради нас с тобой! Ради меня! Давай же, милая моя, маленькая! Ну, давай же!!!

ГОЛОС ЕЛИ (*хрипло*). Саша... Сашенька...

Стук. Шум воды.

ИСКАНДЕР. Ёлка!!! Ёлочка...

СВЯЩЕННИК. Почему вы ей не сказали, что это грех? Самый страшный грех!

ИСКАНДЕР. Я много не успел сказать... Нет! О, чёрт! Она должна... Идите, святой отец, я сейчас могу такого наговорить...

Священник вылезает из кабины, но тут же заглядывает обратно.

СВЯЩЕННИК. Я помолюсь за неё. Как её зовут?

ИСКАНДЕР. Еля... ах, да, Елена.

СВЯЩЕННИК (*уходя*). Ели какие-то... ёлки... Скоро Лиственницей назовут. Или того хуже... Пихтой.

Священник вдалеке голосует другой машине. Искандер, словно проснувшись, хватает сотовый, набирает номер.

ИСКАНДЕР. Сергей! Это Сашка... Искандер... Узнал? Слу-

шай... Ёлка наглоталась таблеток. Да, суицид. Она у себя в ванной, потеряла сознание, мы как раз говорили по телефону. Я тебя умоляю... Только ты можешь её спасти. Пожалуйста... Тебе далеко ехать?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Недалеко. Я сейчас на вызове в соседнем доме. Но как я ворвусь в чужую квартиру...

ИСКАНДЕР. Сваливай всё на меня! Только вытащи её!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. А ты уверен, что она не врёт? Может, проверяет тебя? Я ворвусь, а она сидит, телевизор смотрит.

ИСКАНДЕР. Нет! Она никогда не врёт. Помоги! Я заплачу тебе... много... Только ты...

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ой, заткнись! Заплатит он... Слушать противно!

ИСКАНДЕР. Серёжка... мы ведь с тобой дружили... Я никогда ни о чём не просил... Ну как мне тебя уговорить?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Никак. Я уже около их подъезда. Готовлюсь к штурму. Ох, Искандер, вечно я с тобой вляпываюсь в истории... Ну всё, отключаюсь. Потом перезвоню.

Искандер опускается на землю, сжимает лицо руками.

ИСКАНДЕР. Господи... Помоги, Господи, не дай ей умереть! Я не оставлю её... клянусь, я её больше никогда не оставлю... Жить для неё... для неё одной... Господи! Только прости меня... Только верни...

Сцена 2

На скамейке в больничном двореке СЕРГЕЙ возится
в своём медицинском чемоданчике.
Вбегает ИСКАНДЕР.

ИСКАНДЕР. Как она?

СЕРГЕЙ. Уже ходит. Первый день только под капельницей пролежала. Повезло девке, что мы ей сразу желудок промыли, эта гадость всосаться не успела.

ИСКАНДЕР. Что бы я без тебя делал...

СЕРГЕЙ. Ладно уж, кончай сантименты. Ты с ней созвонился?

ИСКАНДЕР. Нет! Никто не отвечает.

ДРАМАТУРГИЯ

СЕРГЕЙ. Ну да, сотовый её, наверно, дома остался. А маманя принести не догадается. Может, и специально его спрячет.

ИСКАНДЕР. Бог с ним, с телефоном. Меня в палату пустят?

СЕРГЕЙ. Лучше я её сюда позову. Только подожди, у них сейчас процедуры.

ИСКАНДЕР. Это хорошо. У меня к тебе просьба. Я тогда сказал, что везу ей медвежонка. Игрушечного. Большого. Соврал. Теперь срочно нужно купить, а я ничего подходящего найти не могу, всё какие-то зайцы, львы, а мишка попался только один – ядовито зелёный. Где у вас можно приличного зверя найти?

СЕРГЕЙ. Не знаю, я Славке игрушки давно не дарил. Но медведь у меня есть. Прямо в упаковке. Большая одна притащила, огромная, говорит, вам благодарность. И действительно огромная, вернее, объемная. Домой его не понёс, там и так от барахла продохнуть негде. Лежит на станции в моём шкафу. По-моему, это самое то.

ИСКАНДЕР. Красивый?

СЕРГЕЙ. Вроде ничего. Чёрный с белым.

ИСКАНДЕР. Пойдёт. Надо же её утешить. Ты с ней говорил?

СЕРГЕЙ. Конечно. Мы два дня только этим и занимаемся. Подружились уже.

ИСКАНДЕР. Так из-за чего она...

СЕРГЕЙ. Из-за всего вместе. Дома маманя со своими закидонами, в школе сплошная дедовщина, вернее, девковщина, к тому же учителя постоянно ругают. Да тут ты ещё звонить перестал. Гипотенуза поначалу к ней подобрела, Ёлка твоя уже четвёрки стала приносить. Но тут эта стервоза узнала, что ты исчез, и как с цепи сорвалась. Так девчонку зачморила, что уже в других классах знали, мне Славка рассказывал, а ведь он в «Б» учится. А последней каплей стали полы. Вернее, занавески.

ИСКАНДЕР. Полы, занавески? Ничего не понимаю.

СЕРГЕЙ. Нормальному человеку это сложно понять. У них в школе постоянные поборы. Я уже привык, но по карману бьёт ощутимо. А тут к концу года ждали какую-то комиссию и решили содрать с родителей ещё и на занавески. Ну а Ёлке, понятное дело, денег взять негде.

ИСКАНДЕР. Да чего они её в покое не оставят...

СЕРГЕЙ. Как чего? Принцип. Всё он, родимый. Папа из принципа не помогает, мама из принципа денег не попросит, а учителя,

как особо принципиальные, девчонке ни копейки не простят. Говорят, Гипотенуза где-то с Ёлкиным папахеном встретилась. Возможно, даже пообещала, что уломает дочку выйти на него через голову матери. А Ёлка – дитя своих родителей, тоже упёртая. Тоже принцип превыше всего. Скорее умрёт, чем...

ИСКАНДЕР. Я бы с таким отцом тоже разговаривать не стал.

СЕРГЕЙ. А что, ты не упёртый? И я тоже. В одной стране, чай, живём. Но математичке уж больно хотелось Елю продать, явно ей барыш за это светил. И она придумала. Ребята в классе должны мыть полы, помнишь, эти дежурства проклятые?

ИСКАНДЕР. Когда нас с тобой к труду приучали? Как не помнить! Изуверский способ. И эти постоянные выяснения, чья очередь, ругань – чуть ли не до драк.

СЕРГЕЙ. Вот-вот. Я после того трудового воспитания мытьё полов до сих пор ненавижу.

ИСКАНДЕР. И я.

СЕРГЕЙ. И дети наши тоже. Причём до бунта. Родительский комитет из-за этого предложил скинуться на оплату уборщицы, вроде уже нашли кого-то. И тут Гипотенуза решила, что огненные полы будет мыть Катусева, отработывая таким образом свои долги.

ИСКАНДЕР. Стерва! Как их только к детям подпускают...

СЕРГЕЙ. Давай без эмоций. Мытьё – это ещё полдела, она устроила из него целое шоу. Стояла в дверях, сзади толпились ребята, смотрели, как Еля орудует шваброй, подавали советы, хохотали. Под конец классная сказала, что так будет каждый день. Девчонка пришла домой, написала записку и достала заранее приготовленный пузырёк.

ИСКАНДЕР. И что, вот это всё сойдёт с рук?

СЕРГЕЙ. Не знаю. Вообще-то шуму много. Журналисты из области звонили, с минуты на минуту нагрянут. Но директриса своих учителей всегда покрывает. А у этой геометрической тётеньки ещё и стаж какой-то чудовищный.

ИСКАНДЕР. Вот это меня всегда поражало. Если садюга мучает детей не год-два, а тридцать лет, то ей за это надо платить в разы больше и какую-нибудь медаль привесить.

СЕРГЕЙ. Угу. Не удивлюсь, если привесят. Сейчас наверняка выйдет сухой из воды, а через пару лет...

ИСКАНДЕР. Не выйдет! Я доведу до суда! Телевидение приглашу... из Москвы... А для начала...

ДРАМАТУРГИЯ

СЕРГЕЙ. Ты куда? Подожди! Стой, тебе говорят!

ИСКАНДЕР. Хочу в глаза её змеючные посмотреть. Ведь договорились же...

СЕРГЕЙ. Тише. Сперва остынь, а то дров наломаешь, я тебя знаю. И ещё послушай кое-что, я тебе не всё рассказал.

ИСКАНДЕР. Ну, давай, не томи. С Ёлкой что-то? Осложнения?

СЕРГЕЙ. Хм. Слово подходящее. Именно осложнения.

ИСКАНДЕР. С печенью?

СЕРГЕЙ. Нет. Не в том смысле осложнения. Не в медицинском. Хотя и в медицинском тоже. Её тут тщательно осмотрели и обнаружили, что она... Беременна эта тихоня, представляешь? Два месяца уже.

ИСКАНДЕР. Да... два месяца и двенадцать дней...

СЕРГЕЙ. Понятно. Была мыслишка, подумал я на тебя, но прогнал её прочь. Н-да. Я никому не судья, но ты что же, не понимаешь, что дело подсудное?

ИСКАНДЕР. Чего уж тут не понять. Случайно получилось. Я не знал, сколько ей лет. Когда разглядел, сам испугался. Как видишь, недаром. Ко всем её неприятностям только этой ещё не хватает. Вы ей сказали?

СЕРГЕЙ. Конечно.

ИСКАНДЕР. Переживает?

СЕРГЕЙ. Реакция очень странная. Она обрадовалась. Об аборте и слышать не хочет. Только боится свою мать. Расспрашивала меня, могут ли насильно это сделать, если та не разрешит. Я Ёлку успокоил, что решать будет только она сама. Кстати, пытался выяснить, кто отец ребёнка – молчит, как партизанка.

ИСКАНДЕР. Это очень опасно в её возрасте?

СЕРГЕЙ. Весьма нежелательно. Особенно аборт. Но и роды... И времени на раздумья мало, а то поздно будет. Ты уж на себя это возьми, ты один сумеешь её убедить. Куда она такая беспомощная с ребёнком... А вот и Ёлочка наша собственной персоной, из окна, наверно, тебя увидела. Я вас оставлю, сами разбирайтесь. Пойду мишку принесу.

Появляется ЕЛЯ в халате. Тыкается лицом в грудь Искандеру и замирает.

ИСКАНДЕР. Не делай так больше, ладно?

ЕЛЯ. Не буду.

ИСКАНДЕР. Не будешь. Я тебе не дам. Я тебя больше не оставлю. Заберу отсюда и всё.

ЕЛЯ. Ты теперь со мной вообще не захочешь... Но пусть... Я и одна проживу... Я уже не буду одна... Я должна тебе кое-что сказать... Но подожди... хоть пару минуток ещё...

ИСКАНДЕР. О ребёнке что ли?

ЕЛЯ. Ты уже знаешь... Только не уговаривай меня. Я всё решила. Пусть он будет. Я понимаю, он никому не нужен, и тебе тоже. Ну и пусть. Пусть без тебя... Не проси, чтобы я его...

ИСКАНДЕР. Ёлка, что с тобой? Я что, похож на детоубийцу?

ЕЛЯ. Ты тоже хочешь, чтобы он был? Правда?

ИСКАНДЕР. Сложный вопрос. Если бы его ещё не было, а ты предложила завести детей, я бы, наверно, стал тебя отговаривать. Но он уже есть. И от этого никуда не денешься.

ЕЛЯ. Ну почему... Его ещё нет. Мне все говорят, что не поздно. Но я не хочу...

ИСКАНДЕР. Почему это его нет? Потому что мы его не видим? Ты так выйдешь из комнаты, а я скажу, что тебя нет. Он просто пока прячется, но он живёт, у него бьётся сердце, бежит кровь по сосудам, он всё чувствует, всё слышит. Скоро шевелиться начнёт. И он не хочет умирать, если к нему полезут с ножом, он станет уворачиваться...

ЕЛЯ. Знаю! Я по телевизору видела. Нет-нет, я не дамся. Но если мама... Она может посадить тебя в тюрьму, а меня... Сергей Алексеевич говорит, что насильно мне это не сделают, но я же несовершеннолетняя, за меня всё мама решает. А она не позволит...

ИСКАНДЕР. Зато я совершеннолетний, даже дважды. И теперь решать буду я, это и мой ребёнок. Только нам нужно расписаться.

ЕЛЯ. Но мне же не разрешат.. И потом ведь ты просил никому не говорить...

ИСКАНДЕР. Теперь скрывать нет смысла. Все и так скоро узнают. А если дойдёт до суда... Могут и условный срок дать. Вряд ли надолго посадят, я же буду кормильцем семьи. Надо с юристами посоветоваться. Но опять же всё зависит от тебя: если ты согласна стать моей женой, мы всех заставим с нами считаться. Хотя, конечно, на жену ты никак не тянешь. Дитя совсем. Ну ничего, это как раз быстро проходит.

ЕЛЯ. А жить мы будем у тебя?

ИСКАНДЕР. Да, пока у мамы. Она тебе будет помогать на первых

ДРАМАТУРГИЯ

порах. Потом в городе квартиру снимем. А дальше, может, и купим.

ЕЛЯ. А твоя мама на меня не обидится? Ну что я вот так, с ребёнком...

ИСКАНДЕР. Нет, ты ей понравилась. Если кого и пожурит, то только меня, это же я виноват. По-моему, она будет только рада.

ЕЛЯ. А моя меня проклянет.

ИСКАНДЕР. Может. Мне надо с ней поговорить. Сегодня же. Н-да... вот уж врагу не пожелаешь.

Сергей издалека показывает Искандеру большой пакет и прячется за машиной. Искандер подходит к нему и возвращается с медвежонком.

ИСКАНДЕР. Ну вот, как обещал. А то медведи в ваших краях давно не водятся.

ЕЛЯ. Это панда.

ИСКАНДЕР. Н-да. Наверно. Это плохо?

ЕЛЯ. Я просто удивилась. Ты говорил «медвежонок», и я себе представила... ну, обычного. А о панде я в детстве мечтала. У моей подружки была панда, такая лапушка...

ИСКАНДЕР. Подружка?

ЕЛЯ. Нет, панда. Ирка тоже была хорошая, она потом уехала, и я уже ни с кем так больше не дружила. Я ей немного завидовала, у неё игрушки были, фильмаки... супер.

ИСКАНДЕР. Ну теперь и у тебя есть.

ЕЛЯ. Да. Спасибо. Ты как знал. Но теперь это уже не мне, это ему пойдёт.

ИСКАНДЕР. Кому?

ЕЛЯ. Ребёнку.

ИСКАНДЕР. Э, нет, так мы не договаривались. Зверь только твой. А малышу мы других накупим, целую кучу.

ЕЛЯ. Ага. А как подрастёт, ещё и железную дорогу.

ИСКАНДЕР. Обязательно.

ЕЛЯ. Она только очень дорогая.

ИСКАНДЕР. Как-нибудь наберём.

ЕЛЯ. Ага. Ты не бойся, я тоже буду зарабатывать. Ведь есть же работы, где образование не обязательно: дворник там, уборщица.

ИСКАНДЕР. Почему это ты решила в дворники идти? У тебя будет хорошее образование. Какое только пожелаешь.

ЕЛЯ. Ты хочешь, чтобы я опять пошла в эту школу? Чтобы я опять...

ИСКАНДЕР. В эту школу ты больше никогда не пойдёшь. Даже порог её не переступишь. Но есть и другие. И совсем не обязательно туда ходить каждый день. Будешь сидеть с малышом и потихоньку читать учебники. А потом сдавать по этим предметам зачеты и экзамены. Начитала историю – пошла и свалила. Потом физику, потом геометрию. Математикой с тобой Вера Михайловна занимается. Всё ты прекрасно сдашь. А дальше в университет поступишь. Если захочешь, даже раньше, чем твои одноклассницы – экстерном школьную программу можно гораздо быстрее пройти.

ЕЛЯ. Здорово. Я слово «экстерн» слышала, но думала, это только для больных.

ИСКАНДЕР. Это для всех, кому проблемно ходить в школу.

ЕЛЯ. Мне всегда было проблемно.

ИСКАНДЕР. Ты говорила. Мне надо было раньше тебя забрать, увезти отсюда. Я не понял, насколько тут всё запущено. Недооценил. Прости меня. Чего ты так улыбаешься?

ЕЛЯ. Ты просишь прощения... У меня никогда никто его не просил. Только меня заставляли.

ИСКАНДЕР. Они все должны прощенья у тебя просить. И классная твоя, и девчонки, и мама. И отец тоже. Как бы я хотел их всех заставить... И наверно, смог бы, если меня сильно разозлить, я... в общем, лучше со мной не связываться. Но придётся сдерживаться: какие бы они ни были плохие, я хуже, я преступник. И сейчас мне предстоит самый неприятный разговор в жизни.

ЕЛЯ. С мамой?

ИСКАНДЕР. Да. От него очень много зависит.

ЕЛЯ. Я пойду с тобой.

ИСКАНДЕР. Нет, тебе нельзя волноваться. Ты теперь не одна, помни. Ну, давай, благослови меня на ратный подвиг, перекрести.

ЕЛЯ (*крестит его*). А это помогает?

ИСКАНДЕР. Не знаю. Вот мы и проверим.

Сцена 3

Комната. ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА вяжет, ЛАРИСА ЛЬВОВНА пьёт чай.
Звонок. Лариса Львовна выходит и возвращается с ИСКАНДЕРОМ.

ИСКАНДЕР. Здравствуйте. И приятного аппетита.

ДРАМАТУРГИЯ

ЛАРИСА ЛЬВОВНА. Вам налить?

ИСКАНДЕР. Нет-нет, спасибо. Извините, мне нужно поговорить с Татьяной Николаевной. Наедине.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. У меня нет секретов от моей подруги.

ИСКАНДЕР. Зато у меня есть.

Лариса Львовна пожимает плечами и возмущённо удаляется.

ИСКАНДЕР. Ещё раз извините, но нам сейчас предстоит решать судьбу вашей дочери. И посторонние люди...

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Лариса для меня не посторонняя. А вот вы кто такой? Откуда вы вообще взялись? Что вам от меня надо?! Что вам надо от моей Лены?

ИСКАНДЕР. К великому моему сожалению, надо. Много чего. И предлагаю сбросить обороты. Я тоже человек нервный. Хотите, чтобы я сейчас начал так же орать? Я ведь простой, тупой шоферюга, и материться могу не по-детски, несмотря на моё когда-то незавершенное высшее. Да-да, в пробках перед таможенным постом и не такому научишься.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Если вы позволите в моём доме нецензурщину, я вызову милицию.

ИСКАНДЕР. И мы часа два проведём в отделении за составлением протоколов. Не лучше ли просто поговорить?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Мы и так уже говорим. Только не понятно, о чём. Это ваше занудство...

ИСКАНДЕР. Вы понимаете, что Елене нельзя возвращаться в вашу семью и в свою школу?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. А вот это вас не касается. Я должна быть вам благодарна, что вы позвонили тому врачу, и он помог Леночке. Хотя вёл себя так бесцеремонно... И до этого вы поддерживали девочку деньгами и вниманием. Но это не даёт вам права влезать во внутрисемейные дела.

ИСКАНДЕР. То есть, когда вашу дочь выпишут, вы проведёте с ней разбор полётов, после чего всё останется по-прежнему?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. А вы что, хотите отправить её в детский дом? К отцу?

Татьяна Николаевна рвёт нитку и швыряет недовязанный шарф по столу.

Искандер поднимает упавший клубок, спокойно втыкает в него спицы.

ИСКАНДЕР. Елена будет жить у меня.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Не фантазируйте!

ИСКАНДЕР. Никаких фантазий. Вы знаете, что она ждёт ребёнка?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА (*после длинной паузы*). Какая мерзость! Впрочем, я не удивляюсь. После всех её путешествий... Правильно Лариса говорит, что мы с ней обе бездетные, потому что это – тоже не дочь... Это чужая отвратительная особа. К тому же ещё и падшая.

ИСКАНДЕР. Милая у вас реакция на известие, что вы станете бабушкой.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Бабушкой? А что уже ничего нельзя сделать?

ИСКАНДЕР. Елена хочет этого ребёнка и не даст согласия на аборт. И я не дам.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. А вы... Вон оно что! Благодетель! А не думаете ли вы, господин меценат, что по вам тюрьма соскучилась?

ИСКАНДЕР. Вот об этом я и пришёл с вами поговорить. Вы вправе подать на меня заявление, что я... ну да, это самое с вашей несовершеннолетней дочерью. Я не буду отрицать. Дело дойдёт до суда. И меня могут посадить. Кстати, не факт, возможен и условный срок, и вообще суд может не состояться. В этой статье есть одно уточнение: осудить могут, только если человек знал, что имеет дело с несовершеннолетней. Я не знал, и Еля это подтвердит.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Не называйте её этой ужасной кличкой!

ИСКАНДЕР. Хорошо, не буду. Предположим, вы всё же отправите меня на нары. Но что при этом будет с девочкой? Она ведь уже пыталась наложить на себя руки.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Вы хотите сказать... А не кажется ли вам, что это – просто шантаж?

ИСКАНДЕР. Её попытка не была шантажной, и вы это прекрасно знаете. А она тогда даже не знала о беременности. Теперь представьте, что она почувствует, если я окажусь в тюрьме, на неё весь город будет показывать пальцем, да ещё в семье... Ведь она вас после этого возненавидит, неужели вы не понимаете?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Особой любви ко мне у неё никогда не было. Вся в отца...

ИСКАНДЕР. Допустим, вы правы, и Елена действительно плохая, неблагодарная дочь. Тогда тем более, зачем держать и кале-

чить девочке жизнь? Отпустите её, дайте создать семью, родить ребёнка. Да, конечно, это очень не вовремя, она слишком юна, но это уже случилось. Давайте исходить из реальности.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. То есть вы просите... м-м... чтобы я добровольно отдала вам свою дочь?

ИСКАНДЕР. Она не вещь. Я прошу только, чтобы вы позволили ей самой сделать выбор. Чтобы вы дали разрешение на брак, к сожалению, такая бумага потребуется.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Жених... Вам сколько лет-то?

ИСКАНДЕР. Скоро сорок.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. На пять лет больше, чем мне. Вы даже для меня были бы слишком старым, а тут пятнадцатилетний ребёнок. Причём только сравнялось...

ИСКАНДЕР. Ладно. Старый, противный, безнравственный, преступный. Какой я там ещё... Но вы что предлагаете? Конструктивно что?

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Ничего. Я устала. Я долго не проживу. Может, это даже к лучшему, что вы меня от неё освободите. Просто больно сознавать, что вот так растила-растила, положила на это всю свою жизнь, а в благодарность... До рождения Лены я была цветущей, красивой девушкой. Потом роды, я заболела, и всё покатилося... И ради чего... Чтобы моя дочь начала вытворять Бог знает что, ещё соплячкой полезла под мужиков... Впрочем, вам это не понять.

ИСКАНДЕР. Отчего же. Понимаю. Сочувствую. Но девочке вашей сочувствую куда больше. Она – чудесный человек. Но вы это разглядите гораздо позже, сейчас обида застилает вам глаза. Так вы подпишете разрешение? У меня и бланк с собой.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Я бы с удовольствием подписала заявление в милицию. По судам только ходить не хочу, тем более с моим здоровьем (*подписывает*).

ИСКАНДЕР. Я не обижаюсь. Отношения между тещей и зятем редко бывают хорошими. Ещё вот здесь роспись. Спасибо. Но у нас с вами, мне кажется, всё наладится: жить будем далеко друг от друга, и делить нам нечего.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Ой, ради Бога! Эти ваши сентенции... Всё-таки вы на редкость нудный человек!

Сцена 4

ЕЛЯ задумчиво сидит на скамейке, обнимает медвежонка. ИСКАНДЕР издаലെка показывает на неё СЕРГЕЮ.

ИСКАНДЕР. Вот тебе мой сотовый. Зафотографируй её с этим зверем, а потом нас вместе, ладно?

ЕЛЯ. С медведем меня фоткаете? Как маленькую...

ИСКАНДЕР. Да. Последние снимки Ёлкиного детства. Через час ты у нас резко повзрослеешь.

ЕЛЯ. Как это?

ИСКАНДЕР. Ты теперь солидная дама, невеста серьёзного, немолодого человека, без пяти минут жена. Нужно соответствовать. Мы сейчас отправимся в магазин и купим тебе что-нибудь элегантное, долой растянутые свитера с чужого плеча! И в парикмахерскую зайдём. Я хочу, чтобы все запомнили тебя очень красивой.

ЕЛЯ. А панду куда?

ИСКАНДЕР. В машину, конечно. Пусть посидит, порулит на моём месте.

Еля, Искандер и Сергей уходят. Приближается ритмичная музыка. К скамейкам подбегают девчонки, одна щелкает кнопками плеера, протягивает другой наушники. Пританцовывают. Воровато оглядываются, достают сигареты.

1-я. Опять этот Елькин папик появился.

2-я. Ага. Рожа такая, воще.

3-я. А чёй-то он к ней повадился, родственник что ли?

2-я. Родственники не поваживаются. Они раз в год приезжают, а то и реже.

1-я. Ты чё, хочешь сказать, что этот тип её клеит?

3-я. Кого, Ельку что ли? Как её клеить-то можно... Из всего отстоя самая последняя.

2-я. А сам-то он какой. Старый совсем. Вот и нашли друг друга.

3-я. Это из-за него что ли она колес нажралась?

1-я. Да, вопросик. Я поначалу думала, что Елька просто зависнуть хотела, да дозу перебрала. Но у неё, оказывается, записка лежала, значит, правда.

2-я. Это из-за полов. Когда её мыть заставили. У Гиппы совсем крыша поехала, строит Ельку по любому пустяку.

ДРАМАТУРГИЯ

3-я. Так ей и надо. Договорилась бы со своим папахеном, Гиппа от неё бы сразу отстригла.

4-я. Ну да, только выдоила бы всё до рубля.

3-я. Фазер богатый, у него на всех хватит. Нечего упираться было.

1-я. Её теперь этот папик обеспечит.

3-я. У фазера бабла в сто раз больше.

2-я. Зато этот не напрягает, ведь он не родак. Полапает и даст на мороженое.

1-я. А может, не только лапает?

2-я. Может. Но что лапает, это точно. Сама видела, как он её сзади в шейку – чмок!

3-я. Улёт! Надо же, Елька! Обалдеть!

Приближаются голоса. Выходят Искандер и ДИРЕКТРИСА школы.
Девочки прячутся за скамейку.

ДИРЕКТРИСА. Все ваши претензии абсолютно не обоснованы. Вы не знаете специфику школьной жизни, обучения, воспитательного процесса. Вы осуждаете преподавателя, глядя на ситуацию только с одной стороны. А тут много разных аспектов...

ИСКАНДЕР (*перебивая, еле сдерживая ярость*). Кудряво говорите. А я человек простой, шофер, университетов ваших не кончал. И мыслю по-простому. Семья Катусевых – они люди бедные?

ДИРЕКТРИСА. Они могли бы быть и не...

ИСКАНДЕР. Я не спрашиваю, что могло быть. Сейчас они бедные?

ДИРЕКТРИСА. Да, из-за неразумного поведения психически нездоровой матери.

ИСКАНДЕР. Если она психически нездорова, какое же у неё может быть разумное поведение! Разумное поведение должно быть у вас и ваших подчинённых, вы за это зарплату получаете...

ДИРЕКТРИСА (*перебивая*). И вы знаете сумму этой зарплаты?

ИСКАНДЕР. Неважно. Это ваша работа. Преподаватели, как я понимаю, должны не только давать знания, но и быть психологами, обладать педагогическим тактом, вести воспитательную работу. Так?

ДИРЕКТРИСА. Что за демагогия!

ИСКАНДЕР. Это демагогия? Я что-то не так сказал?

ДИРЕКТРИСА. Всё так, но при чём...

ИСКАНДЕР. При том. Ваша умудрённая каким-то сверхесте-

ственным опытом преподавательница на протяжении нескольких лет требовала от нищей семьи денег, которые люди заведомо не могли заплатить. Вы об этом знали?

ДИРЕКТРИСА. Классный руководитель сам ничего не решает, а я тем более. Размер суммы, которая идёт на улучшение условий обучения, определяется на родительском собрании путём голосования. Потом она раскладывается поровну на количество учеников. А учителю всего лишь сдают деньги.

ИСКАНДЕР. Родители не знали, как живут Катушевы? Что девочка голодает?

ДИРЕКТРИСА. У нас много необеспеченных семей. Так что же теперь...

ИСКАНДЕР. Таких, как Катушевы? Где на хлеб не хватает?

ДИРЕКТРИСА. Разные есть. Но если хоть кому-то сделать поблажку, за ним потянутся и остальные.

ИСКАНДЕР. Ничего не понимаю. Зачем тогда этим детям какие-то занавески? Если ваши ученики столь бедны... Вырвать у подростка кусок изо рта, чтобы повесить тряпку...

ДИРЕКТРИСА. Эти бедные семьи умудряются тратить огромные деньги на самогон. Пусть выпьют на десяток стаканов меньше.

ИСКАНДЕР. У Катушевых никто не пьёт.

ДИРЕКТРИСА. Спиртное – да. Зато на лекарства у её матери ходят весьма солидные деньги. Откуда-то она их берёт.

ИСКАНДЕР. Вы изучали психологию, и не можете не знать, что человек с зависимостью никогда не сократит своё потребление. Мать Елены не купит меньше лекарств, а ваши алкаши – самогона. Деньги, которые вы из них выбиваете, идут из питания и одежды детей. И вы это прекрасно понимаете. Так стоит ли занавеска в классе... Погодите, а ведь там висели совсем новые, тюлевые, я сам видел. Куда они делись?

ДИРЕКТРИСА. В последний раз, насколько я знаю, родители покупали занавески для столовой.

ИСКАНДЕР. А в предпоследний? Для учительской? Для канцелярии? А ламбрекен, что висит в вашем кабинете, тоже из коглеток и пирожных, не дошедших до детских ртов?

ДИРЕКТРИСА. При чём тут мой кабинет?

ИСКАНДЕР. Вы покупали все эти ковры, диваны, картины на свои деньги? Или там подарки спонсоров? Я знаю, вы мне не ответите, но очень хочется, чтобы у вас это спросили. Журналисты, я

ДРАМАТУРГИЯ

думаю, поинтересуются.

ДИРЕКТРИСА. Я не собираюсь им отвечать. И вам тоже.

ИСКАНДЕР. Это самое глупое – не отвечать журналистам. Не получив от вас ответа, они добудут его из другого источника, и тогда не отмоетесь. Судиться придётся ещё и с ними, вам работать некогда станет.

ДИРЕКТРИСА. Что-то вы для шофера слишком хорошо разбираетесь в психологии, в журналистике.

ИСКАНДЕР. У меня жена была редактором. А психология ваших учителей понятна и детям: вытянуть из родителей как можно больше. Для этого у вас все средства хороши: сделать из девочки штатную уборщицу, внятно объяснять тему только за деньги на дополнительных занятиях...

ДИРЕКТРИСА. Вы уже об этом говорили. Я проверю. До сих пор подобных сигналов мне не поступало.

ИСКАНДЕР. Я сам оплатил вашей математичке репетиторские уроки с Еленой, если потребуется, засвидетельствую это на суде. Думаю, таких фактов всплывёт немало.

Выбегают ребята, тузят друг друга.

ИСКАНДЕР (*грозно*). Это ещё что такое?

Директриса удерживает его, морщится. Мальчишки испуганно оглядываются на Искандера, убегают.

ДИРЕКТРИСА. Вы их всё равно не исправите. Кстати, из тех семей, что вы так защищаете. А что Катусева... в смысле её мать... в суд что ли подаёт?

ИСКАНДЕР. Могу попробовать её отговорить. Я хотел увезти Елену в другой город, чтобы она отошла после стресса. Думаю, там ей стоит и продолжить обучение. Но у вас конец учебного года... Мать наверняка будет настаивать, чтобы девочка закончила восьмой класс. На мой взгляд, возвращение в вашу школу для неё крайне нежелательно, могут быть непредсказуемые последствия.

ДИРЕКТРИСА. Оказывается, вы тоже умеете кудряво говорить, господин шофёр. Но тут я с вами согласна, если Катусева намерена уйти, лучше это сделать сейчас. Я предложу учителям выставить ей за год положительные оценки. Тем более в восьмом экзаменов нет. Зайдите послезавтра, я попытаюсь решить этот вопрос.

ИСКАНДЕР. Сегодня.

ДИРЕКТРИСА. В смысле?

ИСКАНДЕР. Решите его сегодня. Сейчас. В ваших интересах, чтобы она побыстрее уехала, пока у неё никто не взял интервью. Как только у нас на руках окажутся её документы, я сразу заведу мотор.

ДИРЕКТРИСА. А мать её с вами отпускает?

ИСКАНДЕР. Конечно. Ведь мы с ней теперь родня.

Директриса недоуменно смотрит, пожимает плечами и уходит в школьную дверь. Искандер поднимается в кабину своей машины, что-то там перекладывает. Девочки вылезают из укрытия.

1-я. Ничё себе! Как он на Дерюгу наехал... И обломал её, вот уж не думала...

2-я. Не обломал, просто она не дура, на фиг ей из-за Катусевой головную боль зарабатывать. А тут нет человека – нет проблемы.

3-я. А я знала, что Ельке всё выставят. Гиппа полгода вопила: «Не аттестую!» Куда она денется...

2-я. Елька уже сама нормально решала. Я у неё даже списывала пару раз.

3-я. Да она вообще не дура. Просто мы её зачморили. Помните, в начальной школе она даже отличницей была.

4-я. Это во втором классе ещё.

Подбегает 5-я девочка. Все собираются в кучку, шушукуются.

1-я. Да хватит тебе. Они гонят, а ты варежку раззявила – тебе туда и накидали.

5-я. Ничего не гонят! Инкина мать в больнице медсестрой работает. Она даже результаты УЗИ видела: у Ельки должен мальчик родиться.

4-я. Отпад!

2-я. Подождите... Он как Дерюге сказал? «Я им теперь родня...» Всё сходится.

3-я. Это что же получается... Елька... Раньше всех... обалдеть!

2-я. Ну и чё? Ты же за такого задрота не пойдёшь.

1-я. А я бы пошла... Серьёзно. Клёвый мужик. Если уж Дерюге хвост прищемил...

2-я. Всё равно он папик. Я бы с таким ни за какие бабки не стала.

1-я. А он и не будет за бабки. Может, он её любит.

ДРАМАТУРГИЯ

3-я. Вон идёт. Спроси, любит он или как.

1-я. А ты думаешь, слабо? И спрошу.

Девочки окружают Искандера.

5-я. А скажите... Елена Катушева... Она вправду замуж выходит?

ИСКАНДЕР. Вправду.

2-я. За вас?

ИСКАНДЕР. За меня. Ещё вопросы будут?

1-я. А вы... вы её любите?

ИСКАНДЕР. Ну, а как вы думаете? *(Девочки переглядываются.)*

Я никогда в жизни не встречал такой умной, доброй, ласковой девушки. Думал, такие только в сказках бывают. Помните, про Золушку, которую все обижали, а она прощала? Мне сразу захотелось переодеть её в бальное платье. Или просто в нарядное. И чтобы туфельки... ну пусть не хрустальные.

2-я. И что, переодели?

ИСКАНДЕР. Смотрите.

Девочки оглядываются К ним идёт ЕЛЯ в новом платье,
с модельной причёской.

ИСКАНДЕР. Ну что скажете? Разве моя невеста не похожа на принцессу?

Ему никто не отвечает. Девочки обступают Елю, трещат наперебой: «Так тебе намного лучше... каблук супер... а чего ты раньше ресницы не красила... и тени... тебе так идёт... это французские, да?» Дверь школы открывается, директриса выглядывает, делает Искандеру приглашающий жест. К девочкам подходит СЕРГЕЙ.

СЕРГЕЙ. Еля, голубка, тебя не узнать! Просто красавица!

1-я. Правда, Сергей Алексеевич? Вот и я говорю...

2-я. Чё она раньше такую причёску не делала... всё с хвостиком...

3-я *(полушепотом)*. Сергей Алексеевич, а чё, Елька больше учиться не будет?

СЕРГЕЙ. Почему?

3-я. Ну она же...

СЕРГЕЙ. И что? Учиться может каждый и в любом возрасте. Почему вы думаете, что на вашей школе свет клином сошелся? Елена может ходить в обычную, в вечернюю, заниматься дома, а потом

всё сдавать. И в вуз без проблем поступит. Она будет молодой матерью, и ей везде пойдут навстречу.

2-я (*ехидно*). Значит, вы и нам так советуете?

СЕРГЕЙ. Никаких советов я не даю – у каждого своя судьба. Но выносить вердикт – с дитём, значит, без образования... Вы прямо, как бабки на скамеечке, что в начале прошлого века родились. Те тоже всегда всё заранее знали.

4-я. Нас этим пугали... Ну, что можно залететь. И вдруг... Странно как-то...

СЕРГЕЙ. Света... ты ведь Света, да? Неужели ты не понимаешь разницы? Одно дело залететь случайно от кого-то случайного, когда ребёнок вам обоим не нужен. Потом искать врачей, калечиться. И совсем другое, когда два любящих человека захотели создать семью. Это – желанный ребёнок. Это – настоящее, оно так редко бывает. Елене можно только позавидовать и пожелать...

ЕЛЯ. Сергей Алексеевич, а где Саша?

СЕРГЕЙ. Директриса его похитила. Дела твои школьные решают. А вот и он.

Появляется Искандер с бумагами в руках, за ним директриса.
Задерживаются на пороге.

ДИРЕКТРИСА.частливого вам пути! Катушевой мои самые тёплые пожелания! Но скажите... по школе ходят слухи...

ИСКАНДЕР (*уходя*). Слухи оставьте репортёрам – это их хлеб.

Света. Еля с Сергеем выносят из подъезда её сумки, загружают в машину. Девчонки толпятся вокруг, чирикают, тискают панду.
Мужчины прощаются.

СЕРГЕЙ. На свадьбу пригласишь?

ИСКАНДЕР. Уже пригласил. Сообщу сразу, как день назначат. А может, и заеду с тобой.

СЕРГЕЙ. Я за тебя рад. Хотя не жену ты себе заводишь, а просто двух детей.

ИСКАНДЕР. Ну и прекрасно. В моей жизни уже давно детей не было. Придётся отрабатывать.

Искандер и Еля садятся в машину. На месте второго пассажира торчит голова панды.

Сцена 5

Вечер. Улица. Мужчина в дорогом костюме смотрит на часы. Это –
ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. К нему подходит ИСКАНДЕР.

ИСКАНДЕР. Владислав Андреевич?

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Он самый. А вы значит...

ИСКАНДЕР. Да. Я ваш зять. Вернее, стану им в ближайшие недели. Хотя... раз у Елены не было отца, это звучит несколько...

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. У меня мало времени. Давайте сразу к делу. Что вам нужно? Ведь вы хотите что-то у меня попросить? Деньги?

ИСКАНДЕР. Нет. Елена не хочет от вас ни копейки. Я её понимаю. Она очень нуждалась. Голодала. Вы не стали тогда помогать, пусть это будет на вашей совести. Теперь это время прошло. Вы опоздали.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. А кому я должен был помогать? Сумасшедшей, которая всё истратила бы в ближайшей аптеке? Незнакомой мне девочке, которую восстановили... Она меня заочно ненавидит, неужели я не понимаю!

ИСКАНДЕР. Отцы платят деньги не для любви, а для поддержания жизни. Вы не поддерживали, и её жизнь оказалась на волоске. Да что вам говорить...

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Я слышал об этом. Наверно, в ваших глазах я выгляжу монстром. Но я никогда не жалел денег, никогда не отказывал. Я хотел только увидеть человека, которому я это даю. В глаза посмотреть. Поговорить. Понимаете, не по почте, а вот так... как с вами. Я бы дал столько, что они забыли бы свою нищету. Но они сами не...

ИСКАНДЕР. Вы хотели посмотреть не просто в глаза, а в глаза ПРОСЯЩЕГО. А вот этого вы от них не добьетесь, особенно от Елены. В ней ведь ваши гены!

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Да, наверно. Жаль. И жаль, что вы не сможете меня понять. Чтобы понять, надо пройти через этот ад.

ИСКАНДЕР. Я прошёл. Не знаю, кому из нас было хуже. И мой сын тоже не хочет меня видеть. Но алименты я платил все годы, в этом меня никто не упрекнёт.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Я бы тоже платил, но исполнительный лист подпортил бы мне имидж. У меня сейчас новая семья,

понимаете... Я позвонил Татьяне и сказал... дословно не помню, но предложил, чтобы она подошла, когда я буду в Карпинске, число назвал, место. У меня и конверт был приготовлен. Она не пришла. Потом мне сказали, что она раздумала подавать в суд и ждёт, что я принесу сам. На блюдечке. Меня это взбесило.

ИСКАНДЕР. Зачем вы оправдываетесь?

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Н-да. Действительно. Так для чего я вам понадобился? Не для родственников, надо полагать, объятий?

ИСКАНДЕР. Отнюдь нет. Чтобы нам расписаться, Елене нужно согласие обоих родителей. Юридически вы ещё остаётесь её отцом.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Понятно. Бумага с вами?

ИСКАНДЕР. Вот.

Владислав Андреевич садится на скамейку, кладёт на колени кейс, расписывается. Потом задумчиво смотрит на лист. Пауза затягивается

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Как быстро всё...

ИСКАНДЕР. Что?

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Всё очень быстро закончилось. Я думал, будет ещё одно действие, кульминационное. Мы ещё встретимся с Леной, и я расскажу ей... Мне так хотелось, чтобы она знала... я тогда столько пережил... Я бы купил ей всё, что она захотела... Мне казалось, что ещё не поздно, она подросток, одинока, ей плохо... мне многое рассказывали. Я надеялся, что она пойдёт на контакт. И вдруг всё. У Лены семья, муж, будет ребёнок. Теперь уже... Да, не пришлось. Ладно. Передайте ей это. Я сам хотел, но...

ИСКАНДЕР. Что это?

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Кольцо её бабушки, моей мамы. Она перед смертью попросила подарить его старшей внучке, значит, как раз Леночке. Пусть ей будет хоть какая-то память о роде Волынских. Хотя Лена даже фамилию нашу не носит.

ИСКАНДЕР. Скоро она и материнскую носить не будет. Но кольцо спрячьте, Елена строго просила ничего у вас не брать, кроме подписи. А цапки передайте тем, кто реально продолжит ваш род.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Как знаете. Бабушка ни в чём не виновата, она умерла ещё до рождения Лены. Но... наверно, вы правы, ампутировать, так полностью. Прощайте.

Искандер, уходя, оглянулся. Владислав Андреевич всё там же, на скамейке, машинально крутит в пальцах кольцо.

ДРАМАТУРГИЯ

ИСКАНДЕР. Вы действительно хотите, чтобы эта ваша реликвия осталась у Елены?

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Да. Нужно выполнить мамину волю. Пусть даже в этом нет никакого смысла.

ИСКАНДЕР. Хорошо. Я передам кольцо. Если Елена не захочет его взять, пусть сама вам и вернёт. Тогда у вас появится возможность с ней встретиться.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. Спасибо. Не ожидал от вас. Вы мне показались весьма жёстким.

ИСКАНДЕР. Вы мне тоже. Поначалу. Ну что ж, прощайте.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ. А может... до свидания?

ИСКАНДЕР. Может. Всё может быть.

Сцена 6

Дом Искандера. МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА и ЕЛЯ взяты во дворе.

ИСКАНДЕР ковыряется в радиаторе своего грузовика.

Потом идёт к дому, навстречу Еля с ведром.

ИСКАНДЕР. Пустым ведром меня встречаешь! Примета дурная.

ЕЛЯ. А ты в них веришь?

ИСКАНДЕР. Нет. Но всё же. Опять к поросётам ходила? Я же предупреждал, что тебе нельзя тяжело поднимать.

ЕЛЯ. Да ничего не тяжело, там полведра всего было.

ИСКАНДЕР. Ох, видели бы тебя девчонки! Ты им запомнилась такой гламурненькой. Как узнают, что ты тут со скотиной, с огородом...

ЕЛЯ. А мне нравится. И не хочу я ни в какую квартиру. По-моему, это лучшее место на Земле. Села на автобус, и через полчаса уже в театре. А в другую сторону столько же – и уже в лесу. И здесь... ты видел, вся рассада принялась, даже какая подвяла. Ещё бы астры посадить, мне Раиса Ивановна обещала.

ИСКАНДЕР. Ну, коли Раиса дарит, надо уважить. Сажай. И вообще делай, что хочешь. И ешь так же. Малыш сам меню заказывает, ему виднее, что тебе сейчас нужно. Только к хрюшкам пореже ходи, а то родится с пятачком. Тебе сейчас положено на всё красивое смотреть.

ЕЛЯ. А они красивые, особенно Брунька. И мордашка у неё умная.

ИСКАНДЕР. Ты имеешь в виду свиное рыло?

ЕЛЯ. Это у людей бывают рыла. А у них мордочки, милые, кокетливые. За что их все так хаот? Они не грязные совсем, купаться любят.

ИСКАНДЕР. А кто ж не любит? Забаловала скотинку, неужто так и дитятку забалуешь?

ЕЛЯ. Ага, обязательно. А купаю их... ну считай, тренируюсь.

ИСКАНДЕР. Давай. Кстати, хороший тренажёр, живой. Надо вашим психологам из женской консультации посоветовать.

Еля, улыбаясь, уходит в дом. Мария Игнатьевна развешивает бельё.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Надолго едешь?

ИСКАНДЕР. Опять так же, дней на девять-десять. Ты уж пригляди за ней.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. А чего приглядывать. Нормальная, взрослая, разумная. Это она на личико дитя-дитём, а соображает не хуже тебя.

ИСКАНДЕР. Да хуже меня и не бывает. Так насоображал... Соседи в глаза смеются. К Райке в магазин зайти не могу, как увидит, рот ладошкой закрывает, чтоб не расхохотаться. А уж за спиной...

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Похихикают – перестанут. Они ещё тебе обзавидуются. Да, может, уже и начали.

ИСКАНДЕР. На что уж тут...

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. На счастье твоё. Ты таким сроду не был. Только что не летаешь.

ИСКАНДЕР. Заметила?

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Ещё бы. От матери не скроешь.

ИСКАНДЕР. А я всё хожу и удивляюсь. Ведь были у меня женщины, какая красотой завлекала, какая игрой, ну, знаешь какой... А тут ничего этого не было. В другое время я даже внимания бы на неё не обратил. И возраст её – только минус для меня, я малолеток всегда побаивался. И вдруг понеслось-поехало. Думаешь, ребёнком она меня привязала? Вот и нет, я ещё и не знал о нём, а уже думал о Ёлке целыми днями, понять не мог, к чему, почему...

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Чего уж тут непонятного.

ИСКАНДЕР. Так что это? Любовь? Слово-то ничего не объясняет. Одну я за голос любил, другую за глаза, третью... ну не важно, за что. Райка меня заряжала, как батарейку аккумуляторную, я после неё злой становился, работающий, на всякие авантюры лез. А здесь

на что я клюнул? В чём первопричина?

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. В грехе. Вернее, в раскаянии. Ты прежде не её, а себя полюбил, нового, очищенного. А потом её, раз она тебя таким сделала.

ИСКАНДЕР. Ой, мать, мудрёно говоришь, не для моих слабых мозгов.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Ты вначале причинил девочке зло. А дальше старался искупить свою вину. И сюда ты её за этим привёз, и помогал всячески. Так вот в искуплении и есть самая большая сладость, только редко кто это понимает. Тут ведь нужно, чтобы тебе самому хотелось смыть свой грех. А у нас, как увидят, что сделал не то, сразу начинают пальцем тыкать. Человеку, понятное дело, обидно, он пытается оправдаться, отбрехаться и уже никогда грех свой не признает. Если бы Еля твоя сразу милицией пригрозила, ты бы её подвёз до ближайшего города, может, денег бы сунул, откупился, и всё. А она и за зло это не посчитала. Но ты-то знал, что натворил, тебя это мучило. И ты старался сделать ей что-нибудь очень хорошее, чтобы хоть как-то...

ИСКАНДЕР. Не думал я тогда об этом.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Вот именно. Если бы начал обдумывать, сразу всё наперекосяк бы пошло, оно всегда так, когда от ума-то. Тут главное – научиться понимать свой грех и не боль чувствовать от него, а радость, что видишь способ искупления. Мне бабушка – прабабушка твоя – рассказывала, как их учили в детстве всякий раз на сон грядущий вспоминать прожитый день. Она прикидывала, что сделала плохого, мысленно просила прощения, и сразу становилось ясно, что и как можно исправить. Говорила, что после этого её охватывала особая радость, так с ней и засыпала.

ИСКАНДЕР. Неплохой аутотренинг.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Слов вы мудрёных набрались, а мудрость народную растеряли. Да не вы, до вас ещё... Я тогда много раз пыталась делать по бабушкиному рецепту, и ничего не получалось. Наоборот, злиться начинала, виноватых искать. Время было такое, грехи не отмаливали, не искупали, а друг на друга перекладывали. Оттого и развалилось всё.

ИСКАНДЕР. Это тебя, мать, сейчас на политику понесёт. Бог с ним, со временем. Лучше скажи, а потом научилась ты таким приёмам?

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. Отчасти. Иногда получается, а иной раз забываю всё это делать, вместо дня и молитвы перед сном вспо-

минается, на сколько что в магазине подорожало. Не до очищения тогда, чертыхаться хочется. А тебя, видишь, хоть и не учили, это само посетило. И Еля стала близка, потому что радость эту тебе открыла. А потом уже и другие радости у вас пошли. Пугано я, наверно, говорю.

ИСКАНДЕР. Ничего мать, зато оригинально. Никогда не слышал, что от осознания греха можно радоваться.

Искандер оглядывается. К калитке идёт ГЛЕБ.

ИСКАНДЕР. Глянь-ка, мам, никак Глеб...

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА. И правда, он. Говорила сейчас о твоих грехах и его вспоминала. Вот и появился. Просто так не приехал бы, знать, дело серьёзно. Пойду уж, не буду вам мешать (*поднимается на крыльцо*).

ИСКАНДЕР. Здравствуй, сын.

ГЛЕБ. Узнал?

ИСКАНДЕР. С трудом. Ты уже, смотрю, меня перегнал. Поди, метр восемьдесят в тебе?

ГЛЕБ. Восемьдесят два.

ИСКАНДЕР. Молодец. Так что случилось?

ГЛЕБ. Ничего особенного. Школу вот закончил.

ИСКАНДЕР. Поздравляю. В какой вуз поступаешь?

ГЛЕБ (*мнётся*). Из-за этого я собственно к тебе и приехал. Мама ведёт переговоры... Короче, если всё получится, я буду учиться в Англии.

ИСКАНДЕР. Замечательно.

ГЛЕБ. Значит, ты не против? Я реально боялся, что ты мне сейчас начнёшь читать мораль об утечке мозгов, типа, русские должны жить в России. Да ещё скажешь, чтобы я шёл в армию, раз ты там был.

ИСКАНДЕР. Никогда я ничего такого не говорил! А за границей у нас половина дворянства училась. Кстати, и Ломоносов. И вообще, какое я теперь имею к тебе отношение? У тебя своя жизнь, я не собираюсь в неё влезать.

ГЛЕБ. И у тебя нет желания меня поучать? Повод-то хороший.

ИСКАНДЕР. А зачем поучать? Кто вообще имеет на это право? Кто знает, как надо жить? Всё вокруг так быстро меняется. Что я полгода назад считал скверной, оказалось благом. А бывает и наоборот.

ГЛЕБ. Интересно говоришь. Прямо, как не ты.

ИСКАНДЕР. Да? А что, я болел зудом поучительства?

ДРАМАТУРГИЯ

ГЛЕБ. Отец, да ты чего, не помнишь? У нас же каждый день из-за этого разборки шли. Тебе всё было не так, по любому пустяку – целая лекция.

ИСКАНДЕР (*улыбаясь*). Надо же, какой я был сволочью. Прямо деспот.

ГЛЕБ. А что, нет? Никогда не забуду, как ты меня держал с этой задачей. Из комнаты не выпускал, пока не решу. Даже в туалет. Я уже ничего не соображал, только плакал. А ты меня стыдил, что я... как это... ага, слезокап, не мужчина. Мама пришла, пальцем в тетрадку ткнула – я там просто неправильно с учебника списал. А ты на неё наорал. Неужели не помнишь? У меня тогда в ночь ещё температура поднялась...

ИСКАНДЕР. Н-да. Что-то помню, но... Наверно, и впрямь всё в мире относительно, всё субъективно. Мне хотелось, чтобы ты вырос волевым, самостоятельным. Представляю, как тебе было больно. Только теперь представляю. Прости меня, если сможешь. Не сейчас, так потом.

ГЛЕБ. Позднее прозрение? Что-то не верится.

ИСКАНДЕР. Не верь. Твоё право. Вспомнишь, когда к тебе самому такое придёт. Так что у тебя за проблема, коль отец-деспот потребовался?

ГЛЕБ. Мне ещё нет восемнадцати.

ИСКАНДЕР. И что?

ГЛЕБ. Чтобы выехать за кордон, мне нужно твоё разрешение.

ИСКАНДЕР. О, Господи... и тут тоже. Н-да, тяжело быть несовершеннолетним. Давай подпишу. И хоть пару слов скажи, как вы там поживаете, как мама?

ГЛЕБ. Нормально. Работает. Она сейчас в издательстве.

ИСКАНДЕР. Замуж не вышла?

ГЛЕБ. Нет. Похоже, вы оба могли жить только друг с другом. И то...

ИСКАНДЕР. А я женился.

ГЛЕБ. Да? Давно?

ИСКАНДЕР. Десять дней назад.

ГЛЕБ. Ничего себе! Ну, поздравляю.

Из дома вышла ЕЛЯ. Увидела гостя, зарделась, двинулась навстречу, на ходу развязывая фартук.

ИСКАНДЕР. Ёлка, хочю представить тебе своего сына: Глеб.

ЕЛЯ. Елена. Но зовите Елей.

ГЛЕБ. Как я понял, вы мне теперь типа сводной сестры?

ИСКАНДЕР. Не угадал. Это твоя мачеха. А сестрёнка будет чуть попозже. Или братик.

ГЛЕБ. Та-ак. Перевариваю. Значит... Ну ты даёшь, пап... Вот уж от тебя не ожидал!

ИСКАНДЕР. Осуждаешь?

ГЛЕБ. С чего бы... Наоборот, круто. Еля, а тебе сколько?

ИСКАНДЕР. Кто у женщины возраст спрашивает?

ЕЛЯ. А я не скрываю. Мне уже пятнадцать. И что?

ГЛЕБ. Ничего. Чудесная мачеха. Приятно познакомиться. Что ещё говорят в таких случаях?

ИСКАНДЕР. Не знаю. По-моему, таких случаев не бывает.

ГЛЕБ. Тем ценнее. Нет, серьёзно, это здорово, что мы почти ровесники. Может, папа теперь лучше поймёт наше поколение.

ИСКАНДЕР. Уже понял. Многое. Если бы вернуть... Сейчас всё было бы по-другому.

ЕЛЯ. Я чай заварила. Может, прямо тут накрыть, во дворе?

ИСКАНДЕР. Угу. Давай. *(Провожает взглядом Елю.)* Я ей и вправду благодарен. Разнесла в щепки всю мою самоуверенность. Тихо так, без споров, вообще почти без слов, просто жизнью своей. Так что насчёт отца-деспота ты опоздал, уже не полюбишься.

ГЛЕБ. Это точно. Не тянешь. А про братишку что, правда?

ИСКАНДЕР. Ну да. Иначе нас бы не расписали. К декабрю должен появиться. Заранее дрожу. Ты же видишь, какая она.

ГЛЕБ. Всё будет нормально. Я тогда заеду посмотреть. Ты не против?

ИСКАНДЕР. Я всегда хотел тебя видеть. Но ты сам сказал... Помнишь?

Появляется Еля с подносом, расставляет чашки.

ГЛЕБ. Помню. Давай не будем об этом.

ИСКАНДЕР. Не будем.

ЕЛЯ. Не обижайтесь на Сашу. Он вас часто вспоминает. Хорошо вспоминает. Мало ли что было... Прошло уже. Я и то отца простила. И идите за стол. У нас сегодня пирожки со щавелем. Мария Игнатьевна напекла.

ГЛЕБ. Бабушка... А где она?

ДРАМАТУРГИЯ

Еля кивает на крыльцо. МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА стоит в дверном проёме.
Глеб взбегает по ступенькам и обнимает её. Сигналит машина.
Глеб оглядывается.

ГЛЕБ. Ну вот и всё. С чаем уже не получится. Я тут с оказией – друг подбросил.

ИСКАНДЕР. Может, останешься? Я тебя завтра отвезу.

ГЛЕБ. Не стоит. Мама... Волноваться будет и вообще... Но она поймёт, просто ей нужно тебя увидеть.

ЕЛЯ. Ну хоть пирожков возьмите.

ГЛЕБ. Спасибо. Только хватит выкать. Тоже мне мачеха! Быстро говори, что тебе из Англии привезти?

ЕЛЯ. Фотки. Тауэр, музей восковых фигур. Вообще разные места. И чтобы вы... ты там был, на снимках.

ГЛЕБ. Ноу проблем. Я как раз камеру недавно отхватил приличную.

Опять гудит машина. Глеб жмёт руку отцу, чмокает в щёку бабушку и бежит на сигнал. Искандер и Еля смотрят ему вслед.

ЕЛЯ. Красивое имя – Глеб. Ты сам придумал?

ИСКАНДЕР. Нет, жена. Оно мне вначале не нравилось. Потом привык. Кстати, а как нашего назовём?

ЕЛЯ. Сашей, как тебя.

ИСКАНДЕР. Ну уж нет. Не хочу, чтобы ему потом девушка сказала, что Сашек целая куча.

ЕЛЯ. Прости. Я тогда сдуру ляпнула, а ты...

ИСКАНДЕР. Не извиняйся, ты права. К тому же не люблю, когда у детей имена родителей. В дедов-прадедов ещё куда не шло. Но Владиславом ты явно не захочешь...

ЕЛЯ. Не захочу.

ИСКАНДЕР. Ладно, моего папочку тоже не стоит увековечивать, не заслужил. А Николаем?

ЕЛЯ (*пожимает плечами*). Твоего дедушку звали Игнат? А по отчеству?

ИСКАНДЕР. О, оно редкое было. Игнат Елисеевич.

ЕЛЯ. Елисей. Здорово. Как в сказке – королевич Елисей.

ИСКАНДЕР. Нравится?

ЕЛЯ. Очень.

ИСКАНДЕР. А как сокращенно звать будем? Елик? Еля? Помоему, одна Еля тут уже встречалась.

ЕЛЯ. Я буду звать его Лис. Лиско. Лисёнок.

ИСКАНДЕР. Угу. Медвежонок, значит, есть, лисёнка не хватало. Кого ещё из лесных зверей заведём? Жалко зайцами не называют.

ЕЛЯ. Почему? У нас в классе была Зайка. Зойка. А мы её Зайкой звали. Если у нас когда-нибудь родится девочка, можно... Мне имя Зоя нравится. А ещё бывает Лев...

ИСКАНДЕР. Ну вот видишь, уже и перспективный план готов. Но это на другую пятилетку. Я пока большой лес не потяну, только маленькую рожицу с Ёлкой и Лисёнком. А там посмотрим.

Появляется Глеб со своим ПРИЯТЕЛЕМ. У Глеба на плече большой фотоаппарат.

ГЛЕБ. Извини, пап, у меня камера с собой, хочу тебя с Елей заснять. Ты не против?

Щёлкает их вдвоём. Подзывает МАРИЮ ИГНАТЬЕВНУ, снимает. Передаёт фотоаппарат приятелю, становится рядом с бабушкой. С каждым кадром народ прибывает, появляются соседи, ВЕРА МИХАЙЛОВНА, РАИСА, СВЯЩЕННИК, СЕРГЕЙ, ОТЕЦ и МАТЬ Ели, одноклассницы. Последними сбоку пристраиваются ГИПОТЕНУЗА и ДИРЕКТРИСА школы. Замирают.

ЗАНАВЕС

Роман БАГРЕЦОВ

ВРЕМЕНА ГОДА

Венок сонетов

Много лет назад, когда в Москве Обществом книголюбов проводился конкурс на лучшую рукописную книгу, пятиклассник Тамбовской классической гимназии № 12 Роман Багрецов, занимавшийся тогда в литературно-творческом объединении «Тропинка» областной детской библиотеки, подготовил для участия в конкурсе небольшой сборник своих первых стихотворений и дал ему название – «Бог есть любовь».

С детства Роман мечтал стать священником. Окончив с отличием гимназию, он поступил в Московскую духовную семинарию. Все годы обучения он не оставлял и литературное творчество. И, приезжая в Тамбов на каникулы, привозил новые стихи, в основном – духовного содержания. Нет ни одного религиозного праздника, о котором Роман Багрецов не написал бы стихов, искренних, идущих из глубины его чистой юной души. Конечно, у него есть немало стихотворений и на другие темы – о маме, о природе родного Тамбовского края, о Великой Отечественной войне.

«Как прекрасна жизнь!» – так назвал Роман Багрецов свой первый поэтический сборник, изданный в Тамбове в 2003 году. Юный поэт мечтал написать венок сонетов. И он его написал. Это поэтическое произведение, которое по жанру, по сложности приравнивают к поэме. Объединённые одной темой четырнадцать сонетов по форме представляют собой лирическое сплетение, вязь, – именно венок, где последняя строка предыдущего сонета является первой строкой последующего. А пятнадцатый сонет – магистрал – состоит из первых строк четырнадцати сонетов.

К великому сожалению, Роман не успел увидеть свой венок сонетов напечатанным. 18 января 2011 года он, недавно окончивший духовную семинарию, шёл в Москве на вечернюю Крещенскую службу и был сбит машиной. Похоронили его в родном Тамбове...

Пусть эта публикация будет маленькой данью светлой памяти православного христианина Романа Багрецова.

Январь

*Январский ветер дует в спину,
Снежинки танцем увлеклись.
И им вослед в ночную высь
Я бросил ягоду рябины.*

*Так хорошо идти по снегу,
Не тронутому до поры,
Воспринимая, словно негу,
Природы светлые дары.*

*Рогатый месяц, снег хрустящий
И небосвод, к себе манящий,
Январской ночью видишь ты:
Полно всё света, красоты.*

*А ветер не спешит стихать,
И мчит в февраль снежинок рать.*

Февраль

*И мчит в февраль снежинок рать
На радость людям странник-ветер.
Ему так весело летать
По запорошенной планете.*

*А солнца нет. Который день
На небе – туч угрюмых тень.
Оно не хочет появляться:
Мороз трескучий – минус двадцать!*

*Ну, отчего ты так суров,
Февраль, последний месяц зимний?
Растает шаль твоих снегов,
И пропадёт с деревьев иней.*

*И поплывут по речке льдины:
Ведь в марте – солнца паутина!*

Март

*Ведь в марте солнца паутина
Рисует новые картины!
Зима сменяется весной,
И тает снег на мостовой.*

*Март – первый вестник у весны,
Весёлый, озорной, задорный.
Он новые навевает сны
Своею песней непокорной.*

*Растопит снег своим дыханьем,
Разгонит тучи в небесах,
Наполнив грудь благоуханьем,
Застынет на твоих устах.*

*Капель звенящая опять
В себе несёт апреля стать.*

Апрель

*В себе несёт апреля стать
Повеселевший солнца лучик,
Который, выйдя из-за тучи,
Не хочет снова исчезать.*

*А ветер, крылья распустив,
К земле несётся, словно птица,
И, довершая свой порыв,
Над самой головой промчится.*

*Река свободно и лениво
Несёт в себе остатки льда,
А в блёклых сумерках игриво
Мигает в небесах звезда.*

*И ночь черна, но я-то знаю:
Светлеет сумрак ночи в мае.*

Май

*Светлеет сумрак ночи в мае,
И ярче звёзд глаза горят.
И бело-розовый наряд
Опять деревья надевают.*

*Улыбкой жёлтою своей
Весь день на небе солнце светит,
И это – радость для людей,
Для всех живущих на планете.*

*И в ярких лучиках добра
Купаются везде деревья,
И слышно пенье птиц с утра,
Как только открываю дверь я.*

*Лишь тополя не расцветают:
В июне мчатся пуха стаи!*

Июнь

*В июне мчатся пуха стаи,
И в полдень наступает зной.
В небесной глади голубой
Воздушные фрегаты тают.*

*Но вот темнеет всё вокруг,
Полнеба закрывает туча.
Закапал редкий дождь, как вдруг –
Разряд! И гром гремит могучий.*

*Гроза пришла в наш городок
Очистить улицы от пыли.
И горной свежести поток
Мгновенно люди ощутили.*

*Гроза резвится за окном;
Июльский аромат кругом.*

Июль

*Июльский аромат кругом,
Когда выходишь утром рано,
Горячим хлебом пахнет дом,
Река – прохладой и туманом.*

*Опять полынь на поле нашем
Печали неземной полна,
Горчит о будущем она,
А может быть, о настоящем.*

*И воздух пахнет... летом, зноем,
Полынью, дымом от костров,
Неописуемой красою
Полей российских и лесов.*

*Июль наполнил всё теплом,
Но... август дышит холодком.*

Август

*Но август дышит холодком
И двери в осень открывает.
На юг стремятся птичьи стаи,
Где солнце радует теплом.*

*Река не манит в жаркий день –
Ведь холодеют её воды.
Всё чаще туч заметна тень,
И – дождик мелкий с небосвода.*

*Наступит скоро бабье лето,
Деревья сменят свой наряд,
А там – и осени парад
Янтарно-золотого цвета.*

*Прощаясь с летом, ветер свистнет –
Сентябрь, дождь, ковёр из листьев.*

Сентябрь

*Сентябрь, дождь, ковёр из листьев,
Осенний ветер на заре...
Но всё же, не прощаясь с жизнью,
Цветут бархотки во дворе.*

*Осенний день из дома вышел,
Всё осмотрел. Чуть погода,
Прошёл, шуриша листвой по крышам,
В своей накидке из дождя...*

*В огне закатного сожженья,
Как феникс, обратился в прах,
Чтоб утром, чудом возрожденья,
Взойти бы с солнцем на руках...*

*Об этом неземном костре
Я вспомню снова в октябре.*

Октябрь

*Я вспомню снова в октябре
О том, что осень наступила,
Увидев травы во дворе
И потускневшее светило.*

*Но сожалеть не буду я
О лете и весне беспечной:
Осознаёт душа моя,
Что осень эта – нет, не вечна,*

*Что всё изменится, и скоро
Весна придёт и радость с ней...
Так властвуй, осень, без укора, –
Тебе осталось мало дней:*

*Уже деревья на дворе –
Ноябрьским утром в серебре.*

Ноябрь

*Ноябрьским утром в серебре
Деревя, как колонны зала,
Где осень на своём одре
Предсмертном зиму ожидала.*

*Зима пришла в тот зал лесной,
Морозом осень проводила,
Сказав, что не найдётся силы,
Чтобы сравнилась с ней, зимой.*

*И ветер снегом декабря
Спешил укрыть лесную залу,
Чтоб не услышала заря
Того, что осень предсказала.*

*Остались на ветвях без листьев
Декабрьские рябины кисти.*

Декабрь

*Декабрьские рябины кисти
Поведали зимы секрет:
Сильна она, сомненья нет,
Коварна и хитра по-лисьи.*

*Но власти срок её недолог,
Настанет день, когда весна
Войдёт под снежно-белый полог,
Природу пробудив от сна...*

*Я жду давно её приход
И даже странствовал по свету,
Чтобы под шум весенних вод
Увидеть королеву эту.*

*И, взглядываясь в даль дороги,
Стою я снова у порога.*

* * *

*Стою я снова у порога,
Передо мною – новый год,
Который сразу очень строго,
Вещей меняет прежний ход.*

*Что ожидает впереди
Меня и всех людей на свете?
Так тяжело жить на планете,
Не зная, где конец пути.*

*Своих стремлений пустоту
Не понимают часто люди.
Потратив жизнь на суету,
В итоге счастливы не будут,*

*Хотя путей свершенья много,
И в новый год ведёт дорога.*

Дорога

*И в новый год ведёт дорога,
В долину, где событий много.
Двенадцать месяцев пути
Как доведётся нам пройти?*

*Создать карьеру, стать звездой,
Иль дом построить дорогой,
Иль поменять законы света?..
Но в жизни главное не это.*

*Ведь надо Бога почитать,
Чтоб истинно богатым стать.
Тогда покой в душе твоей
Пребудет до скончанья дней...*

*А впереди видна долина.
Январский ветер дует в спину.*

Год

*Январский ветер дует в спину
И мчит в февраль снежинок рать,
Ведь в марте солнца паутина
В себе несёт апреля стать.*

*Светлеет сумрак ночи в мае,
В июне мчатся пуха стаи,
Июльский аромат кругом,
Но... август дышит холодком.*

*Сентябрь, дождь, ковёр из листьев
Я вспомню снова в октябре.
Ноябрьским утром в серебре
Декабрьские рябины кисти.*

*Стою я снова у порога...
И в новый год ведёт дорога.*

Светлана ДЕМЧЕНКО

ФИЛОСОФИЯ «ВЫЖИВАНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ГЕРАСИНА

После прочтения повестей и рассказов российского писателя Виктора Герасина в моём художественном воображении рисуется могучее дерево жизни, привольно растущее над бездной. И на каждой его веточке сидят или стоят герои его повестей и рассказов – русские мужики, матери, бабушки, сельчане-труженики, влюблённые, шальные парни и девчата, гармонисты, выпивохи и трезвенники, дети, их отцы и покровители, друзья и недруги... По-разному они там держатся, у каждого свои приспособления для устойчивости, своя амплитуда раскачиваемых ветрами ветвей. Некоторые – согбенные, иные гордо вытянутые, крепко стоящие на ногах, есть и такие, что срываются и кубарем летят в зияющую пасть вечной пропасти. Но практически каждый стремится удержаться, схватиться хотя бы за тоненький прутик этого дерева жизни, чтобы почувствовать хоть на миг освежающее дыхание бытия, дуновение животворного ветра, ощутить необозримый простор неба и земли – эту вечную обитель мироздания. У них есть понимание в необходимости терпения, смирения и преклонения перед явью.

---

*Светлана Демченко живёт на Украине в городе Львове.
Кандидат философских наук. Член Союза журналистов Украины.
Пишет рассказы, критические статьи, рецензии. С творчеством
С. Демченко можно познакомиться на Интернет-портале Проза.ру.*

«И напрасно ты так легко хочешь отделаться от неё, от жизни. Нет, её надо ценить, и чем дальше, тем ценить дороже. Понимаешь, плохое что-то не может быть бесконечно плохим, оно оканчивается чем-то хорошим, и только ради этого, ради даже краткого временного хорошего уже надо жить, уже стоит жить. Другой-то жизни не будет.» (Повесть «Убит в побеге») При этом главное, – побыть в объятиях свободы, пусть кажущейся, пусть не долговременной, но уже с рождения заложённой в генах, а потому – желанной. Без неё, как и без веры, нет человека. Только в свободном волеизъявлении проявляются лучшие человеческие качества, ибо речь идёт о выборе пути, на чаше весов которого с двух сторон свои представления о добре и зле.

«Ведь что такое жизнь? Пусть не в целом, а с одной какой-то своей стороны. Это испытание человека на человечность. Там у нас есть один дуже грамотный мужик. Он нам здорово всё про Христа растолковал. Так вот, Христос потому и стал Сыном Божиим, что достойно прошёл через все искушения и сохранил в себе человека по большому счёту. Вот к чему и надо бы нам всем, каждому стремиться. Из всех испытаний, из всех искушений выйти достойно, остаться чистым, светлым, таким, как тебя задумала природа.» (Повесть «Убит в побеге»)

Герасинские герои – все вместе и каждый в отдельности – стремятся достойно держаться и в бурю, и в дождь, и в ненастье, в любую жизненную непогоду. Что поделаешь, – это их участь, их назначение на этой земле: просто выживать – трудиться, созидать, верить, надеяться и любить. И этот нескончаемый водоворот жизни вечен настолько, насколько нескончаем мир. Представляя влюблённых Виталия и Зою, их чувства и ощущения в порыве страсти, автор философски заключает: «Они вошли в такое состояние, когда перестали быть самими собой, они были сразу всем тем, что предшествовало им из глубины веков и тысячелетий. Они были сразу всеми теми, кто предшествовал им, предшествовал их молодой жизни. Всеми, кто из глубины времён выносил их и вынес к солнышку, к жизни, к любви. И они стали тем звеном в бесконечной цепи предков, крайним звеном, которое выносит к солнцу, к жизни, к любви новое, ещё невиданное в мире дитя человеческое». (Повесть «Убит в побеге»)

Дерево жизни сурово: много чего нужно, чтобы на нём удержаться, но в то же время оно и богодарно. Эта мысль чётко фикси-

руется в нашем сознании, когда читаешь: «Я летом две поры дня особо уважаю – это, когда восходит солнышко, и когда оно заходит. При восходе думаешь, каким день задается, как проживёшь его, какие дела предстоит поделывать. А при заходе вроде бы итожишь: день как день, он прожит, одно, другое дело сделал, третье, может, не успел, завтра доделаю. Так вот день за день и цепляются, так жизнь и идёт своим чередом...» (Повесть «Васильки»)

Являясь выразителем исключительно народных инстинктов и устремлений, автор показывает, если не все, то довольно слышимые отголоски той будничной жизни, которая со всех сторон охватывает крестьянина, человека труда. В повестях и рассказах мы читаем и о строительстве дома, и о пашне, и об урожае, о косе, и о трудовом поте. «Люблю, когда землю пахнут. Как запахнет землёй-то разогретой, аж плакать, сама не знаю с чего, хочется» – говорит бабушка. (Рассказ «Газета») А ей словно вторит Петрович («Гони-мы вешними лучами»): «Давно не видел, как земля парит... Прогревается. Скоро в неё бросят семена, и зазеленеет она во всю даль и ширь. Хорошо, надёжно как-то среди полей. Ни суеты тебе, ни обмана. Одним словом, надёжно...» В чём он видит надёжность? В самой жизни, в том, что поставлен крепко на её дерево, и это состояние для него естественное, привычное, невзирая ни на какие ветры перемен.

Автор примечателен глубоким постижением мельчайших подробностей русского простонародного быта, он показал, что, несмотря на жизненные невзгоды, человек осознаёт, чувствует себя на ней не гостем, а хозяином, у себя дома. «Сунув ноги в просушенные возле печки и ещё тёплые валенки, Рома включил свет, присел возле печки, запалил лучину и сунул её под берёзовые дрова, ещё с вечера им самим заложенные в печь. Посмотрел, как весело затрепцала, закуривилась в огне берёзовая кора, как первые языки пламени лизнули нижние тонкие поленья, поднялся, потёр руки: “Так, машина тепла запущена! Теперь куп-куп под умывальником и – собираемся”. Сказав про умывальник, он передёрнулся: холодна теперь в нём водица, ох холодна, чистенькая! Ну, да это ничего, это всё пустяки, привыкнуть надо...» (Рассказ «По краю») И это «привыкнуть» превращается в образ жизни, нетребовательный, смиренный, терпеливый. Тут со стороны героя нет даже поползновения освободиться от какой-то слепой, неизвестно откуда являющейся необходимости, посылающей ему и матери и беду, и счастье. Тут

всё пассивно, хоть и нет вроде собственно равнодушия. Это ни что иное, как природная органика жизни, и он – неотъемлемая её часть.

Герасинские герои уверены, что родная земля, её реки и поля обязательно будут их помнить уже за одно то, что они живут и жили на ней. «Вот и вода. А ведь она запомнит нас. Увидит и запомнит. Убежит далеко-далеко, а про нас будет знать. В землю уйдёт и там будет помнить. Земля – она памятью полна. Она вся из памяти состоит. Так-то вот оно. Живи и знай: всё, что ты делаешь, что творишь, – всё это в памяти земли хранится». (Рассказ «Гонимы внешними лучами») Мало ли какие преграды случаются в жизни! Но чтобы так?! Стоять на веточке её дерева и не иметь порой за что зацепиться, чтобы тебя крутило и вертело на все четыре стороны?! Кто сказал, что жить легко?! Попробуйте: начинать каждый свой день мыслью о насущном хлебе и этою же мыслью день заканчивать, – по-моему, тут нужно или великое мужество, или же полное и трудно постигаемое равнодушие. Конечно, безразличия нет, ибо задача была, есть и будет одна – выжить. Значит, – это свидетельство мужества, которое даёт героям и силу, и присутствие духа, так необходимые, чтобы удержаться на краю вечно зияющей бездны. «Вам, наверное, кажется, что мы тут дико живём? Куда как хорошо. Вот хозяйка ваша не даст мне соврать. Мало нас, правда... Но – живём. А куда деться? Надо жить!..» («Чёрный омут») И тут писатель даёт себе волю, раскрывая черты характера русского земледельца, которые лихо уживаются в нём наряду с его материальными лишениями и борьбой за выживание.

Виктор Герасин, как истинно русский человек, выступает толкователем народного духа, который не однозначен, порой бунтующий, шальной. В его произведениях изображён и разгул, и жажда необузданности, а иногда и безобразного поведения, как, например, в повести «Шалица». Тамара, героиня её, равнодушно принимает постигшее её горе, она страдает и тяготится им, но это страдание выражается у неё не всегда деятельно, а предъясняется зачастую толпе как безысходная данность. В другом герое, Виталии («Убит в побеге»), жизнь бьёт обильным ключом, появляется настоятельная потребность каким бы то ни было образом истратить её и так как разумно-деятельного поприща герою не представляется, то идёт безрассудная безрасчётная трата сил, которая выглядит не всегда естественной и целесообразной. Совершая побег с любимой Зоей, он почти уверен в неминуемом поражении, но, как тот

мастерски одушевлённый автором ледоход, стремительно бросается навстречу неизвестности и разгорающейся страсти познать свободу, пусть кратковременное, но вольное счастье... «Хорошо придумано природой, очень даже умно придумано – краткость цветения. Это, наверно, и есть сама жизнь. В краткости вся её прелесть, вся любовь ей за то, что она краткая...»

Надежда на что-то случайное, внешнее, неразумное «авось» составляет одну из характерных черт народа. Автор выразил её как истинный художник, в ясных и отчетливых образах, не примешивая никаких рассуждений от своего лица, не пускаясь в изыскания причин такого странного положения вещей. Виктор Герасин определяет русский характер нравственно-норовистым (миниатюра «Русский характер»). Шалица, Виталий, многие другие герои рассказов – именно нравственно-норовистые. Это является своеобразной основой авторского метода, на этом понятии держатся многие и многие образы в его произведениях. Народный характер несколько бунтарский, он слагается не только из смирения перед судьбой, в нём присутствует постоянное смятение, попытка ответить на вопрос: «Как и зачем живу? Зачем трачу столько сил на выживание, если миром правит несправедливость?» Надо сказать, что такие сомнения посещают герасинских героев постоянно. «“А может, лучше... Может, лучше...” – Ромка никак не мог произнести страшное слово – замерзнуть. Но оно уже жило в нём, оно влекло к поступку, оно манило его. Случившееся с ними сегодня казалось Роме чем-то злым, чёрным, которое теперь не отпустит их, будет преследовать их, пока они живы. А, если так, то зачем жить? Зачем? “Правда, правда... – обрывочно, торопливо, горячечно думал Рома. – Пусть всё кончится. И всё! Всем будет легко. Мы не такие, как все другие. Значит, никому не нужны. Мама уже не сможет стать другой. Нам не надо жить. Нам не надо мешать жить другим. Пусть они живут”...» (Рассказ «По краю») И ты уже видишь, как накрепилась, обвисла до предела ветка дерева жизни, на которой стоят Ромка с матерью. Такое ощущение, что ещё миг, и она оторвётся от ствола, и вместе с ними окажется на дне той бездны, откуда не возвращаются. «Вот и всё, – сказал себе Рома. – Нет уже нас нигде и никогда теперь не будет. Всё, теперь к нам не будут приходить пьяные мужики. Не будут смеяться над нами на вокзале и в вагоне. Не будут дразнить мать в школе, а потом ругать ни за что. Всё, теперь ничего не будет...»

Но что-то подсознательно притягательное и неизбывное не даёт им совершить последний роковой шаг. Они выживают, удерживаются на дереве жизни. Но как?! Не теряя равновесия, с человеческим достоинством. И ты понимаешь, что в этом и есть высший смысл назначения человека на земле.

Это нам, городским жителям, в реальности вся деревенская жизнь представляется чем-то далёким, непонятным и чуждым... Хотя, она нам кажется привлекательной, когда мы вспоминаем о ней в связи с необходимостью отдохнуть на природе. Ведь вот какой парадокс: чем больше мы отдаляемся от природы, тем сильнее обнаруживаем в себе какой-то неприкосновенный запас искренней привязанности к ней. Видимо, потому и читаем эту шукшинскую, герасинскую «деревенскую» прозу и хотим, чтобы всё в ней было жизненно, правдиво, чтобы жизнь вставала перед нашими глазами со всеми её заботами, с её скромными надеждами, со всеми её скудными радостями.

Тамбовскому писателю это удаётся в полной мере. Он прославляет труд, его рассказы дышат, хотя порой и грустны, но симпатией к сельскому труженнику, неиссякаемой любовью к родному краю, его красотам, рекам и лесам. При этом у него на первом плане – всегда человек, а природа только служит ему, она его радует, успокаивает, но не поглощает и не поработает его:

«Омут лежал в густом окружении тальников. Между краем воды и краем тальников, как нейтральная полоса, по всей окружности тянулась метровая бровка белого, почти не тронутого следами песка. Оглядываясь вокруг, привыкая к новому месту, к тишине, мне так и хотелось вслух воскликнуть: Боже ты мой, благодать-то какая! Жить-то как хорошо! Хороший сентябрь в нашей средней полосе, та же нейтральная полоса года – между весной и летом, с одной стороны, и осенью и зимой – с другой. В нём есть всё от четырёх времен года: тепло и прохлада, увядание и цветение...» (Рассказ «Чёрный омут»)

Ведь правда, речь идёт о природе? Но главное действующее лицо при этом – человек! Здесь нет статики, есть обращение к чувствам человека, находящемуся в окружении этой непередаваемой первозданной красоты. И даже такое естественное природное явление, как цветение, Виктор Герасин насыщает идейным смыслом выживания, его иносказательность глубока, она органична с человеческими тревогами и жизнелюбием.

«Даже цветение, – пишет он. – Это я увидел на полянке в тальниках. Какой-то неведомый мне кустик, такая метёлочка в четверть метра высотой, стоял под тальником и по-весеннему цвёл бело-розовым мелким, но обильным цветом. Вот-вот холода подступят, обжигающие утренники подрежут последнее тепло, повалят на землю с деревьев листья, а он – цветёт. Цветёт, невзирая ни на что! Что с ним? Поверил в осеннее тепло? Шутка природы? Нет, быть того не может, чтобы природа так шутила. Зацвести. Когда всё вокруг увядает... Что это? Вызов? Непокорность?» (Рассказ «Чёрный омут»)

Так и человек, случается, расправляет свои плечи даже тогда, когда, кажется, жить-то и вовсе становится невозможу. Природа в описании Герасина – такое же действующее лицо, как и люди. Она живёт в них, в их портретах, поступках. Именно она демонстрирует человеку, как вопреки всему выживать, тянуться к солнцу, воспринимать красоту.

«Пока поднимались на холм, порядком запыхались. Он оказался крутым и высоким. Остановились на опушке дубового леса. От высоты, на которую они забрались, захватывало дух. Внизу лежало притуманенное синей дымкой озеро с чистым желтовато-белым песком по всему круглому берегу. Одна половина озера лежала в мелколесье, где они недавно спасались от погони, другая – на открытом месте, зелёной луговине, по которой петляла речушка, казавшаяся с холма неподвижной, замёрзшей. Речушка эта впадала в озеро. Правее от озера раскинулся лес, ему не было конца, он уходил в синюю дымку, сливался вдали с небом. По левую же сторону была распахнутая даль над ровными полями, покрытыми светлой зеленью хлебов. Казалось, если пойти по этим полям, как и по верху леса, то обязательно дойдёшь до неба и не заметишь, как поднимаешься на него и уже дальше пойдёшь по небу...» («Васильки»)

Многие герасинские рассказы содержат откровенно понятную житейскую истину. Автор умеет группировать факты, схватывать общий смысл жизни, умеет заводить речь издали и вдаваться в психологическое, философское развитие жизненных хитросплетений. И всё это в угоду одному: показать, как выживает русский мужик. Писатель подчёркивает, что коренным условием нелёгкой крестьянской повседневности есть вечный, никогда не прекращающийся труд – с утра и до ночи. Вместе с тем, автор не вызывает у читателя ни чувства бесплодной и всегда оскорбительной жалостливости к

своим героям, ни идиллических умилений. Как всякая другая жизнь, как и всё на свете, она представляет для него лишь материал для мировоззренческого анализа, для сравнений и сопоставлений образов и явлений. Автор не называет прямо причин нищеты, неустроенности быта людей, но мы их чувствуем, понимаем, читаем между строк.

«Избёнку-то свою в Двориках успела продать, – рассказывает сестра Сенечкина. – Ну ладно, терплю ещё. А тут случилась беда, все трубы на свинарниках разморозились, зима-то лютая была. Полы цементные, холод гибельный, сквозняки гуляют. Работаешь когда, распаришься, поотдохнуть остановишься – сквозняком обдаёт. И захватила себе болезнь. Сквало всю, прострелило. Ну как есть по всем косточкам ударило. Меня в больницу. Вылежала там два месяца, поотпустило вроде бы, домой выписали. Врач говорит, чтобы печку жарко топила да лежала на горячих кирпичах. А где они ныне печки-то?» («Изда с краю»)

Мы видим, что жизнь не баловала большинство героев рассказов и повестей Виктора Герасина. Они, стоя на ветвях её дерева, постоянно качались, рискуя упасть, мыкались в нужде и самосохранении. Собираясь в город гибели своего сына, одна из героинь рассуждает: «Одно дело – решиться, другое – деньги собрать... И с осени Алёна стала экономить и откладывать каждую копейку. Добывала жести сколько возможно, делала тазы, вёдра, трубы, возила на базар, продавала. Она не скрывала, что дала слово пойти к своим туда, в Сталинград. Зимой, когда не было жести, ходила в дальний лес, драла с молодых липок лыко, приносила деду Григорию. Из лыка он плёл лапти. Алёна выносила их штук по сто на базар, продавала. Не велики деньги, а всё в копилку ложатся...» (Рассказ «Алёна Большая»)

Может, кому-то покажется сегодня странным, что герасинские героини считают копейки, ищут средства для пропитания в том же лесу, в то время, как нынешние «крутые», «новые русские», олигархи имеют миллионы и миллиарды. И, как ни странно, те люди, героини Герасинской прозы, в своей жизни были счастливы внутренним ощущением мира, своей сущностью человеческой богобоязненности. Чего не скажешь о многих наших современных соплеменниках. Некоторые подробности жизни кажутся нам до того в порядке вещей, что мы не видим в них ничего необычного, а между тем именно с ними связано море слёз, огорчений и трагедий простых людей.

«А вечером, уже лёжа в постели, Сенечкин, не замечая этого, плакал, роняя слёзы в темноту. Он зол был на Васю Тошного, который выкарабкался из такой беспросветной сиротской нищеты, какую сделала над ним война, а, выкарабкавшись, сам, своей волей погубил свою жизнь, жизнь Ленки и губит ещё три жизни. Как это, почему это могло с ним случиться такое? Он зол был и на себя, даже больше, чем на Васю Тошного...» («Изба с краю»)

Читатель видит, что народный характер тем не менее слагается не из одной только стихии... В нём присутствует и осознание веры в добро, в гуманные побуждения. И тут становится понятным, что человек, который равнодушными глазами в состоянии смотреть на ложь и зло, в строгом смысле не может быть назван человеком. Располагая своих героев на дереве жизни, писатель, невзирая на свою неизбежную любовь к женщине, особенно к женщине-матери, отводит ей верхние ветви, – самые тонкие, чувствительные к внешнему воздействию, не совсем упругие, непрочные и уязвимые. Таков психологический парадокс его отношения к ней. Героиня-мать понимает, что не только самой ей нужно удержаться, но и, взвалив на свои плечи послевоенное сиротство, безотцовщину, беспробудное пьянство мужика, не позволить упасть в бездну никому из них.

Мать и дети – это особая ветвь жизненного дерева. Как и заложный у подножия дерева в его корнях вечный зов природы – возрождаться и любить. Любить до смерти, рождающей новую жизнь. Ибо, как написала в своем отзыве на рассказ «Чёрный омут» известная поэтесса, публицист и переводчик Марина Кудимова, это «русская песнь песней: “ибо сильна яко смерть любовь”». А любовь к любому приращению – в чувствах ли, или знаниях, в вере или покаянии, – это благо. Во имя этого блага авторам стоит творить, а нам, читателям, благодарить Бога за возможность в художественном слове видеть себя и свою жизнь.

*Я живу, как в открытом окне.
Проверяется имя моё и пароль
На сиреневом влажном огне.
На такой глубине совершается боль,
Что наружу выходят лишь камень да соль,
Лишь безмолвие рвётся вовне,
Создавая отскок, рикошет, карамболь...*

Марина Кудимова

КРИТИКА

Это жизнь со всеми её причудами и выкрутасами. И только художнику и писателю они понятны в минуты божественного озарения. Творчество тамбовского писателя Виктора Герасина – тому подтверждение.

* * *

Понимая глубину жизненных воззрений автора, я вижу его любимую волчицу (рассказ «Суть зверя») у самых корней дерева жизни как символ истоков всего сущего, а на верхушке – образ женщины, воздающей благодарение Небесам за свою судьбу, пусть не показную, не богатую, но подарившую ей и миру счастье материнства, родства, душевной чистоты и любви. Это прямая, объективная, ни от кого не зависящая, всегда восходящая ось жизни, вертикаль, соединяющая землю и небо. Именно она помогает выжить герасинскому герою.

И волей своего воображения я усматриваю в ней символ Божьего благословения таланта воистину народного писателя, которому по сердцу одно: любовь к России и её народу.

Мария ЗНОБИЩЕВА

ВПЕРЁД ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ

*Заметки о новой книге
Валентины Дорожкиной «Дорога жизни»**

Для одних пора юбилеев – это время подводить итоги; для других – стартовая площадка для новых замыслов. Для Валентины Тихоновны Дорожкиной – одновременно и то, и другое. Поэт, прозаик, общественный деятель, краевед, критик и литературовед, бережный собиратель тех миниатюрных звеньев, из которых куётся тамбовская культура, Валентина Дорожкина встретила в конце 2009 года своё семидесятилетие выходом уникальной по разнообразию представленного в ней материала книгой с символическим названием «Дорога жизни». И если в ней подводятся итоги, то лишь – предварительные, ибо, как видно из содержания книги, опубликованные работы автора – лишь малая часть огромного творческого и литературно-исторического архива.

---

* **Дорожкина В.** Дорога жизни. *Повести, рассказы, очерки.* Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения ООП «Литфонд России», 2009. 532 с.

Мария Знобищева, помимо поэзии и прозы (смотрите стр. 3), в последнее время активно пробует свои силы в критике и литературоведении. В 3-м выпуске «Тамбовского альманаха» был опубликован её критический обзор «Проливная нежность» о женской поэзии; в 8-м выпуске «ТА» – статья о творчестве поэта Александра Макарова «Музыка жизни». На этот раз М.Знобищева предлагает вниманию читателей критический разбор новой книги Валентины Дорожкиной «Дорога жизни».

Структура издания в точности соответствует его заглавию и общей концепции. Центральной идеей книги вернее всего будет назвать идею движения. Образ дороги связывает представления о прошлом и будущем, намечает взаимодействие временной и пространственной плоскостей, наглядно и ощутимо даёт представление о литературной традиции. «Традиция, – согласно цитируемому В. Дорожкиной словарному определению, – это то, что унаследовано, перешло от одного поколения к другому». Богатое культурное наследство родной земли находит в лице автора своего бережного хранителя.

Композиционно книга состоит из двух частей: художественного творчества («Воспоминания глядят в глаза...» Повести и рассказы) и краеведческих материалов (Тамбовский край талантами богат. Краеведческие статьи, очерки). Отметим, что объём второй части значительно превышает объём первой – такова глубоко подвижническая профессиональная этика В. Дорожкиной. Даже в собственном творчестве автор предельно скромна, за образами повестей и рассказов, в которых в той или иной степени присутствует известная доля автобиографичности, ни разу не угадывается присущее большинству современных писателей упоение собственным «я», своими бедами, страданиями, обидами. Напротив, судьба каждого героя – глубоко небезразличная автору настоящая жизнь, пристально схваченная любящим взглядом и сердцем во всей своей полноте; «я» перевоплощается в «мы», избавляясь от собственной боли и очищаясь болью за других.

Географическое пространство повестей, рассказов да и всего творчества В. Дорожкиной легко узнаваемо. Это Тамбов, Тамбовская область, Тамбовский край с населяющими его людьми в их связи с прошлым и настоящим, с их верой в будущее. Отчасти замкнутый, но несущий в себе идею мира в целом, город в произведениях автора сравним с греческим полисом, живущим автономной, подчинённой своим собственным внутренним законам, жизнью. Отсюда возникает ощущение личной причастности автора и читателя к каждой рассказанной истории. Отсюда – стремление к внутреннему уюту, гармонизации отношений в этом мире-мирке, чувство единения всех его жителей перед бедой, неустрашенностью, обязательная вера в хороший исход.

Главным символом такого объединяющего уюта становится образ семьи. Семья – неоспоримая ценность. Каждый из героев в той

или иной мере зависит от неё, стремится к её созданию, пребывание вне семьи воспринимается как трагический разлад, недоразумение или... воля судьбы, иногда указующей избранным особый путь. Порой для того, чтобы действие сдвинулось с «мёртвой точки» требуется вмешательство внешней, подчас прямо мифологической в своей судьбоносности силы. В этом рассказы схожи с принципом фольклорной сказки, где добро побеждает зло, но при этом герой твёрдо должен во что-то верить. Так мечты о браке незадачливого холостяка Денисова из «Нейтральной территории» неожиданно начинают сбываться. К действию поощряет его друг – Женька Хворостов, а остальное диктуют сами обстоятельства. Но окажись в подобных обстоятельствах другой человек – не такой открытый, чистый в своей прямоте, юношески-светлый и совестливый, как Денисов – сказка не удалась бы. Ибо по законам жанра добрые силы помогают только вот таким – чистым сердцем героям, вечным детям, или тем, на ком до самой смерти лежат золотые отблески детства.

Глазами ребёнка смотрит на мир автобиографический персонаж повести «Как говорила моя бабушка». Удивительная душа бабушки, её простые и в то же время всегда ёмкие, меткие, схватывающие самую суть, слова, её бойкий характер, расторопность, лёгкость на подъём, сдержанная народная мудрость сближают образы старушки и ребёнка. Сквозь тонкую ткань бытовых подробностей проступает лицо самой обыкновенной женщины и одновременно – светлый лик народной героини, терпеливицы, труженицы, вечной матери, а для девочки-героини – Бабушки. Здесь особенно остро ощущается близость к чистым родничкам нашего прошлого и настоящего, каждое слово кажется волшебным, его стремишься донести в своё сердце первозданным, как полную чашу, которую нельзя расплескать. Неслучайно повесть открывает книгу: в ней «ключи» к пониманию как отдельного человеческого характера, так и судьбы целого поколения «детей войны», в ней мысли о малой Родине и о России.

В рассказе «Семейный Новый год» тема семьи озвучена наиболее полно. Здесь тоже – в лучших традициях рождественского (новогоднего) рассказа – случается чудо воссоединения семьи. Несмотря на то, что дети часто могут быть неблагодарными, что порой они способны и на предательство, в мире есть те, кому мы небезразличны, а родительскому сердцу всегда хватит сил простить даже са-

мую горькую ошибку своего ребёнка. Границы семьи размыкаются, и это заставляет задуматься о том, что какой-то другой, пока не существующий мир должен быть вот такой настоящей семьёй, а для приближения этого нового времени иногда бывает достаточно совсем немного – равнодушия.

Спасительная сила любви в её широком, христианском понимании меняет судьбы героев рассказа «Непредвиденные обстоятельства». Любовь для героев произведений немыслима без чистоты, жертвенности и верности. Она может стать трагедией («Вспоминания глядят в глаза», «Володька был однолюбом»), но мукой, тяготой, бедой – никогда. В самой памяти о ней герои находят утешение и смысл жизни. Даже не найдя так называемого личного счастья, героиня рассказа «Володька был однолюбом» обретает его в кругу друзей, всем существом понимая, что не бывает «чужих» и «своих» детей, забот, судеб. Смысл любви – в продолжении Жизни, в созидательной энергии сердца, так необходимой тысячам и тысячам одиноких людей.

Моральные планки автора очень высоки, отчего персонажи кажутся мифологически идеальными. Но это – лишь на первый взгляд. У них тоже есть свои слабости, свои дурные привычки, их одолевают житейские мысли, тревожат неурядицы, мучает одиночество. Но то, что отличает их от прочих – верность и вера – намного больше чего бы то ни было. Герои В. Дорожкиной не сдаются, не прячутся и не жалуются. Крайне несовременно, если учесть нашу привычку к чтению ни к чему не приводящих, не освежающих, а умертвляющих душу размышлений рефлексирующих псевдоинтеллигентов. Вневременно – для тех, кто ищет опоры в жизни и готов благим делом оправдывать каждый день своего пребывания на земле.

Вторая часть книги на практике подтверждает основные «теоретические» идеи повестей и рассказов В. Дорожкиной. Мотивы памяти и ответственности, а также принцип преемственности разворачивают перед нами хронологически чёткую панораму литературно-краеведческих работ, среди которых есть как литературные портреты, так и очерки, зарисовки, эскизы, как объёмные литературоведческие статьи, так и различные эссе, обозначающие лишь контуры проблемы и приглашающие к дальнейшим самостоятельным исследованиям. Центром системы снова становится Тамбовский край, имена писателей подобраны по принципу их принадлеж-

ности к его истории и культуре. Так раздел «Золотой век на литературной карте Тамбовского края» изящно, бережно и вместе с тем основательно «вписывает» Тамбов в литературную географию русской классической литературы, повествуя о связи с нашим краем Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, А. М. Жемчужникова, Н. В. Берга.

В разделе «Неисчерпаемый серебряный век...» чувствуется поэтика ещё не совсем далёкого от нас века серебряного. Уникальные статьи и очерки о том, как переплелись с судьбой Тамбовского края судьбы Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Тихона Чурилина, Василия Комаровского, Николая Немцова, Владимира Корнилова, С. Н. Сергеева-Ценского позволяют почувствовать совсем рядом живое и близкое дыхание большой литературы.

Раздел «История и современность» включает в себя две обзорные статьи «Тема Великой Отечественной войны в творчестве тамбовских писателей», «Литература второй половины XX – начала XXI веков и произведения о Тамбовском крае», а также 12 статей о поэтах, прозаиках и критиках современности, внесших весомый вклад в культуру родного края.

Наконец, под рубрикой «Забытые и возвращённые имена» представлены материалы, в разное время выходявшие в радиоэфир. Имена Ивана Шамова, Николая Глазкова, Владимира Замятина, Вячеслава Богданова, Андрея Жарикова, Василия Журавлёва, Анатолия Куприна, Алексея Прасолова нельзя назвать забытыми, но многие из них до сих пор остаются как бы в стороне от широких дорог литературы. Возвращение к ним есть возвращение к истокам. Композиция, таким образом, «закольцовывается» новым упоминанием о прошлом, которое теперь уже нельзя отнять от настоящего.

Какова же она – Дорога Жизни автора? Судить читателю. А читатель такой книги должен быть готов к сотворчеству или, по крайней мере, к откровенному разговору, что тоже есть особого рода творчество. Ведь, снова цитируя автора, «...только творчество – торжествующее творчество! – было во все времена спасением от клеветы, одиночества, тоски».

Валентина ДОРОЖКИНА

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

*Не выразить все чувства в слове,
И остаётся лишь сказать:
– Как хорошо в родном Тамбове
Жить и любить, стихи писать,
И Набережной восхищаться,
Пред храмами благоговеть,
И низко кланяться за счастье
Не просто жить, дышать, а петь!*

Наверное, подобные чувства к родному городу испытывает каждый, кому дорога его история, его люди. Не писать о Тамбове невозможно: настолько он притягателен, красив, поэтичен. Трудно назвать точное количество произведений классиков русской литературы, где упоминается город Тамбов, – так их много: у Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Тургенева; у поэтов серебряного века, не говоря уж о современниках. О нашем городе писали поэты разных времён и поколений: Вячеслав Афанасьев, Иван Кучин, Семён Милосердов, ныне живущие поэты, в том числе и молодые.

---

*Валентина Тихоновна Дорожкина родилась в Мичуринске.
Окончила Тамбовский пединститут. Работала в газетах, книжном издательстве. Вот уже 25 лет руководит литературно-творческим объединением «Тропинка» при областной детской библиотеке.
Автор более 20-ти в основном поэтических сборников, член Союза писателей России.*

Задолго до начала Великой Отечественной войны её участник, наш земляк Вячеслав Афанасьев, погибший в 1943 году, написал стихотворение, в котором выразил тихую, нежную любовь к этому тихому, нежному городу. Поэт, объездивший, как он выразился, «весь белый свет», нигде не нашёл другого города, который был бы так дорог его сердцу:

*Только милого, родного
Не могли стереть года:
Я родимого Тамбова
Не забуду никогда.*

Немало лет прошло с того момента, как, вступив в полемику с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, сказавшим, что «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда», наш земляк поэт Иван Сергеевич Кучин описал достопримечательности и достижения областного центра и с патриотическим пафосом сделал вывод;

*Растущий, строящийся, индустриальный,
Распахнутый в солнечные года,
Тамбов на карте генеральной
Кружком означен навсегда!*

Каждое стихотворение о Тамбове – это частица его истории, поэтическое проникновение в её глубины. Примером служат строки из стихотворения Семёна Милосердова «Татарский вал»:

*Давным-давно истлели орды,
Чуть виден вал среди хлебов,
Но будто слышен голос гордый:
– Не сдался ворогу Тамбов!*

В стихи о любимом городе поэты вкладывают столько любви, восторга, тревоги за его благополучие, сознания невозможности отплатить сполна за красоту, которую дарит нам родной Тамбов! Разве только стихами, как это сделал Геннадий Якушенко:

*Какою такую ценою,
Безденежный, буду платить*

*За эти туманы над Цною,
За буйность воды у плотин?*

«Ты любовью мне сердце поранил...», – многие могли бы согласиться с такими словами поэта Аркадия Макарова, давшего свой образ Тамбова:

*На лице – азиатская мета
И славянская грусть на лице,
Пламя белое знойного лета,
Божий храм в золотистом венце...*

Евстахий Начас, родившийся на Украине, но с юности живущий в Тамбове, называет его своей второй родиной. В венке сонетов «Я в России прописан» Тамбов предстаёт красивым, надёжным, уверенно шагнущим в XXI век:

*Искать на карте мне не надо точку,
Он в моём сердце обозначен точно,
Без разных параллелей и кружков,
Весной вишнёвым светом осиянный,
Многоэтажный, древний, деревянный,
Моя вторая родина – Тамбов.*

Андрей Белкин в стихах о Тамбове стремится передать своё восхищение родным городом читателю. Поэт уверен: если кто-то хоть один раз побывал в Тамбове, увидел речку Цну, прекрасную Набережную, сады, скверы и парки, тот навсегда запомнит эту красоту и, может быть, захочет вернуться сюда:

*Вижу с пылкой радостью я снова
С детства мне знакомое лицо
Города старинного Тамбова –
Края наших дедов и отцов.*

*В этом прочность наша, наша гордость,
И в душе ты с юных лет носи
Наш Тамбов – соборность и духовность
Серединной песенной Руси.*

Старинным и обновлённым, праздничным и трудовым, с памятниками ушедшим и памятью живых – таков Тамбов в стихах Альфреда Мильрата:

*Город мой, ты краше стал, чем прежде,
Я успехам радуюсь твоим.
Для меня в любой своей одежде
Навсегда останешься родным...*

О чём бы ни писали поэты, прославляя Тамбов, – о его истории или современности, – всех их объединяет одно чувство – любовь. Но как по-разному оно выражено в поэтических произведениях! И это естественно: у каждого – свой Тамбов, каждый находит в нём то, что близко и дорого именно ему, увидевшему влюблёнными глазами и чутким сердцем такие особенности, какие не смог увидеть никто другой. Кому-то он нравится весной, кому-то летом или осенью. А вот у поэта и учёного-лингвиста Владимира Руделёва есть книга стихотворений и поэм, которая называется «Зима в Тамбове». Наверное, даже тот, кто не любит зиму, прочитав стихи Владимира Георгиевича, изменит своё отношение к этому времени года: так ярко, светло и первозданно описан снег:

*В глазах от солнышка рябит,
а снег пушист и розов.
Вихрастым вихрем с крыши сбит
какой-то древний лозунг.
Теперь история сама
своё напишет слово.
Такая русская зима
На улицах Тамбова!*

То прекрасным рыцарем называет Тамбов Галина Ходякова, то другом, нуждающимся в помощи. Город для неё – не каменный и деревянный, он живой, одушевлённый, ранимый, и с ним она делится своими сокровенными мыслями. Конечно, Тамбов не в каждое время года может очаровать красотой. Бывает он и невзрачным, особенно в ненастье. Но сколько в нём и в такие дни красоты, видимой тем, кто смотрит на всё поэтическими глазами! Вот как описала Галина Ивановна Тамбов в дождливую погоду:

*Город мой насквозь промок, до нитки,
Не спасли его и модные ботинки
Из асфальта и травы зелёной.
Утонули в лужах все газоны.*

*Город мой лицом ко мне прижался,
Он дрожал, он плакал, хоть стеснялся.
Успокойся, славный мой Тамбов,
Добрый другом я приду к тебе из снов.*

*Обниму, согрею и укрою.
Ты не бойся, я всегда с тобою.*

А каким видят Тамбов совсем юные поэты? Сказочным, древним; молодым, растущим, как они сами. Сказочным он представляется Елене Захаровой; с колоколами, «вызывающими счастье», – Марии Знобищевой; музыкальным – Александре Николаевой. С родным городом у молодёжи связаны большие надежды, потому что:

*Город Тамбов – это любовь,
Это великих людей имена.
Город родной, ты молодой,
Наша надежда на все времена.*

СТИХИ О РОДНОМ ГОРОДЕ

Елена Захарова

Тамбов

*По линиям родных тамбовских улиц
Лазурный день их прошлое прочёл,
Увидел в синем небе целый улей,
В котором много золотистых пчёл.*

*Под фонарём луны сияет Цна,
И праздничного неба целина
Над молодыми парками Тамбова
Пролиться летней свежестью готова.*

*И воздух тих и свеж в ночи нежнейшей,
Как поцелуй тамбовской казначейши.*

* * *

*Читаю, словно сказку, мой Тамбов.
Апрельский город грёз весенних полон.
Над нашей Цною – неба синий полог.
Тамбов, как в день творенья, свеж и нов.*

*Державин смотрит в прежние года,
Залюбовавшись красками природы,
Тамбову приготовив новый дар,
Сложив о нём торжественную оду.*

*И Набережной сказочный простор
Нам в дивный праздник открывает двери.
Вот-вот шагнёт из Цны на этот берег
С волшебною дружиной Черномор.*

Нина Измайлова

Слава

*Слава жизни!
Огонь не погас!
Я смотрю – значит, я существую:
Осязаю, приветственно чую
Жизнь,
    трубящую солнечный час!*

*Этот город,
    любимый насквозь,
Сохранивший в себе закоулки,
По которым,
    аукаясь гулко,
Наше детство вприпрыжку несло.*

*Спят друзья.
Под крестом или камнем –
Не бывает любви без потерь.
Но оставлю распахнутой дверь –
Свет живущих сияет пока мне...*

*Ты созвучен с Любовью,
  Тамбов!
Жить в тебе никогда не устану.
И с колен я на цыпочки встану,
Осенив поцелуем твой лоб!*

Мария Знобищева

Тамбову

*Бесконечно родные улицы.
Сонный, солнечный, стройный город!
Хватит плакать и горько хмуриться,
Ведь тобою с небес любуется
Добрый ангел с печальным взором.*

*Тротуарами мокро-синими
Я пойду к твоему рассвету.
Ты недаром рождён Россией,
Ведь глаза твоих рек красивые
Робко светятся русским летом.*

*Знаешь, город мой, тополиные
Твои кудри пропахли маем!
Вижу парки твои старинные,
Облака золотые, длинные
И душой тебя понимаю.*

*А сиреней пьяняще-радостных
Где такая ж весной пороша?..
То величественный и благостный,
То гудящий, пчелиный, сладостный,
Я люблю тебя, мой хороший!*

* * *

*Земля покоя не ждала,
Надеясь с небом повенчаться.
Колокола, колокола
С утра вызванивают счастье.
Бровей державинских излом.*

*Иных эпох слова и лица...
Ещё не отданным теплом
Так хочет город поделиться.
Он помнит каждую весну
И каблучок шалуньи каждой,
И солнце, канувшее в Цну,
Томится нежностью, как жаждой,
И нас качает, как детей,
В ладонях тёплых и безгрешных.
Там, на бессонной высоте,
Колокола и – свет нездешний.*

Татьяна Курбатова

Песня о Тамбове

*Мы любим свой город,
Он с нами всегда.
Нет края дорожке и краше.
Куда б ни ушли, мы вернёмся сюда, –
Здесь пристань заветная наша.
Здесь много друзей,
Здесь и школа, и дом,
И улица, с детства родная.
И даже берёзка моя под окном
Меня, словно друга, встречает.
Как вешние воды, промчатся года.
Нас время закружит по свету.
Тамбов, не забудем тебя никогда,
Тобой наше детство согрето.*

Мой город

*Город мой любимый!
Я твой давний пленник.
Мчатся над Тамбовом
Вечности мгновенья.
Время тихо дремлет
В зданиях старинных.
Летопись Тамбова
Вьётся свитком длинным.
Вижу сквозь столетья
Крепость над рекою, –
Град Тамбов над тихой,
Неприметной Цною.
Из веков струится
Каждому родное
Родины дыханье,
Сердцу дорогое.
Выйду рано утром
В поле золотое.
Синий дым тумана
Дальний лес укроет.
Над дождём весенним –
Радуга подковой.
Край, дождём умытый,
Улыбнётся снова.
Наше Притамбовье!
Русское приволье!
Я цветов охапку
Кину в изголовье.
Растворюсь в душистом
Трав степных цветенье.
Сердце отзовется
Соловиным пеньем!*

Александра Николаева

Мой город

Сонет

*Тамбов осенним днём и жёлт, и строг
Фасадом постаревшего театра,
Опалом диадемы Клеопатры
И тлением осиновых костров.*

*Весною нежно-зелен и упрям
Глазами Цны с косинкой колдовскою,
Смеющийся на Троицу ольхою,
Травинкой, приласкавшей к ногам.*

*Зимою, словно сахар, бел и тих
Шатром Преображенского собора.
А по аллеям – милым судьбам – скоро
Крадётся, будто барс, напевный стих.*

*Мой город летом озорно-румян
И пахнет вязким мёдом поселян.*

Любимый Тамбов

*Не найдёшь нигде красы такой,
Как в старинном городе Тамбове.
Ивушки склонились над рекой,
Смотрят в речку Цну они с любовью.
Летом нежный пряный аромат
Наполняет чистотою воздух.
Город мой – большой зелёный сад,
Радуют цветы детей и взрослых.*

*Золотые храмов купола
Засияют утром на рассвете...
Я хочу, чтоб жизнь поберегла
Самый лучший город на планете.*

Лидия Перцева

Тамбовские новогодние фонари

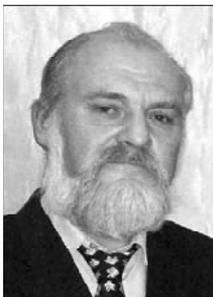
*Фонари, чуть сутулясь,
Начинают поход
От вокзала вдоль улиц,
В целый мир, в новый год.*

*И бегут неустанно
По Советской потом,
Зазывая желанным
Золотым огоньком.*

*Фонари-барбарисы,
Как салют площадей,
Расступаясь, повисли,
Озаряя людей.*

*А совсем ведь недавно
Были ночи темны,
И на улицах главных
Не горели огни.*

*Молодея с годами,
Осветился Тамбов.
И шагаю стихами
Я в покой его снов.*

Владимир СЕРЕДА

**«ГОРДО НЕСИ СВОЁ
ГОРЬКОЕ БРЕМЯ...»**

Тамбовским городским головой И. М. Потапов был избран в октябре 1911 года. Иван Михайлович, как он сам говорил, всегда помнил, что «врач – прежде всего врач» и всеми мерами старался улучшить благоустройство Тамбова, главным образом с санитарной стороны; по его инициативе было улучшено водоснабжение, устроена электростанция, насажены новые скверы и бульвары, увеличено замощение улиц, переформирован ассенизационный обоз, построены казармы, ряд школ и хозяйственных зданий...

Если проанализировать работу управы хотя бы за год, можно сделать вывод о её объеме. По большей части это та работа, которую сейчас мы называем работой с населением. Прощения, заявления поступали самого разного содержания: о сборе средств на памятник Э. Д. Нарышкину, о сдаче места под купальню против Солдатской улицы на р. Цне, о предоставлении подряда на набивку льдом городских погребов, на очистку снега с крыш городских зданий, о доставке до 500 куб. сажень песка для замощения Соборной площади по 6 рублей за куб. сажень, об увеличении расходов на запрудку плотины против дома Асеева на реке Цне.

Владимир Павлович Середина родился в 1953 году в с. Татаново под Тамбовом. Окончил исторический факультет Тамбовского пединститута. Работал в газете «Содействие», редактором газеты «Послесловие». В настоящее время служит главным хранителем литературно-художественного музея Сергея Денисова.

Статьи и очерки В. Середы публиковались в журналах «Мир музея», «Мир Есенина», в сборниках международных научно-практических конференций, в Тамбовских изданиях.

Накануне очередной Пасхи управа предоставила Андрею Фёдоровичу Чернову на площади место под карусель сроком с 14 апреля по 6 мая за 45 рублей. Известный в Тамбове краевед и писатель Александр Степанович Чернов – его внук. Моему двоюродному деду, Дмитрию Васильевичу Толмачёву, И. М. Потапов подписал подряд на вспашку и боронование площади присутственных мест; 50 рублей, которые дед заработал, были немалым подспорьем для инвалида русско-японской войны. Всё это лишь примеры из колоссального объема вопросов, которыми занимался городской голова и руководимая им управа.

Материалы, относящиеся к Ивану Михайловичу Потапову – тамбовскому городскому голове (с 1911 по 1917 год), общественному деятелю, учёному, врачу, просветителю, занимают в фондах литературно-художественного музея Сергея Денисова особое место. Мы неоднократно организовывали посвящённые ему выставки в Тамбовском областном краеведческом музее, музее Чичерина и нашем. Эти материалы востребованы учёными, краеведами, музеоведами, студентами Тамбова, Мичуринска и других городов.

В июне 1950 года вдова И. М. Потапова Евгения Константиновна получила на руки справку следующего содержания: «Тамбовский областной отдел соцобеспечения сообщает: решением Облисполкома от 8.6.50 г. № 654 в назначении персональной пенсии местного значения за умершего кормильца-мужа Вам отказано, учитывая отсутствие особых заслуг Вашего мужа – бывшего врача, ПОТАПОВА Ивана Михайловича». Так Советская власть оценила деятельность человека, всю свою жизнь посвятившего служению людям.

Иван Михайлович родился в апреле 1877 года в селе Ляхове Духовщинского уезда Смоленской губернии, в семье личного дворянина. Высшее образование получил в Санкт-Петербургской Императорской Военно-медицинской академии, окончив её в 1899 году. Ещё в стенах академии занялся наукой. Его первая работа называлась «Функция нижнего мозгового придатка и цереброспинальной жидкости». Во время обучения он женился, а 13 апреля 1899 года у «Императорской Военно-медицинской Академии студента 5 курса Иоанна Михайловича Потапова и жены его Александры Александровны» родился их первенец Илларион. Служба молодого военного врача началась в кавалерийских частях Смоленска, Хабаровска, Лебедяни, Тамбова и других гарнизонах.

В 1900-1901 годах участвовал в походе европейских держав в Китай на подавление «боксёрского восстания». В 1903 году вышел в отставку и служил врачом Тамбовского почтово-телеграфного округа и в железнодорожной амбулатории, был первым оториноларингологом в крае. В 1905 году был мобилизован на войну с Японией. В 1908 году вместе с другими русскими врачами выезжал в Черногорию на борьбу с чумой. Об этом свидетельствует высшая награда Черногории — орден князя Даниила I. И орден, и наградной документ к нему хранятся в фондах нашего музея.

Награждение состоялось. А мог ли чиновник 8-го класса носить орден другой державы? Оказывается, на это необходимо было разрешение: «Г-ну Сверхштатному Врачу при Управлении Тамбовского почтово-телеграфного Округа, Коллежскому Ассессору Потапову. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по всеподданнейшему докладу Министра Внутренних Дел, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил, 29 Мая 1909 г., разрешить принять и носить Вам иностранный орден Черногорский, Князя Даниила, третьей степени».

В годы 1-й Мировой войны И. М. Потапов служил в Красном Кресте Западного фронта. Об этом свидетельствует ряд документов, в том числе и его визитная карточка главноуполномоченного. Должность больше гражданская, чем военная, но в тылу не сидел: «Настоящее свидетельство выдано Особополномоченному Российского Общества Красного Креста при 5-й армии, статскому советнику Ивану Михайловичу Потапову в том, что он находился 3-го декабря 1916 года в г. Двинске под действительным артиллерийским огнем неприятеля при исполнении своих служебных обязанностей, — каковая бытность под огнём противника, согласно приказу по Штабу 5-й действующей армии от 10-го февраля 1917 года за № 81, подлежит занесению в послужной список. Действующая армия 29 апреля 1917 г.». Подписал свидетельство помощник особополномоченного, т. е. подчинённый Ивана Михайловича П. Кони — племянник знаменитого на всю Россию адвоката Анатолия Фёдоровича Кони, ставший другом семьи Потаповых на долгие годы.

Другой подчинённый И. М. Потапова, Янис Тильберг, с начала 1915 года служил в Управлении уполномоченного Красного Креста 5-й армии, которое в тот момент дислоцировалось в Двинске (теперешнем Даугавпилсе). 14 июня 1917 года Тильберг писал сестре: «Я теперь нахожусь в Минске, куда переехал на службу к моему бывшему начальству по Двинску, а теперь главноуполномоченно-

му Кр. Креста. Я теперь состою при нём для поручений, и мне поручен фактический контроль учреждений Кр. Креста по фронту». В свободное от ревизорской и бухгалтерской работы Я. Тильберг – выпускник Петербургской Академии Художеств — занимался живописью. Сохранилось немало его карикатур, почтовых открыток, портретов сослуживцев. В том числе и большой портрет маслом И. М. Потапова, который и был ему подарен автором. Е. К. Потаповой Тильберг подарил альбом своих рисунков, изданный в 1913 году в Риге, с надписью: «Глубокоуважаемой Евгении Константиновне на память от И. Тильберга. Двинск, 25 декабря 1915 г.». Эта дружба замечательных творческих людей длилась несколько десятилетий. И после смерти Ивана Михайловича Я. Р. Тильберг, народный художник Латвийской ССР, профессор, присылал телеграммы его вдове. Уже после смерти Е. К. Потаповой с Тильбергом переписывался Николай Алексеевич Никифоров. В письме Никифорову из Государственного музея изобразительных искусств в Риге К. Г. Андреев упоминает о своем учителе Я. Р. Тильберге, как о «живом классике».

В 1906 году в Тамбове товарищем И. М. Потапова Е. М. Гарклавом было создано фотографическое общество. Можно предположить, что Иван Михайлович, как и многие из его окружения, подвергся и этой страсти. Благодаря этому мы имеем яркие свидетельства о Первой мировой войне, а именно о работе Красного Креста на фронте. Вероятно, некоторые из фотографий сделаны И. М. Потаповым, другие – его подчинёнными, сёстрами милосердия. Некоторые подписаны и датированы: «2-ая здравница. Тут трещит пулемёт, обстреливающий немецкий аэроплан, летающий и бросающий бомбы над Погулянкой, в стороне гремит артиллерия, а публика из больных с восторгом наслаждается игрой своего брата-солдата-артиста. Устроитель спектакля снимал, а я работала по вечерам снимки»; «Смотр корпусным врачом и ординатором для назначения лечения пиво-молоком по степеням рода болезни. Погулянка. 2-ая здравница. 1916, 15 июля. С. Кузнецова. Снимок доктора Либермана»; «Санитарный поезд 1914-1916 гг.»; «Подвоз медикаментов к линии фронта»; «Карета скорой помощи». На одной из фотографий запечатлён Иван Михайлович и его боевая подруга Евгения Константиновна среди врачей, сестёр милосердия и выздоравливающих солдат и офицеров. Сохранилось много и других групповых и жанровых снимков.

Осенью 1917 года в Минске проходил Второй делегатский съезд работников Красного креста Западного фронта. Съезд постановил должности главноуполномоченного, особоуполномоченных и уполномоченных упразднить. Через некоторое время И. М. Потапов вернулся в Тамбов. Через год, 30 октября 1918 года, из финансового отдела Центральной коллегии Красного креста он получил пакет: «Финансовый отдел в ответ на Ваше заявление от 16-го сентября с. г. за № 18903, сообщает, что: 1) Удостоверения о прохождении прежней службы не выдаются, на основании решения Совнаркома, 2) свидетельство об увольнении Вас со службы в Кр. Кр. и аттестат об удовлетворении содержанием от 1 декабря 1917 г. также не представляется возможным выдать ввиду неимения документов от последнего места службы». К власти пришли новые люди.

Впрочем, к доктору Потапову у новой власти отношение было гораздо теплее, чем к его коллегам, офицерам и чиновникам того времени. В фондах нашего музея хранится удостоверение от 28 июля 1919 года за подписью губернского военного комиссара: «Дано сие Помощнику начальника Тамбовского эвакуационного пункта доктору Потапову в том, что он и его семья на основании приказа Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики от 18 сентября 1918 года за № 5 выселению, уплотнению, реквизиции вещей и назначению на принудительные работы не подлежат, что подписью и приложением печати удостоверяется».

В конце 1919 года в тамбовские госпитали прибывало до 2000 больных в день. Сыпной тиф косил солдат, гражданское население, в госпиталях – санитаров, сестер милосердия, врачей. К новому, 1920 году умерло 12 врачей – подчинённых И. М. Потапова. Тринадцатым стал начальником эвакуационного пункта, он умер в конце января 1920 года. На предложение занять эту должность, Иван Михайлович ответил категорическим отказом, мотивируя это тем, что для новых губернских властей он всегда будет оставаться бывшим городским головой. Этот эпизод он описал сам: «После этого в губисполкоме было совещание, в результате которого я был назначен начальником эвакуационного пункта. Позднее я слышал, что моя деятельность в качестве городского головы была оценена, как деятельность “беспартийного большевика”».

Спустя некоторое время, в 1921 году, И. М. Потапов был назначен председателем Тамбовской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой. Новая власть учла его отвагу и професси-

ональный опыт в борьбе с эпидемиями. Судя по приказу № 1 от 24.06.1921 за подписью председателя Чрезвычайкома, он обладал достаточно большими полномочиями. Он отдаёт распоряжения: «мобилизовать 160 подвод Покровско-Пригородной волости»; «автосекции и всем учреждениям, имеющим грузовые автомобили выслать таковые в те же дни и часы на Базарную площадь в распоряжение Помощника н-ка 2-й милиционной части»; «Утрудкому подготовить необходимое количество рабочих и предоставить их своевременно в распоряжение начальников милиционных участков»; «Все лица, появляющиеся без дела на улицах от 6 до 10 ч вечера 27, 28 и 29 сего июня и не имеющие установленных удостоверений о неспособности к труду, привлекаются сотрудниками милиции к работе в установленном ими месте». Одну из главных задач, стоящих перед комиссией, доктор Потапов видел в просветительской работе. Она началась с первого дня существования комиссии. В № 139 «Известий Тамбовского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» открылся отдел «Борьба с холерой», где комиссия брала на себя обязательство «возможно полнее осведомлять население о ходе эпидемии и о тех мерах, которые ею будут приниматься в борьбе с надвигающимся бедствием».

В 1923-1948 годах И. М. Потапов работал в 1-й и 2-й Тамбовских поликлиниках, в начале 1920-х был заместителем заведующего Губздравотделом. Во время Великой Отечественной войны он был консультантом военных госпиталей.

Занимаясь долгие годы больше хозяйственной деятельностью в области здравоохранения, И. М. Потапов всегда оставался практикующим врачом. При этом всю жизнь занимался научной деятельностью. Его перу принадлежит более 30 работ. Ещё в 1902 году врач Потапов призвал врачей удалять аденоиды не только у детей школьного возраста, как это делали в то время в России и за границей, но и, при необходимости, у детей грудного возраста. Он первым описал малярийную ангину в 1926 году. В 1945 году Иван Михайлович защитил кандидатскую диссертацию.

Приходилось слышать, что И. М. Потапов в послереволюционный период отошёл от активной общественной работы и ограничился только врачебной практикой. Документы свидетельствуют о другом. 26 февраля 1934 года местный комитет Союза Рабздрава выдал следующую справку: «Выдана эта от месткома 1-ой городс-

кой поликлиники заведующему отоларингологическим отделением той же поликлиники научному работнику Ивану Михайловичу Потапову в том, что он состоит членом союза Медсантруд со времени его основания, несёт по основной работе перегрузку на 50, 60% и состоит членом Осоавиахима, МОПРа и Красного Креста, а также ведёт работу по специальности в настоящее время: санпросвет, радиолекции, статьи в местной газете. Кроме того, он состоит членом Правления Тамбовской Научной Медицинской Ассоциации и председателем её Отоларингологической секции».

За время советской власти его труд был отмечен довольно скромно. 23 ноября 1939 года приказом директора Поликлиники № 2 Буковского «в день сорокалетней врачебной деятельности д-ра Потапова И. М. за хорошую работу по своей специальности в кабинете и активное участие в организации поликлинических научных конференций» была вынесена благодарность с занесением на Доску Почёта. Сохранилась Почётная грамота «за достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании и за долготеленую и плодотворную работу в органах здравоохранения» за 1947 год. Из правительственных наград – только медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Материальное положение семьи Потаповых также значительно отличалось от дореволюционного. Об этом свидетельствуют две справки: из 2-й городской больницы в том, что Иван Михайлович «работал в поликлинике № 2 г. Тамбова в должности врача-отоларинголога с 1-го декабря 1936 г. по 1-ое мая 1948 г. Получаемая ежемесячная зарплата за последние 12 месяцев – 905 рублей». И справка из Тамбовского Тубгоспиталя о том, что, работая там с 1 июля 1947 года по 20 мая 1948 года, он получал зарплату 490 рублей. Старожилы помнят, как в годы войны Потаповы, несмотря на возраст и болезни, были вынуждены сами пилить и колоть дрова для отопления своего дома, помнят и как доктор Потапов оказывал медицинскую помощь на дому. Причём бедных он лечил бесплатно, а на предложение взять деньги хотя бы на извозчика отвечал шуткой: «Как же я возьму на извозчика, если я на нём и обратно поеду?»

В 1948 году Иван Михайлович ушёл из жизни. Евгения Константиновна до последних своих дней бережно хранила документы мужа: справки, свидетельство о браке от 15 ноября 1926 года, вырезки из газет с его публикациями, рукописи его научных статей, переписку с редакциями медицинских журналов, медицин-

скими институтами, общественными организациями. Медаль «За храбрость», которой Евгения Константиновна была награждена в годы империалистической войны, и наградные документы к ней, не сохранились, а вот документы на ордена Станислава, Владимира, темляк к ордену Анны, которыми был награждён её муж, она сберегла. Сохранила она также и свидетельство о награждении «Члена Тамбовской Губернской Учёной Архивной Комиссии И. М. Потапова» медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. Уцелел и «Диплом Императорского Российского Общества спасения на водах под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны на звание Пожизненного члена и право ношения серебряного знака Общества» за подписью самой вдовствующей императрицы.

После смерти в 1956 году Евгении Константиновны хранителем материалов стал Н. А. Никифоров, которого называли собирателем имён. Поэтому естественно, что его интересовала как личность самого Потапова, так и всё его окружение. Благодаря этому в фондах нашего музея хранятся личные вещи А. П. Чехова, с которым Иван Михайлович познакомился, будучи молодым врачом, письма многолетнего предводителя губернского дворянства князя Чолокаева, письма и фотографии тамбовского помещика и общественного деятеля А. А. Булгакова, Я. Р. Тильберга и многих других. На основе материалов музея Денисова тамбовский краевед А. С. Чернов в своей книге «Менделеевы в Тамбове» целую главу посвятил трогательной многолетней дружбе Евгении Константиновны и дочери великого химика Марии Дмитриевны Менделеевой-Кузьминой, которая оказывала содействие в публикации статей, как своей подруге, так и её мужу. Их связала любовь к охоте и кровному собаководству. Даже в трудные военные годы, отказывая себе в самом необходимом, они держали чистокровных подружейных собак, любимых ими сеттер-гордонов. Свои последние письма Н. А. Никифорову Евгения Константиновна подписывала: «Две старые дамы с Лермонтовской», имея в виду свою любимицу Нуку, которая скрашивала её одиночество.

Немалое место в фондах музея Денисова занимают материалы о родственных связях Потаповых, которые интересны не менее, чем деловые и дружеские. Николай Михайлович Потапов (1871-1946) – старший брат Ивана Михайловича, генерал-лейтенант царской армии, комбриг Красной Армии, перешёл на сторону большевиков

ещё до победы Октябрьской революции, стал видным чекистом. Вместе с Дзержинским он разрабатывал и проводил операцию «Трест». Второй брат, Сергей Михайлович (1873-1956), – доктор юридических наук, профессор, основоположник судебной фотографии и многих направлений в криминалистике. Каждую новую свою книгу он присылал в Тамбов с посвящением любимому брату. Сын И. М. Потапова от первого брака, Иван Иванович Потапов (1904-1977), пошёл по стопам отца, стал доктором медицинских наук, крупным учёным в области оториноларингологии, воспитал 50 кандидатов и 16 докторов наук. Все Потаповы неоднократно приезжали в Тамбов, Иван Иванович хоронил Евгению Константиновну.

Гласный (депутат) городской Думы, городской голова Потапов, желая видеть культурным ставший ему родным Тамбов, всячески содействовал созданию многочисленных добровольных обществ, объединявших увлечённых людей. Совместно с другом по охоте, отставным полковником и художником Николаем Михайловичем Шевченко И. М. Потапов создал «Общество любителей художеств», занятия которого проводились в их собственных домах на Набережной и Тёплой улицах. Среди многих благородных дел общества была поддержка молодых начинающих художников. О таких встречах и занятиях очень тепло вспоминали ставшие известными тамбовские художники А. И. Лёвшин, А. И. Нестеров, Т. Н. Емельянова и др. Об этом в своей книге «Страницы истории охоты в Тамбовском крае» пишет Н. А. Громаков, который также использовал в своей работе материалы нашего музея.

Любопытный документ оставил заведующий облздравотделом А. Гаспарян – довольно пространное письмо доктору Потапову: «Учитывая Вашу многолетнюю и сугубо полезную работу в области здравоохранения, большой жизненный опыт, накопленный Вами в Вашей трудовой деятельности, облздравотдел обращается к Вам с просьбой описать Ваш жизненный врачебный путь». Далее А. Гаспарян обосновывает свою просьбу: «Мы намерены на Вашем многолетнем опыте воспитать молодое поколение врачей нашей области, рассказать им, как можно честным самоотверженным трудом, бескорыстным служением больному человеку завоевать большую популярность и любовь народа, стать советским врачом-общественником.

Мы надеемся, что Вы отнесетесь чутко к нашей просьбе, описав свой врачебный путь – тем самым поможете нам в нашей трудной и почётной работе». Иван Михайлович отнёсся к предложению очень

ответственно, воспоминания он написал. К сожалению, у нас хранится только небольшой фрагмент, относящийся к периоду Гражданской войны. Остальное пока не найдено.

На полях сражений военные врачи оказывали помощь всем раненым, независимо от того, свои это были воины или неприятельские. И. М. Потапов, независимо от режима, до последнего дня оставался верен своему призванию — исцелял тела и души.

Лет семь назад коллектив нашего музея выдвинул идею создания в Тамбове музея И. М. Потапова. Материалов для реализации этой идеи у нас достаточно. От нынешних городских властей ответа мы пока не получили. Дом Потапова (ул. Лермонтовская, 26), несмотря на установленную на нём мемориальную доску, государством не охраняется и подлежит сносу. Его могила на Петропавловском кладбище заброшена. Не о себе ли он сказал:

*«И под сенью святого креста,
Одинокий и всеми забытый,
Ты не вспомнишь, с какою любовью уста
Твои были для мира открыты...»?*

Кстати, о городском голове, общественном деятеле и враче Потапове специалисты в Тамбове знают, кое-кто из старожилов помнит, но мало кто знает Потапова-поэта. В 1903 году в Тамбове вышел его единственный поэтический сборник «Стихотворения». Сегодня у читателей «Тамбовского альманаха» есть возможность познакомиться с частью поэтического наследия бывшего городского головы.

Иван ПОТАПОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА, ОПУБЛИКОВАННОГО В 1903 г.

Отчего

*Отчего, как увижу глаза твои ясные,
Иль услышу твой голос родной,
Что-то сладко-больное, мучительно-страстное
Шевельнется в груди молодой?*

*Отчего это чувство томительно-чудное
Лишь коснётся безмолвной груди,
В ней забудется вдруг всё тяжёлое, трудное,
И надежда блеснёт впереди?*

*Отчего это чувство парит над сомненьями?
Отчего, как угаснет оно,
Снова сердце томится былыми виденьями,
И всё прежних страданий полно?*

Минутю

*Грозной порою так сладко забыться
Мирным и радостным сном;
Тихо певучей молитвой молиться,
Жить и дышать Божеством...*

*Верить, любить, выносить терпеливо
Жизни жестокий удар:
Мысли – торжественны, чувства – так живы,
В сердце такой чудный жар!..*

*Слух полон звуков молитвы священной,
Время так сладко летит...
Хочется жить и любить для вселенной,
Хочется вечно так жить!..*

Мысли раненого

*Хило и слабо смежаются вежды:
Что ж? не пора ли? заманчив покой!
Все затаенные в жизни надежды
В вечность отринуты вражьей рукой...*

*Всё, что порою мне жизнь оживляло,
Сеяло радость, терпенье, любовь,
В душу блаженство земное вселяло,
Всё безвозвратно потеряно вновь!*

*Правда, – судьба улыбалась когда-то;
Счастье грядущего рок мне сулил:
В эти минуты я гордо и свято
Лучшие грёзы в душе хоронил!*

*Всё то прошло, – и разбитый, недужный,
Полный сознания несчастий своих,*

*Я угасаю сражѣнный, ненужный,
В жалком бессилье страданий моих...*

*Что же осталось от жизни жестокой?
Жалкий, колючий терновый венец!
Вечно несчастный, всегда одинокий,
Всюду искал, – и нашѣл я конец!*

*Пуля шальная пресекла нить жизни...
День мой последний и день роковой!..
Что же, судьбе ли твердить укоризны,
Или смириться пред мощной рукой?*

*Пусть же смежатся усталые вежды,
Пусть все сомненья мои отдохнут;
Пусть все разбитые жизнью надежды
Сном непробудным навеки уснут!..*

Русская песня

*Громкая песня раздолья широкого
В этой безвестной глуши
Мерно промчалася к небу высокому...
Вопль наболевшей души!*

*Что породило тебя, заунывную?
Кто над тобою страдал?
Как это вылилась песенка дивная?
Кто тебя первый слагал?*

*Что? потерял ли он друга сердечно?
Сам ли себя погубил?
Видел в других ли он радость беспечную,
Сам выбиваясь из сил?*

*Жив ли он? иль свою жизнь бесталанную
В лоно земли он сложил,*

*И похоронен в могилу желанную
В недрах родимых могил?*

*Или, заброшенный в землю далёкую,
Тяжкой тоскою томим,
Отдал, запев про раздолье широкое,
Вздых свой последний – чужим?*

*Умер... но вопли жестоко измученной
В бурных страданиях души
Мерно промчались песнью заученной
В этой безвестной глуши!..*

Уменье жить

*Если сердце твоё непослушное бьётся,
Ищет правды, любви на земле;
Если мысль всеми силами трепетно рвётся
Делать благо, – и сладко тебе;*

*Если веришь, что честность – не слово пустое
И не злой в наше время недуг;
Если в сердце нетронуто чувство родное:
Значит – ты ещё не жил, мой друг!*

*Если хочешь пожить, научися поклонам,
Научись унижённо ласкать
Тех, кто нужен тебе, – не внимая законам,
Всё лишь в пользу свою обращать!*

*Если горд ты, – откинь свою гордость; с улыбкой
Слушай низкую речь наглеца;
Если честен и прям был – былое ошибкой
Назови, превратися в льстеца!*

*Пред тобой безысходное горе другого? –
Отвернись! – Что за дело тебе*

*До несчастья других, до страданья людского?!
Говори: «так угодно судьбе!».*

*Где сидит властелин, ты ему, как кумиру:
«Ты умён, справедлив!» – говори,
И в угоду всему необъятному миру
Фимиамамы ему воскури...*

*И когда свою правду и честность больную
И горячее сердце убьёшь, –
Ты презрительно глянешь на горесть людскую
И высокое место займёшь!..*

Завещание

*Только лишь грозной рукою холодной
Смерть возьмёт душу мою,
Друг! не томяся тоскою бесплодной,
Волю исполни, молю!*

*Письма... да, письма рукой драгоценною
Писаны есть у меня;
Мысли о них на прощанье с вселенною
Жгут меня, ярче огня...*

*Друг мой! ты знаешь те листики бедные;
Знаешь, что издалика
Полна сомнений, холодная, бледная
Их начертала рука...*

*Ты не забудь их послать до единого
Все ей обратно, опять:
Лепета детского, чисто-невинного
На поруганье отдать.*

*Людам, не знающим страсти мучительной,
Верю, что ты не дерзнёшь;*

*Чувство любви бесконечно-томительной
Знаю – ты, друг мой, поймёшь!*

*Ты не заставишь в предсмертном страдании
Жизнь всю безумно проклять...
Нет, я спокойно, легко, в уповании
Буду тогда умирать!*

*И, когда грозной рукою холодную
Смерть возьмёт душу мою,
Я, не томяся тоскою бесплодную,
Слёзы бесплотно пролью!*

* * *

*Умирая, заката вечернего луч
Долго, долго лелеял верхушки ракиты;
Долго с нежною лаской он листья лобзал
И багряным сиянием их обнимал...
А меж тем, среди чёрных нахмуренных туч,
Ему была могила открыта...*

*И погас он, навеки исчезнул во тьме,
Листьям тайны поверив и лучшие грёзы...
Не могли они верному другу помочь,
И окутала их непроглядная ночь...
Зашептались листья в ночной тишине
И росой пролились их холодные слёзы!*

Экзамен

*Когда на фоне ширмы чёрной
Сидит профессор как гроза, –
Уж у врачей слезой позорной
Не раз омочатся глаза...*

*У всех одна мечта летает:
«Эх! Анатомию бы сдать!»
Со страхом каждый ожидает,
Когда начнет «он» вызывать.*

*Вот вызван... с внутренним страданьем
Идёт, не поднимая глаз,
С надеждой робкой, с ожиданьем...
И вдруг: «придите ещё раз!»*

*И большинство, – иной с сединой,
Иной калека, или франт, –
Идут домой с печальной миной,
В сознанье: «я не докторант!»*

Пять эпитафий

*Ворочал он миллионами,
Обстроился домком
С этажными балконами –
И спит спокойным сном.*

*Пропил отца наследство,
Казённые украл,
Попал под суд, под следствие,
И пулей в лоб попал.*

*Сидел, спину сгибаючи,
Над «делом» целый век,
И, руки нагреваючи,
Был честный человек.*

*Он не был очень бешеным,
Был даже добр, умён.
Но на крючке повешенным
Раз утром был найдён.*

*Записочка оставлена
На письменном столе:
«Душа моя подавлена...
Проклятие судьбе!»*

*За люд крестьянский ратовать
Он на словах любил,
И в шею им накладывать
На деле мастер был.*

Она ему

*Если б собрать все те слёзы,
Что за меня ты пролил,
Если б столпить все те грёзы,
Что в тебе взор мой вселил;*

*Счастья безмолвную сагу,
Жизни погибшей года, –
Переложить на бумагу:
Вышла б – увы! – ерунда!*

Людмила КОТОВА

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИЛИ МИССИЯ?

Не так давно вышел в свет русский перевод «Евангелия от Иуды». Как сообщали средства массовой информации, манускрипт, возраст которого (около 1700 лет) подтверждён пятью различными научными методами, был обнаружен в Египте более четверти века назад. Однако специалисты ознакомились с документом лишь в начале нынешнего века. Ещё пять лет продолжались реставрационные работы и перевод текста с древнеегипетского языка. Не исключена вероятность того, что манускрипт является списком с древнегреческого оригинала, существовавшего уже в I веке.

Если говорить вкратце, смысл содержания сводится к тому, что Иуда пошёл на предательство по просьбе самого Иисуса. Вообще-то, мысль подобную уже пытались донести до сознания людей. Например, в книге «Последнее искушение Христа» Никоса Казанзакиса читаем: «Помнишь, ты обнял меня и умолял: “Предай меня, предай. Я должен быть распят и потом воскреснуть, чтобы спасти мир”».

Людмила Ивановна Котова родилась в посёлке Инжавино Тамбовской области. Окончила Московскую сельхозакадемию им. К. А. Тимирязева. Работает главным агрономом тамбовского комбината «Тепличное».

Автор пяти поэтических сборников, изданных в Москве и Тамбове.

Руководитель литературно-творческого объединения «Откровение» (Инжавино).

Член Союза писателей России с 2001 года.

Скорее всего, большинство из нас не готово рассматривать ситуацию в подобной интерпретации, и всё же позволю себе проанализировать тексты канонических Евангелий, подойдя к этому с точки зрения здравомыслия, возможно даже, с применением «мужской» логики. А, кстати, вы когда-нибудь задумывались о том, насколько по-разному в своём большинстве относятся к религии и вере мужчины и женщины? «Мне трудно верить, что мужчина верит в Бога, когда не верит он в возможность чуда.» Эта фраза родилась у меня давно – и вот нашла своё применение. Мужчинам подавай научное доказательство того, что Иисус ходил по воде и не тонул! И вот ведь отыскивали, практически, подтверждение, обнаружили особое состояние, в котором вода, будучи жидкостью, под воздействием сильнейшего энергетического поля, которым, несомненно, обладал Христос, приобретает свойства твёрдой субстанции. Нашли, убедились в достоверности и воскликнули: «Да! Подобное чудо возможно!»

И ещё немножечко – чуть-чуть, самую малость, дабы никого не обидеть, – попробую посмотреть на события взглядом детектива, расследующего преступление.

Итак, опираясь на факты, изложенные в Евангелиях, рискну выдвинуть свою версию произошедшего. Позволю себе также использовать выдержки из работы протоирея Александра Меня «Сын Человеческий».

Иисус обращается к апостолам: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие». И ещё, раньше: «Душа Моя смущена сейчас. И что Мне сказать: Отче, спаси меня от часа сего? Но ради этого я пришёл – на час сей...» Получается, все ученики знали о том, какая участь уготовлена их Учителю. И для того, чтобы свершилось это, кто-то должен был выдать-предать. Возможно, Иисус уже предварительно переговорил с Иудой, но окончательное решение о том, на кого будет возложена эта тяжкая миссия, ещё не было принято, ибо: «С Сыном Человеческим произойдёт всё так, как об этом было предсказано, но горе тому, кто предаст Сына Человеческого! Лучше ему было бы не родиться». Во время пасхального ужина Иисус говорит о том, что это Его последний ужин вместе с учениками перед страданиями. Чуть позже, понимая, что время пришло, Он произносит: «Один из вас предаст меня». Итак, решающий момент настал. Никому не хочется стать тем, чьё имя будут проклинять, потому что в первую

очередь все увидят предательство, и лишь очень немногие смогут принять необходимость этого действия. Каждый из учеников вопрошает: «Не я ли?». (Обратите внимание, именно спрашивает, а не утверждает: не я). Иуда тоже надеется, что его минует незавидная участь. Он тоже спрашивает: «Не я ли, Равви?», на что получает тихий ответ: «Да, ты». Но остальные ещё не поняли, что выбор сделан. Иоанн напрямую задаёт вопрос: «Господи, кто это?». Иисус отвечает: «Тот, кому Я подам кусок хлеба, обмокнув его в тарелку», – и протягивает хлеб Иуде Искариоту. Получив такое прямое указание на предателя, позволили бы верные ученики уйти ему «делать быстрее то, что собираешься сделать», если бы не знали, что такова воля самого Иисуса?

Совершив предназначенное, Иуда возвращает плату – тридцать сребреников. И всё-таки груз содеянного невыносим. Иуда лишает себя жизни. Кстати, есть предположение (уже не моё, я где-то читала об этом), что настоящая вина, самый главный грех Иуды состоит именно в этом неприятии, несогласии с волей Божьей на своё предательство. Или всё-таки миссию?

Николай НАСЕДКИН

«УНДЕРВУД» С ДИСКЕТОЙ

В наше время престиж писательского труда упал-опустился ниже пресловутого плинтуса. По многим причинам. И не последняя из них – откровения плодовитых авторов (преимущественно дам-детективщиц), на голубом глазу уверяющих в интервью, будто они каждый день без выходных и праздников настукивают на компе по 20 страниц текста, вот мол и выпекают каждый месяц по книжечки. Есть наивные люди – верят. Таким хочется посоветовать: попробуйте сами набрать-напечатать на клавиатуре 20 страниц хотя бы уже готового текста...

Казалось бы, удивляться уж нечему. Ан нет. Еженедельник «Семь дней», специализирующийся на рассказах о гламурных проблемах телекинотусовки, в 12-м номере за этот год несколько страниц посвятил почему-то некоей «писательнице» Юлии Шиловой. Интервью с ней обильно иллюстрировано фотографиями роскошных интерьеров жилья успешной героини – особняк забит блестящими стульями, столами, кроватями в сусальной позолоте (со вкусом у «писательницы» явные проблемы).

Удивился я отсутствию даже в «рабочем кабинете» сочинительницы компьютера и принтера, пробежал текст по диагонали и уже собирался закрыть интервью, как взгляд зацепился за такое откровение литдамочки: *«Я издала уже восемь десятков романов...»*

Николай Наседкин родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда», «Российский колокол» и др.

Автор 13-ти книг, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Председатель правления Тамбовской писательской организации. Секретарь Правления Союза писателей России.

Согласитесь, считать романы, как яйца, десятками – это что-то новое. Просмотрел интервью внимательнее, и, как выражаются эти самые современные «писатели», волосы в жилах дыбом встали. Да и то! Оказывается, эти «восемь десятков» книг наша Юленька настряпала всего за несколько лет. Однажды «купила старую печатную машинку. И началось... Вечером уложу детей спать – и давай строчить страницу за страницей...» Настрочила-натюкала мантикюрчиком первый «роман», принесла «дискету» (!) в крупное издательство, запугала мифическими покровителями «начальника» (о главных редакторах и директорах издательств Юля, видимо, не подозревает), тот испугался, «дискету» взял, но поставил условие, чтобы новорождённая «писательница» представила для серии ещё пять романов...

Дальше надо цитировать дословно, иначе меня заподозрят в мистификации: *«Выбила три недели... Всё это время практически не спала – днём занималась с детьми, а ночью писала. Сосуды на глазах полопались, но к сроку успела. Приехала в издательство с пятью дискетами, совсем без сил...»*

Уточняю-подчёркиваю: наша Юля уверяет, что выдавала по роману каждые четыре дня, вернее, ночи! Достоевский с его 26-ю днями просто отдыхает. Но главное даже не это. Признаюсь, когда в первый раз выскочила дискета, подумалось, что это ошибка-опечатка. Но когда их выскочило из «Ундервуда» целых пять! После такого уже почти и веришь, что эта жрица творчества сумела за три недели пять романов родить. Почти уже веришь и следующему пассажи-откровению: *«Первые 12 романов я написала бесплатно – так хитро был составлен контракт издателем. Но на это я даже внимания не обращала – балдела от стука пишущей машинки...»* Жаль, балдеющая Юля так и не уточнила, как и куда в свою пишущую машинку она вставляет дискеты...

Ну а если серьёзно... Кукловоды даже не удосужились хотя бы объяснить «писательнице» процесс и технику писательского труда, не посчитали нужным. Свечку, конечно, никто не держал и кто там знает – нормальным или групповым творчеством занимаются все эти раскрученные сериальные авторы-детективщики, но прежде они, по крайней мере, хотя бы наивных читателей могли уверить, что можно каждый день настукивать-выдавать на компьютере страниц 20 нового текста и выдавать каждый месяц по книге. А теперь, выходит, так заелись и покрылись сусальным золотом, что правдоподобно сочинять даже в своих гламурных интервью не считают нужным.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

11 ноября 2010 года Тамбовской писательской организации исполнилось 50 лет! В областной библиотеке им. А. С. Пушкина прошёл большой юбилейно-фуршетный вечер, посвящённый этому событию. Тамбовское отделение Союза писателей России в целом и ряд замечательных прозаиков и поэтов были награждены премиями, почётными грамотами и благодарственными письмами администрации области, областной Думы, управления культуры и архивного дела области, получили подарки и цветы от гостей праздника – представителей различных организаций и просто читателей.

Вечер вели председатель правления Тамбовского отделения СПР **Николай Наседкин** и его заместитель **Валентина Дорожкина**.

В рамках вечера прошла презентация 10-го выпуска «Тамбовского альманаха», целиком посвящённого юбилею писательской организации.

* * *

16 ноября 2010 года в «Клубе интересных собеседников» Тамбовской областной детской библиотеки состоялась встреча с прозаиком, председателем Тамбовской писательской организации **Николаем Наседкиным**. Гость рассказал о своём творчестве, делах-заботах писательской организации, ответил на многочисленные вопросы.

* * *

17 ноября 2010 года в «Литературной газете» (№ 45-46) под рубрикой «Лит-резерв» опубликована подборка стихов **Марии Знобищевой**. Поздравляем!

* * *

26 ноября 2010 года исполнилось 25 лет литературно-творческому объединению «Тропинка» при Тамбовской писательской организации и областной детской библиотеке. Его создатель и бессменный руководитель **Валентина Дорожкина** вместе со своими питомцами принимала в этот день поздравления и подарки от руководителей области и города, творческих организаций и других гостей юбилейного вечера.

* * *

9-12 декабря 2010 года с большим успехом на сцене Тамбовской филармонии прошли премьерные спектакли мюзикла «Рукопись Мастера» по черновикам романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Каждый вечер зрители заполняли вместительный зал до отказа, чтобы увидеть на сцене удивительную историю о любви и вере. Музыка написал **Андрей Пронин**, а либретто – поэтесса, член Союза писателей России **Татьяна Маликова**. Это уже не первая работа творческого тандема: предыдущий их мюзикл по сказкам Андерсена «Я всегда буду с тобой» также с успехом шёл на сцене Учебного театра ТГУ.

* * *

15 декабря 2010 года в «Литературной газете» (№ 51) напечатана рецензия «Весёлая жизнь в деревне Хомуты» на книгу **Михаила Гришина** «Старая прялка, или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина». Эта смешная повесть была в своё время удостоена диплома Международного конкурса на лучшее произведение для детей им. Алексея Толстого и её первая часть впервые была опубликована в «Тамбовском альманахе» № 6.

* * *

24 декабря 2010 года в писательском клубе «Свеча» при Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской прошла презентация книги **Евстахия Начаса** «Снегопад», вышедшей в серии «Поэтический Тамбов» к 70-летию автора.

* * *

25 декабря 2010 года в одном из лучших кафе города Мичуринска «Комильфо» состоялось чествование прозаика и публициста **Валерия Аршанского** по случаю его 65-летия. Делегация от Тамбовского отделения Союза писателей во главе с председателем правления **Николаем Наседкиным** среди прочих подарков вручила юбиляру и сигнальные экземпляры его новой книги «Исповедь Козерога», изданной писательской организацией при финансовой поддержке управления культуры и архивного дела области.

* * *

21 января 2011 года в Мичуринской городской библиотеке прошёл большой литературный вечер. Перед читателями выступили авторы-земляки 9-го выпуска «Тамбовского альманаха» поэты **Виктор Кострикин**, **Геннадий Былкин** и прозаик, член Союза писателей России **Валерий Аршанский**, чьи рассказы опубликованы в этом номере. Кроме «ТА-9» в ходе вечера состоялась презентация и двух новых книг В. Аршанского «Часовой пояс» и «Исповедь козерога».

* * *

22 января 2011 года в Центральной районной библиотеке с. Староюрьево состоялся вечер замечательного поэта-земляка члена Союза писателей России **Александра Макарова**. В основу программы литературного праздника легла презентация нового сборника А. Макарова «Вечная жатва», который был издан Тамбовской писательской организацией при поддержке управления культуры и архивного дела области в конце 2010 года в серии «Поэтический Тамбов».

* * *

15 февраля 2011 года в Воронеже прошёл юбилейный вечер в честь 80-летия журнала «Подъём». Тамбовских писателей (а у них с региональным журналом давнишняя и плодотворная дружба!) на торжестве представлял член правления Тамбовского отделения Союза писателей России, постоянный автор «Подъёма» **Валерий Аршанский**. Позже, в апреле, Валерий Семёнович вошёл в состав редколлегии воронежского журнала.

* * *

В марте 2011 года **Зинаида Королёва** в литературном Интернет-конкурсе «Социальный портрет пожилого человека», посвящённом 20-летию Пенсионного фонда России, награждена дипломом за победу в номинации «Опалённые войной». Поздравляем!

* * *

18 марта 2011 года Общественная палата Тамбовской области совместно с ТГУ им. Г. Р. Державина провели заседание круглого стола на тему «Тамбовская литературоведческая школа в культурном пространстве региона». Вела заседание руководитель данной научной школы завкафедрой истории русской литературы университета, профессор, член Союза писателей России **Лариса Полякова**. В заинтересованном разговоре о тамбовской литературоведческой школе, литературном краеведении, развитии интереса к чтению у подрастаю-

щего поколения приняли участие и другие писатели — председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России, прозаик и литературовед **Николай Наседкин**, автор многих статей и учебных пособий по литературному краеведению **Валентина Дорожкина**, поэты **Валерий Марков**, **Мария Знобищева**.

* * *

21 марта 2011 года во Всемирный день поэзии в писательском клубе «Свеча» при Тамбовской Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской прошёл поэтический вечер. В переполненном большом читальном зале свои новые стихи читали профессиональные и самодеятельные поэты — **Евстахий Начас**, **Валентина Дорожкина**, **Марина Гусева**, **Валерий Марков**, **Елена Луканкина**, **Мария Знобищева**, **Елена Захарова**, **Александра Николаева**, **Галина Простосердова** и другие. Бурные аплодисменты благодарных слушателей стали наградой тамбовским пиитам.

* * *

В марте 2011 года в 3-м номере журнала «Москва» опубликована повесть **Николая Наседкина** (перед этим напечатанная в 10-м выпуске «Тамбовского альманаха») «Сто двадцать лет спустя».

* * *

31 марта 2011 года на общем собрании писательской организации в Союз писателей России принята молодая поэтесса **Александра Николаева**, воспитанница литературно-творческого объединения «Тропинка», постоянный автор «Тамбовского альманаха».

* * *

19 апреля 2011 года в городской детской библиотеке им. Маршака прошёл творческий вечер **Марии Знобищевой**. Гости вечера слушали стихи в авторском исполнении, а также стихи Марии декламировали юные воспитанники детской литстудии «Ступени», которых она учит азам поэтического мастерства. Добрые слова о талантах Маши, её поэзии сказали председатель правления Тамбовской писательской организации **Николай Наседкин**, директор Центральной библиотечной системы г. Тамбова **В. М. Кулаченко**, другие гости вечера.

* * *

29 апреля 2011 года в областной картинной галерее прошла презентация новой книги **Владимира Селивёрстова** «Державин – правитель тамбовский. Часть 2», изданной Тамбовской писательской организацией к юбилею автора. Председатель правления Тамбовского отделения СПР **Николай Наседкин** поздравил виновника торжества, отметил его творческие достижения. Активное участие в вечере приняли представители ТГУ им. Г. Р. Державина, Общества любителей книги, читатели. Прозвучали отрывки из романа В. Селивёрстова, а также песни в исполнении приглашённых артистов.

* * *

13 апреля 2011 года в «Литературной газете» (№ 14) опубликована реплика-фельетон **Николая Наседкина** под названием «Ундервуд с дискетой». 11 мая 2011 года в «Литературной газете» (№ 19) в рубрике «А вы смотрели?» напечатана реплика **Николая Наседкина** о передаче **Леонида Парфёнова** «Какie наши годы!» под названием «Макулатурная память».

* * *

5 мая 2011 года в московском издательстве «Вече» по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла вышла антология «Молитвы русских поэтов. XX–XXI» – продолжение антологии «Молитвы русских поэтов. IX–XIX». Красочный фолиант (960 страниц!) включил в себя стихи на духовную православную тематику более 400 авторов от Д. Мережковского и А. Блока до поэтов наших дней. Среди них и три тамбовских автора: к сожалению, уже ушедший в мир иной **Игорь Лавленцев**, а также здравствующие **Валентина Дорожкина** и **Лидия Перцева**. Приятно и отметить, что на обороте титула фолианта среди других учреждений и организаций особая благодарность автора-составителя **Виктора Калугина** выражена и Тамбовской писательской организации за помощь в создании антологии.

* * *

28 мая 2011 года в тамбовском магазине «Новый книжный» прошла встреча детского писателя **Михаила Гришина** с читателями, на которой он представил свою новую книгу «Старая прялка, или Необыкновенные приключения Витки Картошкина» (М.: Китони, 2010). На встрече присутствовали как юные читатели, так и взрослые. По окончании мероприятия всем присутствующим были вручены памятные подарки от московского издательства «Китони».

* * *

7 июня 2011 года в Рассказовской центральной библиотеке в рамках празднования 85-летия со дня образования города прошёл литературный вечер с участием писателей из Тамбова. В гости к рассказовцам приехали председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России **Николай Наседкин**, а также **Валентина Дорожкина**, **Михаил Гришин** и **Елена Луканкина**. Гости читали стихи и прозу, отвечали на вопросы, подарили библиотеке свои книги. Хозяйева вечера, в свою очередь, горячо поблагодарили гостей, вручили им памятные подарки, пригласили приезжать ещё.

* * *

9 июня 2011 года в Тамбовской областной картинной галерее прошёл творческий вечер **Татьяны Курбатовой**. В рамках вечера состоялась презентация новой книги поэтессы «Связующая нить» (Тамбов, 2011). Весь вечер звучали стихи в исполнении автора, песни на её тексты. Виновицу торжества поздравляли председатель правления Тамбовского отделения СПР **Николай Наседкин**, композитор **Ольга Егорова**, другие гости.

* * *

1 июля 2011 года ушёл из жизни патриарх тамбовской литературы, известный прозаик, член Союза писателей России **Иван Захарович Елегечев**. Через несколько дней мы собирались отметить 84-ю годовщину со дня его рождения. Несмотря на возраст И. З. Елегечев был полон сил, бодрости, творческой энергии, задумок и планов. Сердце писателя остановилось внезапно. Скорбим!

* * *

2 июля 2011 года в ходе юбилейного 40-го Лермонтовского фестиваля в Тарханах (Пензенская обл.) состоялось вручение ежегодной Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова. В числе награждённых – пензенские писатели **Николай Куленко**, **Ольга Коршунова** и наша **Мария Знобищева**. Поздравляем!!!

НОВЫЕ КНИГИ

Аршанский В. Исповедь Козерога. *Повести и рассказы*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2010. 272 с. 500 экз.

Гришин М. Старая прялка, или Необыкновенные приключения Витька Картошкина. М.: Китони, 2010. 272 с.; илл. 3000 экз.

Дорожкина В. Я – дочь погибшего солдата. *Стихи*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2010. 170 с. 1200 экз.

Карницкий В. Вертикаль лежачая. *Хроника времён тандема*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2011. 156 с. 300 экз.

Королёва З. Мы помним! Мы гордимся! Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2010. 170 с. 300 экз.

Курбатова Т. Связующая нить... *Избранные стихи*. Тамбов: ОАО «Пролетарский светоч», 2011. 192 с. 300 экз.

Маликова Т. Перекати-небо. *Стихи, либретто, переводы*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2010. 204 с. 500 экз.

Молитвы русских поэтов XX-XXI / Сост. В. Калугин (Среди авторов тамбовские поэты: **В. Дорожкина, И. Лавленцев, Л. Перцева**). М.: Вече, 2011. 960 с.; илл. 1500 экз.

Наседкин Н. Гуд бай, май... *Роман-ностальжи*. М.: Голос-Пресс, 2010. 500 с. 3000 экз.

Селивёрстов В. Державин – правитель тамбовский. *Историческое повествование*. Ч. 2. Тамбов: ОАО «Пролетарский светоч», 2011. 230 с. 1000 экз.

У нас на всех одна Победа. *Сборник очерков тамбовских журналистов* / Ред.-сост. В. Марков, В. Сантылов, Г. Сельцер. (Среди авторов писатели: **В. Аршанский, В. Дорожкина, В. Марков**). Тамбов: ОАО «Пролетарский светоч», 2010. 238 с. + 28 с. вкл. 500 экз.

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 11 (август 2011)

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**
Корректор **А. Кириллов**

Подписано в печать 10.07.2011 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16,0.

Тираж 600 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России»
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.
Тел. 53-50-77; 72-70-32
<http://www.niknas.by.ru/1tambovsp>
E-mail: tambocsp@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в открытом акционерном обществе
«Тамбовская типография “Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.